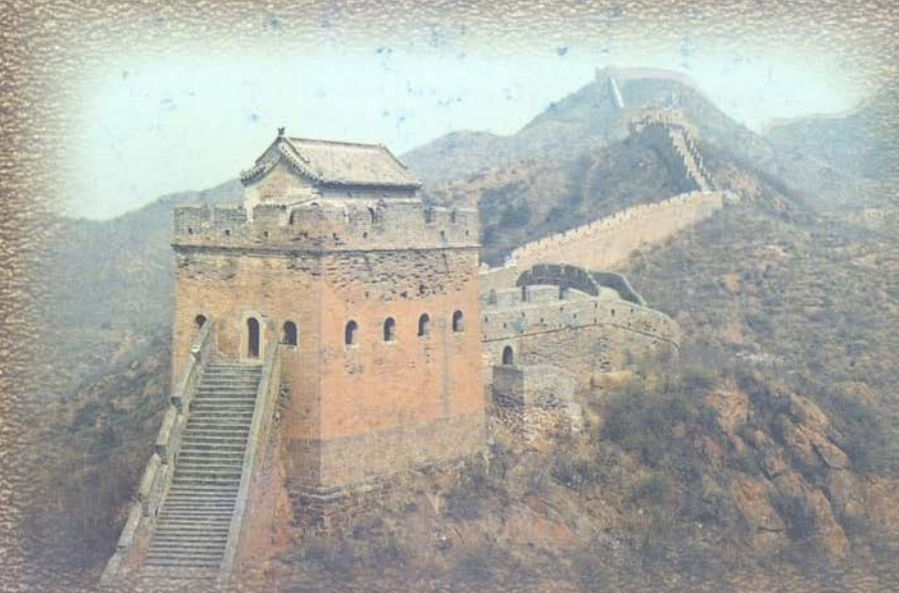

12017

5269

Р. Н. БЕЗЕРТИНОВ

Китаѝ и КОЧЕВОѝ МИР

Р.Н. Безертинов

КИТАЙ И КОЧЕВОЙ МИР

(1500 лет до н.э. по 220 год н.э.)

Казань
«Слово»
2011

ББК 63.3
УДК 94(3)
Б39

Рафаэль Нурудинович Безертинов родился в г. Баку. По национальности татар. Имеет высшее финансово-экономическое образование. Много его статей по тюркской истории опубликовано в журналах и газетах, издаваемых в Татарстане и в других республиках. В 1997 году вышла его книга «Татары, тюрки — потрясатели Вселенной» (История Великих Империй), в 2000 — книга «Тэнгрианство — религия тюрков и монголов», в 2005 году — книга «Тюркско-татарские имена», в 2006 году — учебное пособие «Древнетюркское мировоззрение тэнгрианство», в 2006 году — книга «Вектор татарского направления».

Автор разрешает всем издательствам переиздавать эту книгу, а также переводить и издавать на других языках без изменений и искажений текста.

Книга издана на средства татарских предпринимателей.

Безертинов Р. Н.

Б39 Китай и кочевой мир. (1500 лет до н.э. по 220 год н.э.).
Казань: Издательство «Слово», 2011. — 208 с.

В книге освещается история тюркских кочевых народов в противостоянии и взаимодействии с Великой китайской империей начиная с 1500 лет до н.э. по 220 год нашей эры. Основной акцент в книге делается на культурном аспекте, мировоззренческом различии народов этих двух противостоящих империй.

Подробно рассматривается уклад жизни обоих народов, анализируется история войн.

Книга адресована историкам, политологам и всем, кому небезразлична судьба татарского, тюркских и монгольских народов.

ISBN 978-5-98356-129-8

От автора

В начале 90-х годов XX века были известны переводы с китайских летописей российских ученых Н.Я.Бичурина, В.С.Таскина, Г.У.Грум-Гржимайло и историческая книга Л.Н.Гумилева «Хунны». Основываясь на эти материалы, я написал статью о Хуннской империи. Впоследствии она вошла в первую главу книги «Татары, тюрки — потрясатели Вселенной», которая вышла в 1997 году. Тогда в этой главе в основном было написано о войне хуннов с Китаем, об их выдающихся полководцах. Прошло 20 лет. Появились переведенные на русский язык книги английских, французских, американских ученых 18 — 19 века, жившие и работавшие в Китае. В настоящей книге «Китай и кочевой мир» моей целью были:

— отразить Китайскую историю с 1500 лет до н.э. по 220 год н.э., т.е. тот период, когда и откуда началась исконная земля китайцев, их мировоззрение, письменность, структура управления государством, сельское хозяйство, промышленность, военная тактика и дипломатия;

— показать тот же период, где были территории кочевников, их мировоззрение, письменность, структура управления государством, сельское хозяйство, промышленность, военная тактика и дипломатия;

— ответить на вопрос, как и почему случилось так, что Китайская империя в начале I века до н. э., после навязанной ею жестокой войны, где хунны победили, признала империю кочевников Хунну равной, а хунны после победы устроили междоусобную войну, развалили свою державу. далее потерпели поражение от китайцев и рассеялись по территории Великой степи.

— также ответить на вопрос, почему далее Китай в течение 3,5 тысяч лет расширяла свою территорию за счет соседних народов и к XXI веку пришла как самая ведущая держава мира, а

кочевники, за это же время создавшие десятки империй и государств, распались, изменили свое мировоззрение, стали мусульманами, христианами, буддистами, иудеями и т.д., часто меняли свои алфавиты и, в конечном счете, в XXI век пришли в плачевное состояние?

Глава I

Династия Ся

Сама природа разделила Восточную Азию на две части: теплую, влажную и изобильную с многочисленным оседлым населением Китай, и холодную, сухую, пустынную, с редким кочевым населением — ее мы будем называть Великая степь.

«Обширные пространства Азии, на которых образовался и существует современный Китай, не всегда и не по всей площади были заняты народом, которому принадлежат в настоящее время. Данные археологии, памятники, летописей, исторические предания красноречиво убеждают, что три-четыре тысячи лет назад предки современных китайцев занимали довольно узкую полосу в долине среднего течения Хуанхэ.»¹ Их северные и западные соседи представляли многочисленные тюркские и монгольские народы, отличавшиеся от китайцев. Китайцы, постоянно ведя войну с тюрками и монголами, медленно, но неумолимо вытесняли их на север с принадлежащих им земель. «Происходящий процесс медленных, но планомерных захватов характеризуется китайским термином «цанши» (постепенно поедать шелковичный червь листья)»

Китайская цивилизация — ровесница шумерской, египетской цивилизации. Исчезли шумеры, египтяне, ассирийцы и финикийцы. Исчезли Персидская империя, Римская империя и десятки империй, появившиеся в последствии в Европе. Появились и исчезли Великие халифаты. Тюрки создали десятки Великих империй и все они канули в историю. В мире появились новые мировые религии: иудаизм, буддизм, христианство, ислам и т.д. Только китайская цивилизация со своим неизменным мировоззрением не только не исчезла, а сегодня в мире является одной из самых развитых и передовых цивилизаций. Китайская цивилизация требует к себе внимательного и тщательного исследования, так как тюрки с древних времен непосредственно соприкасались с ней.

Как возникло человечество, по существу неведомо. Археологических находок, найденных с VI тысячелетия до н. эры в настоящее время очень много, однако содержание их скудно: не дают представления или дают его очень смутно. Понять их подлинное значение в мире этого далёкого прошлого мы не можем, как не можем представить этот мир в его целостности. Лишь прямое назначение орудий может быть понятно однозначно, всё остальное остаётся недоступным. Поэтому то, что утверждают исследователи этого времени очень гипотетично. Они интерпретируют, но из этой интерпретации трудно извлечь что-то достоверное. То, что происходило в этом далёком прошлом, не становится для нас очевидным, как это бывает при чтении источников исторического времени. Письменные документы — это веские и понятные нам исторические события, поэтому, не вдаваясь в спорные вопросы появления человека на данных территориях, будем основываться только на чтении источников исторического времени.

В двухстах километрах от того места, где река Вэй впадает в Хуанхэ, в нескольких сотнях километров вниз по течению последней и в паре сотен километров с каждой из сторон — вот на этой территории началась колыбель китайской цивилизации. Отложения богатой илом р. Хуанхэ, скапливавшиеся вследствие периодически повторяющихся разливов, создали здесь плодородные поймы. Мягкий и более влажный, по сравнению с современным, климат в соединении с тучными почвами благоприятствовал раннему развитию оседлого образа жизни и земледелия в этом районе.

К началу 5-го тыс. до н.э. люди здесь жили сельскохозяйственными общинами. Поселения были большими, насчитывающие до сотни домов. Выращивали просо, разнообразные овощи, а также занимались охотой и рыболовством. Начиная с V-го по II тыс. до н.э. произошли важные изменения. Китайцы стали строить города, обгораживая их высокими стенами и рвами. В дальнейшем они заработали свою репутацию величайших строителей стен на земле. Начало развиваться ремесло из высококачественной керамики, изготовленной на гончарном круге и обожженной при высокой температуре. Этот высокотемпературный обжиг способствовал появлению изделий из металла — медных сплавов и даже бронзы. Улучшилась жизнь людей, они стали богаче, а города приобрели политические могущества. Появились законы как для внутренней, так и для внешней политики. Древнее китай-

ское верование приняло устойчивый характер. Ритуалы поведения стали одной из самых стойких характерных особенностей китайского общества. И самое главное в конце этого периода — появление искусства и письменности. Письменность развивалась на протяжении нескольких тысячелетий. От первых символов на керамических изделиях 5 тыс. до н.э. до настоящих надписей на бамбуковых и деревянных дощечках, относящихся к 2,5 тыс. до н.э. В то время на этой территории существовало несколько десятков маленьких городов-государств, и, вероятно, одним из самых сильных и развитых было государство Ся. Государство Ся завоевало другие города-государства и объединило их в одно царство. Это был век, когда согласно традиции появилась первая китайская династия — династия Ся. По всей видимости, одна из столиц Ся находилась на берегу реки Ло, неподалеку от места ее слияния с Хуанхэ. Сегодня ученые в целом согласны с тем, что династия Ся представляет собой исторический факт. Несмотря на успехи, царство Ся владело лишь областью Хэнань и юго-западной частью Шаньси. Именно здесь было сосредоточено ядро будущего китайского народа.

Сохранились исторические записи в виде мифов, в которых упоминается первый Желтый император Хуан-ди, считающийся героем-основателем Китая, взошедший на трон в 2698 году до н.э. Мудрое правление Желтого императора стало Золотым веком, на протяжении которого все люди были чисты сердцем и жили в благоденствии, внося свой вклад в развитии цивилизации. Кроме того, в мифах утверждалось, что ему удалось победить воинственных варваров и утвердить превосходство «земли за перевалами» — территории в среднем течении Хуанхэ за окружающими горными цепями. Он ввел институт правления, в то время как его первый министр придумал письменные символы.

Его последователи, чье правление также проходило в гармонии с окружающим миром, вели астрономические наблюдения, календарь и контроль над наводнениями. Каждый из этих правителей занимал престол не по праву рождения, а благодаря своим личным достоинствам. Один из правителей по имени Юй впоследствии положил начало династии Ся. Династия Ся начала свое правление приблизительно в 2200 году до н.э.

Как бы то ни было, к 2200 году до н.э. из тумана истории появилась первая китайская династия Ся. Имелось смутное представление о ней, которое долгое время позволило составить толь-

ко мифы и легенды, прежде чем археология неуверенно подтвердила факт ее существования.

Один из нескольких мифов и легенд, сохранившимся при правлении династии Ся, версия космического генеза, достаточно сильно отличающегося от того, что описано в Библии — говорит об оригинальном мировоззрении древних китайцев. Некоторые из них удивительным образом предвосхищают современную теорию: из Великого Начала абсолютной пустоты появились первичная материя и жизненные силы. Все, что было «легким и чистым», поднялось вверх и образовало небо, а «тяжелое и грязное» опустилось вниз и образовало землю. Затем без чьей-либо помощи начали появляться вещи, которые, будучи непохожими друг на друга, разделились на различные виды рыб, птиц и зверей. И, наконец, человек родился из небытия, чтобы обрести форму в бытии.

В династии Ся насчитывалось семнадцать правителей, благодаря чему потомки Юй присвоили ему царственный титул — Добродетельный Основатель Династии. Последний представитель его династической линии, правивший через пятьсот лет, оказался совсем другим человеком. Это был жестокий и порочный тиран и его совершенно заслуженно свергли с престола, который занял другой правитель, давший новой династии имя Шан и начавший свое правление около 1750 года до н.э.

В результате захвата династии Ся шанцами в Китае сложились основы древнекитайской цивилизации и оформился древнекитайский народ. По поводу падения династии Ся существуют абсолютно не совпадающие мнения. Китайская историография полагает, что Ся была выродившаяся династия и переворот 1750 года до н.э., приведший династию Шан, был шагом по пути прогресса. В европейской науке принято считать, что царство Ся было захвачено нашествием шанского народа, вторгшегося в Ся. Английский ученый китаевед О. Латимор отмечал огромное различие между культурами Ся и Шан, и, таким образом, считал, что произошло столкновение двух народов и одно из них победило. Считается, что с появлением династии Шан в китайском царстве Ся появились колесницы и лошади. Как бы ни хотелось китайским ученым доказать обратное, но колесницы и кони пришли со степей.

Глава II

Династия Шан

Наиболее полно исследована династия Шан приблизительно с 1523 — 1027 гг. до н.э. Правители Шан много раз переносили свою столицу с места на место, пока незадолго перед 1400 годом до н.э. их правитель Паньгэн не выбрал место для основания Великого города Шан. Оно находилось неподалеку от современного Аньяна, немного к северу от реки Хуанхэ.

Царство Шан было федеративным государством. Правители городов-государств себя называли царями и сами самостоятельно управляли своим народом. Подчинение центральной власти было вассальным. Города-государства собирали налоги со своих территорий, часть которых поступала в царскую казну. Города-государства имели свои армии. Стычки между китайскими городами-государствами происходили под разными предлогами. При необходимости царь Шан сам усмирлял непокорных правителей городов-государств. Поэтому у царя Шан была своя армия Шан. Армия царя Шан использовала луки, копья, пращи, а в рукопашном бою — боевой топор и кинжал с клинком, развернутым под прямым углом к рукоятке. Лук был самым мощным оружием в китайском арсенале и оставался таковым на протяжении многих веков, вплоть до появления пушек. Грандиозно изогнутый лук имел силу натяжения тетивы в сто шестьдесят футов, стрелял оперенными стрелами из бамбука и по своей поражающей способности превосходил английский длинный лук, появившийся тремя тысячелетиями позднее. В среднем экспедиционном отряде численностью около пяти тысяч человек большую часть войска составляли пехотинцы, набранные из крестьян, которые на время войн прекращали работу. Заметим, что сами шанцы разводить лошадей не умели. Потребность в лошадях для нужд армии, главной ударной силой в которой были боевые колесницы, шанцы удовлетворяли за счет соседей-кочевников — от западных и северо-западных соседей. Армия была важной составной для выживания царства. Это были времена эпохального бронзового века. При необходимости армии царя Шан возрастала за счет армии городов-государств. По приказу царя правители городов-государств беспрекословно со своим войском прибывали в подчинение царя Шан.

После воцарения династии Шан в государстве началось постепенное скрещивание верований сянцев и шанцев, вследствие чего повсеместно утвердилось новое устойчивое мировоззрение в империи Шан. Шанцы поклонялись духам природы — духам гор, рек, ветров, облаков, молний, небесных тел, а самым важным из них — духам земли они приносили жертвоприношения. Духи не имели никакого отношения к морали, будучи ни плохими, ни хорошими; для их умиротворения не требовалось ничего, кроме жертвоприношений. Некоторые верили в верховного бога, посредством которого через духа земли давалось рождение всем животным и растениям. Правитель Шан-ди приравнял духов природы по своему положению духам мертвых. В то же время китайские философы и художники, впрочем как и простые крестьяне, никогда не прекращали своего диалога с природой, веря в то, что гармония между человеком и природой является ключом к всеобщему благосостоянию. Шанцы верили в дух предков.

После смерти человека его дух возносится в небо, а затем овладевает неведомыми силами, способными укреплять или разрушать семейное благополучие. Если дух не умиротворят жертвоприношениями, он будет вечно блуждать голодным в мрачном чистилище. Чтобы избавить от такой ужасной судьбы и позаботиться о собственном семейном благополучии, потомки должны приносить ему жертвы и в то же время постараться сами родить детей, которые будут делать то же самое для них. Преданность семейным ценностям и почитание старших, сопутствовавшие поклонению предкам, были основными факторами в жизни китайцев. Потребность приносить пищу в жертву духам, была логичной, поскольку, хотя дух человека отделялся от тела в момент смерти, тем не менее, он по своей сути оставался им, о чем живущие узнавали, видя его в своих снах. Дух предков забирал только сущность еды, которая, таким образом, оставалась только пригодной для употребления тем, кто совершал жертвоприношение. Практика жертвоприношений широко варьировались. Службу могли отправлять как жрецы или шаманы, так и глава семьи.

Все эти и многие другие важнейшие особенности, религиозные структуры были заложены в глубокой древности. Но с течением времени на передний план среди духов все более отчетливо выходил Шан-ди, верховное божество и легендарный родоначальник, их предок-тотем. Великий бог и божественный первопре-

док в одном лице (шаньюй) — такое сочетание встречалось и в других религиях, особенно в древневосточных, например, в Египте. Однако у шанцев Шан-ди воспринимался, прежде всего, как первопредок, заботившийся о благосостоянии своего народа. Это проявлялось в том, что именно к Шан-ди шли просьбы и молитвы шанцев, связанные и с урожаем, и с военным успехом, и т.д.

Правителей-ванов (царей), которые рассматривались в качестве прямых потомков и земных наместников Шан-ди, погребали в больших гробницах с лошадьми и оружием, женами и слугами, запасами пищи и различными изделиями бытового назначения — словом, со всем, что могло понадобиться человеку на том свете.

Кроме того, в дни торжественных жертвоприношений в память умерших ванов, которые в загробном мире считались боже-ствами, как и их жены, и стояли рядом с их первопредком Шан-ди — высшим божеством, приносились обрядовые человеческие жертвы.

Смещение в культе Шан-ди акцента в сторону его функций первопредка сыграло в истории китайской цивилизации огромную роль: именно оно логически привело к ослаблению религиозного начала и к усилению начала рационального, проявившегося в культе предков, ставшего затем основой религиозной системы Китая.

Возможно, календарь был еще в период у жителей династий Ся, как то ни было, шанцы совершенно определенно имели свой календарь, причем очень точный. На основании астрономических наблюдений астрономы подсчитали, что продолжительность лунного месяца составляет 29,5305 106 дня (современные астрономы называют цифру 29,530 585), лунного года — 354 дня, а в солнечном году насчитывается 365,25 дня. Год у них начинался весной (но первый месяц перемещался, чтобы отметить начало нового правления) и состоял из двенадцати месяцев по двадцать девять или тридцать дней. На протяжении цикла из девятнадцати солнечных лет согласования движения солнца со сменой лунных фаз шанцы добавляли семь дополнительных месяцев, которые беспокоили их не больше, чем нас високосные годы. Приведение в соответствие лунных и солнечных лет всегда представляло собой сложную проблему, и шанцам удалось ее решить на тысячу лет раньше греков. Короче говоря, китайский календарь был составлен с научной точностью, с которой, по словам английского археолога Вулли, «не могли соперничать ни Вавилон, ни Египет».

И письменность требует краткого пояснения. В Месопотамии, где впервые появилась письменность, шумерский язык состоял преимущественно из односложных слов. Пиктограммы для двух или более слогов можно было соединить, образуя другое, при необходимости, абстрактное слово. Для обозначения слов, которые нельзя изобразить при помощи символов, использовались ребусы, составленные из омонимов. Вводя новые, все более тонкие значения, шумеры постепенно стилизовали свои пиктограммы в клинописный алфавит и получили завершённую систему. В 1-м тыс. до н.э. путем постоянного сокращения финикийцы превратили клинопись в алфавитную систему, благодаря которой сегодня те, кто пишет по-английски, обладают почти безграничными возможностями для выражения собственных мыслей при помощи всего лишь двадцати шести букв.

Китайцы, также говорящие на односложном языке и начавшие с пиктограмм, следовали примерно по тому же самому курсу, но в итоге так и не пришли к алфавиту. Вместо того чтобы составлять свои слова из двадцати шести букв, они записывают каждое слово при помощи отдельного иероглифа. Таким образом, в современном китайском языке насчитывается более 70 000 иероглифов, из которых около 7500 находятся в повседневном использовании — все они эволюционировали из 2500 иероглифов, бывших в употреблении у шанцев.»² Китайская иероглифическая письменность — исключительное явление среди всех известных науке видов письма. Иероглифическое письмо отличается от фонетического, прежде всего самым принципом обозначения. Фонетическое письмо служит для передачи элементов плана выражения лингвистических единиц: отдельных звуков или сочетаний — слогов. Иероглифическое письмо служит для передачи значения лингвистических единиц, т.е. обозначает их содержание. Иероглифы фиксируют в сознании не звуки речи, а целые смыслы. Благодаря иероглифам сознание китайцев весьма конкретное.

Для этих двух видов письменности характерны совершенно различные отношения с языком, который они передают. Фонетическое письмо всегда предназначено для какого-то определенного состояния одного языка: без соответствующих изменений оно не может быть использовано для другого языка или другого состояния одного и того же. Иероглифическая письменность, наоборот, отличается своей универсальностью. Теоретически иерог-

лифы могут быть использованы для любого языка. Практически же наиболее приспособленными для восприятия иероглифической письменности оказались языки со слогоморфемной структурой, т.е., в которой морфа обозначается отдельным слогом. Независимость от действительного произношения обозначаемой лингвистической единицы дает иероглифической письменности также еще и вневременные качества: при знании грамматики текст, написанный иероглифическим письмом, может быть понят независимо от того, когда он был написан, а его знаки могут быть прочитаны любым удобным способом. Не зная китайского языка, можно читать и понимать все написанное. Не имеет значение, каким языком ты владеешь. Эти свойства иероглифической письменности сыграли немалую роль в том, что китайская письменность сохраняется и в наше время.

Таким образом, в середине II тысячелетия до н.э. китайцы построили свою цивилизацию. Ядро любой цивилизации состоит из трех компонентов: язык, национальное мировоззрение и алфавит. Приблизительно в это время зародились на Ниле египетская, на Междуречье шумерская, на Инде индусская, на побережье Средиземноморья эллинская цивилизации. На карте мира существовали такие государства, как минойское, финикийское, вавилонское, хеттское. В эти далекие времена Моисей вывел евреев из Египта. Как видите, зарождение цивилизаций в разных регионах планеты шло как бы одновременно. Но вот сохранились из всех вышеперечисленных только китайская и индусская цивилизации, да не те начальные маленькие города, княжества, а разросшиеся в огромные по площади государства.

Престол в династии Шан передавался от брата к брату или к сыну в том случае, если братьев не осталось. Правление тринадцатого царя (по-китайский ван), Чжоу Синя, начавшееся незадолго до 1100 года до н.э., описывается слишком живыми и яркими красками. Она изображает могущественного человека, с пронзительным взглядом и острым слухом, умного и красноречивого, но в тоже время жестокого и развратного. Он повелел в одном из своих парков наполнить пруд вином и развесить на деревьях куски мяса, после чего заставлял обнаженных мужчин и женщин гоняться друг за другом. Однажды в ответ на увещания своего старшего родственника, человека честного и прямого, который видел, что Чжоу Син ван погряз в разврате и забыл о справедливости, он воскликнул: «Говорят, ты мудрец. А я слышал, что в сердце мудреца семь отверстий. Посмотрим, так ли это!» С этими

словами он приказал слугам убить своего родственника и предъявить ему сердце для осмотра.

В те времена ничего не было известно китайцам о японцах, корейцах, бирманских, сиамских, индийских и т. д. народах. Им было весьма скудно известно о кочевых народах, живших на границах севера и запада. Для расширения своих территорий армии китайских городов-государств вели завоевательные войны с соседними народами. Правители Шан не препятствовали им в этом, а иногда посылали в поддержку и царскую армию. На востоке и на юге успех неизменно сопутствовал китайцам, что ясно видно из их быстрого продвижения в этих направлениях. Источники наполнены бесчисленными сообщениями о военных столкновениях с кочевниками, происходивших в самом начале истории Китая. Но, несмотря на это, наступать на запад или на север «варварам» и установить над ними свое господство успехов не приносило. Поэтому китайцы с кочевниками предпочитали не воевать. Столкновения в основном происходили на границах из-за мелких ссор. Причин, по которым китайцы в тот период не хотели воевать с кочевниками, было несколько. Во-первых, боеспособность кочевых народов была высокой, во-вторых, завоеванные земли кочевников обрабатывать бронзовыми орудиями было не под силу, в третьих, кочевники сами были не прочь завоевать китайцев, что в будущем они и делали. Поэтому отношения между китайцами и кочевниками в те времена были относительно миролюбивыми. Китайцам с экономической точки зрения было выгодно получать продукты скотоводства, а кочевникам путем обычного торгового обмена — получать растительную пищу, а так же ремесленные изделия. Кроме того, кочевники служили для китайцев источником новых идей: они могли познакомить китайцев с концепцией поклонения Небу, шаманской магией, астрологией, поклонениям звездам, колеснице, коневодством. Кочевники перенимали у китайцев все с таким условием, которое позволяло кочевникам сохранить свое лицо, вернее, остаться самими собой.

В это время в бассейне реки Вэй жил народ Чжоу. Княжество Чжоу было расположено на территории современной провинции Шэньси. Столица народа Чжоу стояла возле современного города Сиань, в трехстах милях через реки и горы от Великого города Шан. Если верить китайской легенде, то в 1797 г. до н.э. китайский вельможа Гун-лю попал в опалу и бежал на запад

к кочевникам-жунам. На китайском языке «жуны» обозначал «воинственный». За ним последовало немало сторонников. На территории кочевников они притворились кочевниками жунами, построили себе городок и властвовали самостоятельно, отделившись от китайского царства Ся. Однако за 300 с лишком лет совместной жизни эмигранты-китайцы все-таки окончательно не слились с жунами и в 1327 г. до н.э. их потомки с князем Шаньфу во главе, гонимые жунами, вернулись на родину и поселились в северном Шэньси у горы Цишань. Из этого вновь сложившегося народа произошла династия Чжоу. Конечно, написанная китайскими учеными легенда очень наивна, но, как говорится, какая есть. В самом княжестве Чжоу жили жуны и китайцы. Большая часть жунов занималась скотоводством. Разводили коней, быков, верблюдов и овец. Европейцы скотоводов, которые занимались разведением коней и круглогодичным отгонным кормлением скота, называли кочевниками. Но не все жуны были скотоводами, были и те, кто занимался земледелием и охотой. Китайцы всех неэтнических китайцев называли цянами или цян-фан «варварами», а к западным и северным соседям нередко прилагали к цянам — «лошадиные» или «во множестве разводящие лошадей» (ма цян, до ма цян).

Чжоуйский ван Чан Вэнь-ван, породнившись с соседями из влиятельных вождей жунов, приобрел союзников в лице кочевников. Он создал коалицию, куда вошли китайцы и несколько десятков родов из кочевников жунов. С такой мощной армией чжоуский царь начал войну по расширению своего княжества. Так чжоуйский царь Чан заимел множество воинов, которые «имели сердца тигров и волков», и благодаря им «силами варваров совершал завоевания между морем и тибетским нагорьем». «В одном из боев он погиб и получил посмертное имя Вэн-ван («Просвещенный»). Своему сыну он оставил сильную армию и завещал покорить царство Шан. Шанцы называли чжоуйскую армию варварами, так как она состояла из кочевников жунов и привыкших к пограничным схваткам китайцев. Сын Чана вошел в историю как У-ван («Воинственный»). Чжоуйский царь У-ван продолжая завоевания, в конце концов, обратил свой взор на царство Шан. Не испугавшись больших расстояний, природных преград и мощной шанской армии, превосходящей его армию в 10 раз, он где-то около 1027 года до н.э., нанес удар и в решающей битве одержал победу. Армия Шан после однодневной битвы разбежалась.

Солдаты не хотели воевать. Чжоу Синь бежал с поля боя. Он облачился в роскошное платье, украшенное драгоценными камнями, затем бросился в свой любимый павильон и поджег его вместе с собой. После смерти тирана в огне, две его главные наложницы, повесились в саду. Когда У-ван вошел в столицу, он выпустил три стрелы в обожженный труп, отрубил всем троим головы и насадил их на древки своих знамен.

По поводу падения династии Шан существуют абсолютно не совпадающие мнения. В европейской науке принято считать, что шанское царство было разрушено нашествием чжоуских племен, вторгшихся с запада в долину Хуанхэ. Такого мнения был и российский ученый Г. Е. Грумм-Гржимайло, считавший, что кочевники овладели всем Китаем, дав ему династию Чжоу. Средневековая китайская историография полагала, что Шан была выродившейся династией и переворот 1027г. до н.э., который привел к власти династию Чжоу, был шагом по пути прогресса.

Глава III

Династия Чжоу

Чжоу 1027-771 гг. до н.э. Завоевав царство Шан, армия Чжоу двинулась в восточном направлении, завоевывая южные народы, которые помимо возделывания земель, занимались и охотой. После падения династии Шан наступил период Чжоу, продолжавшийся восемьсот лет, но только триста лет из них чжоуские цари обладали реальной властью. Новое царство превратилось в империю, которое превзошло Шан по размерам, достаточно быстро поглотив почти весь северо-восток Китая, от реки Янцзы до пустынь. Кочевники жуны, участвовавшие в создании империи, присоединили свои родовые земли в империю Чжоу.

Как государство Шан было федеративным, так и империя Чжоу осталась федеративной империей. В династии Ся, Шан и Чжоу глава империи титуловался Ван, Великий царь; удельные цари (князья) титуловались Гунн, Хэу и прочие. Поначалу захваченные земли считались собственностью народа Чжоу, но затем они были разделены на частные владения нового класса аристократов, приходившихся родственниками царя, вождям кочевников, участвовавших при завоеваниях, и местным вождям. При-

соединенные и завоеванные земли были пожалованы во владение княжествам — удельным царям (князьям), которые поклялись в верности верховному властителю или вану, и обещали нести службу. Китайцы княжества называли царством. Лица, получившие пожалование, становились наследственными владельцами — чжухоу. Они также собирали налоги со своих территорий, часть которых поступала в имперскую казну. Каждый из чжухоу получал ранг — гунн, хоу, бо, цзы или нан, в зависимости от размеров своего владения.

Вскоре после завоевания шанского царства У-ван умер и на престол взошел его малолетний сын, получивший от отца беспокоеное наследство — недостроенное, необъединенное государство, склонное к распаду. В такой сложной обстановке младший брат У-вана Чжоу-гун назначил себя регентом. Благодаря силе своего характера и интеллекта, а также безжалостным военным операциям и искусству убеждения он даровал царю, мир и укрепил его власть.

Чжоу-гун перед началом строительства новой столицы собрал великую ассамблею из лидеров Чжоу и несчастных шанцев. Он провозгласил доктрину, которая на протяжении нескольких тысячелетий будет сохранять доминирующее положение в китайском политическом мышлении. Согласно ей царская власть обусловлена Мандатом Неба. Правитель заслуживает этот мандат своей добродетелью: если он перестанет следовать добродетели, мандат будет у него отобран. Хотя главным инструментом свержения власти можно считать оружие. В действительности падение династии Шан было обусловлено утерей ею Небесного Мандата. Поэтому, сказал он, «новый царь должен уделять самое пристальное внимание своей добродетели. Посмотрите на его древних предшественников, правитель Ся: Небо лелеяло и защищало их, пока не отвернулось от последнего из этих правителей, жестокого и беспощадного». Точно так же, продолжил Чжоу-гун, обращаясь к покоренным шанцам, «последний правитель Шан предался праздности, забросил дела управления и не совершал должных жертвоприношений. И тогда Небо уничтожило его... Наш же чжоуский царь милостиво относился к людям, следовал добродетели и исполнял долг перед божествами и Небом. Небо наставило нас, оказало нам милость, избрало нас и наделило нас Мандатом Шан, чтобы править в ваших бесчисленных землях».

3.1. Социально-политическая организация и быт китайцев

Мировоззрение древних китайцев. «У чжоусцев были свои религиозные представления. Китайское население княжество Чжоу почитало первопредком Хоу-цзи — Владыка-Зерно, а кочевники жуны, жившие в княжестве, почитали Небо, которое называли Тэнь (Тан на татарском языке переводится — рассвет, восход солнца). С течением времени культ Неба Тэнь (Тан) окончательно вытеснил Хоу-цзи — Владыка-Зерно. При этом на Небо перешло представление о прямой связи божественных сил с правителем: чжоуский ван (царь, император) стал считаться сыном Неба. После завоевания Шан, чжоусцы оставили религию шанцев практически без изменения, но с течением времени концепция поклонения Небу Тэнь (Тан), стала распространяться по всему Шан и на другие южные районы. В результате скрещивания этого верования с верой шанцев чжоуское Небо — Тэнь (Тан), вобрав в себя часть функций Шан-ди, стало не столько верховным божеством, сколько высшим олицетворением разума, справедливости добродетеля. С течением времени культ Неба окончательно вытеснил Шан-ди с главной функции верховного божества. При этом на Небо перешло представление о прямой связи божественных сил с правителем. Сами чжоусцы постоянно подчеркивали, что милость небес не гарантирована им навсегда, и что быть достойным ее нелегко. Выдвинув на передний план в культе Неба его рациональное начало, чжоусцы еще более усилили рационалистический акцент, уже имевшийся в практике верований и культов шанцев. Претендуя на родство с Небом, чжоуские правители стали именовать свою империю Поднебесной — Тэнь-Ся (Тан-Ся), а себя Тэнь-Цзы (Тан-Цзы) — «сыновьями Неба» и этот титул сохранился за правителем Китая вплоть до XX в. Для китайских правителей отождествление с Небом Тэнь (Тан — по-татарски — восход солнца, рассвет) означало принятие на себя ответственности за весь мир, в который они включали собственный Китай (Чжун го — Срединное государство) и окружавшую его варварскую периферию, которая, по их представлениям, явно тяготела к центру, т.е. к китайскому властителю Поднебесной, сыну Неба.

У кочевников не было рабства, они были вольными людьми и поэтому себя называли сынами Неба. В Китае был рабовладельческий строй, поэтому, переняв у кочевников концепцию

Духа Неба, сыном Неба стал называться только верховный правитель. У кочевников человеческие жертвоприношения категорически отвергались мировоззрением их традиций. Если в царстве Шан, практиковались человеческие жертвоприношения, то с принятием китайцами концепции Духа Неба, преподносимые жертвоприношениями стали животные. Человеческие жертвоприношения не сразу отмерли, но они совершались все реже и реже. Таким образом, кочевники уничтожили существовавшие в Китае человеческие жертвоприношения.

Кочевники абсорбировали культуры покоренных шанцев, переняв их одежду, язык, моральные нормы, а также их искусства. Шанцы и другие народы, проживавшие в империи Чжоу, переняли у кочевников концепцию Неба, а также магическую практику шаманизма и строительства курганов над могилами. Они называли Небо Небесной Владыкой и жертвоприношения ему совершали только цари. Отправление этого культа не сопровождалось мистическим трепетом или кровавыми человеческими жертвами. В почтительном отношении к высшему началу обычно проявлялся отчетливо осознанный сыновний долг правителя, понимавшего необходимость отчитаться перед высшей божественной инстанцией и воздать небесному отцу — хранителю мирового порядка — необходимые почести.

Концепцией Неба являлась вера в космические моральные силы, направленные на поддержание всеобщей гармонии, и существа с разумом и волей, частично управляющими судьбами людей. В истинно иерархическом стиле Небо возглавляло иерархию подчиненных ему природных богов, из которых самыми важными были бог Земли, всегда получавший свою долю жертвоприношений в посвященном ему часовням. Для всех людей имели значение боги Солнца, Луны и Звезды, духи Гор, Рек, Ветра, Дождя и т.д. Им приносили в жертвоприношение животных. В концепции Неба большое значение имело место обитания духов предков, в которых кочевники также верили. Поэтому, царь и представители высшей знати имели храмы духам предков — «большой храм», посвященный всем духам предков, и «специальный храм», посвященный одному конкретному предку, который разрушался после определенного количества поколений.

Жрецов, в собственном смысле этого слова, Древний Китай не знал, как не знал он и великих персонифицированных богов и храмов в их честь. Те же высшие божества, которым поклонялись шанцы и чжоусцы (Небо, Земля), не нуждались в специаль-

ных жрецах, ибо обязанности первосвященника в ритуалах в их честь исполнял сам правитель, а функции ассистировавших ему жрецов выполняли служившие правителю чиновники. Эти жрецы-чиновники, наследственные предсказатели, имеющие государственное мышление, были, в первую очередь, чиновниками государственного аппарата, помощниками правителя, а их собственно религиозные функции оставались на втором плане. При дворе религиозными делами ведали четыре группы чиновников, которыми руководили соответственно Великий Мастер Молитв, Великий Мастер Церемоний, Великий Прорицатель и Великий Историограф. Жреческие же ритуальные функции они обычно выполняли в дни обрядов и жертвоприношений, отправление которых входило в систему управления и обеспечения порядка. Это было необходимо для нормального существования общества, за соблюдение и укрепление которого отвечали перед Небом правитель и все его приближенные. В основном, вся деятельность жрецов-чиновников была направлена, прежде всего, на выполнение необходимых административных обязанностей, призванных сохранять устойчивость санкционированной Небом общественной структуры. Даже в том случае, когда основной функцией жреца-чиновника были, казалось бы, чисто ритуальные обязанности (календарно-астрологические подсчеты, забота о сохранности ритуальной утвари, подготовка жертвоприношения), он никак не считал себя кем-то вроде священника. Такая десакрализация чисто религиозной стороны жизни чжоуского общества была важной особенностью религиозной системы дальнейшего Китая.

Для аристократии самыми важными вещами в жизни были церемонии жертвоприношений и война. Специалисты по войне, их называли ши, позднее этот термин стал обозначать ученых, проходили всестороннюю подготовку. Сыновья царя, феодальных правителей изучали стрельбу из лука, управление колесницей, танцы, музыку, ритуалы и переложение стихов на музыку. Только аристократы носили настоящие имена.

Далее располагалась большая масса китайцев. Это простые люди — «черноголовые». Большую их часть составляли крепостные, работающие на земле, разбитой на участки, которые измерялись полетом стрелы, платили оброк, служили в армии, когда требовалось, и предоставляли своему господину все те услуги, которые он мог от них потребовать. Вряд ли они имели возможность игнорировать такие требования, поскольку он обладал вла-

стью над жизнью и смертью своих крепостных, мог их покупать, продавать, закладывать и дарить. Однако некоторые могли стать независимыми земледельцами, но эта независимость было единственным, что отличало их от расположенного ниже класса рабов, которыми становились военнопленные и осужденные. В крупном феодальном владении могло содержаться до десяти тысяч рабов, которые производили для своих хозяев еду, одежду, соль, колесницы, оружие, музыкальные инструменты и ритуальные принадлежности. Все члены семьи раба становились рабами и этот статус являлся наследственным. Освобождение раба на волю случалось очень редко. Существование как и крепостных, так и рабов, судя по всему, было тяжелым. Эта тяжелая жизнь могла стать еще хуже, если господин был жестоким и бесчувственным. Такое на самом деле часто случалось, и крестьяне поднимали восстания, количество которых возросло с наступлением VIII века до н.э.

У крестьян сохранялась традиционная вера во всемогущество сверхъестественных сил. Крестьяне по отношению к высшему классу были крайне суеверными. Главной передышкой от тяжелого труда служили для них длинные ежегодные праздники, в ходе которых религиозная торжественность уступала месту вакхическим ритуалам с участием деревенских юношей и девушек. Они, как правило, были ближе своих хозяев к добрым и злым духам, присутствовавшим во всех силах природы, временах года, земле и небе, на каждом перекрестке дорог, во всех доминирующих чертах ландшафта, таких, как горы и реки (дух Хуанхэ обладал особой властью над боевыми действиями: военачальник, надеющийся на победу в сражении, бросал в реку тот ценный предмет, который был затребован у него во сне). Крестьяне, в сравнении с представителями расположенных выше социальных слоев, были в значительно большей степени привержены шаманизму, которая пришла в Китай от северных и западных кочевников. Среди крестьян существовало множество местных культов и суеверий, активно действовали шаманы, занимались они лечением, предсказаниями. Были еще гадалки, толкователи снов, определители счастливых дней, благоприятные для строительства места и т.д., которые обслуживали текущие потребности населения. Главный участник шаманских кампаний — шаман облачался в свои одежды, впадал в транс, исполнял иступленные пляски, пророчествовал, изгонял злых духов и вызывал дождь. Представители высших классов были невысокого мнения о шаманах, их обще-

нию с духами, считая что в нем есть очень много от заискивания и раболепства. Лишь в очень редких случаях, когда шаман имел государственное мышление, он мог достичь значимого положения в органах власти, но в то же время он пользовался большим уважением среди народных масс.

Семья. В период с весны до осени единственными цивилизованными субъектами — княжествами, или так называемыми царствами, — были те из них, которые располагались в бассейне реки Хуанхэ, где культуры и династии прошлого глубоко укоренились в плодородных лёссовых почвах. Все вместе они назывались Чжунго, Срединное Царство. Позднее сам Китай начал использовать это название, что неудивительно для страны, считающей себя центром мироздания — Поднебесной — и единственным хранилищем цивилизации. Китайцы так называют свою землю до сегодняшнего дня. Разница в благосостоянии княжеств дополнялась многими другими различиями, с которыми мог столкнуться путешественник — местные диалекты, система мер и весов и даже ширина дорог. Но, вероятно, больше всего его поразило бы единство китайской цивилизации, поскольку она всегда имела связи со своим прошлым и, как дерево, на протяжении своего развития нигде не прерывалась и не увядала, а лишь пускала то там, то здесь новые ветви, еще больше укреплявшие ее. В ее основание было заложено почтительное отношение к родителям, вскормленное культом поклонения предкам. Общество и религия, человек и бог объединились в семейном союзе, созданном жертвоприношением, ритуалом и неизменным статусом живых и мертвых. Этот союз обычно состоял из нескольких поколений, живущих в одном доме, где старшие родители, сначала мужчина, затем его вдова, обладали абсолютной властью, получая в ответ безграничную преданность.

Каждый должен быть готов умереть за своего брата или отомстить за него, если кто-то причинил ему вред. В аристократических кругах, когда разгоралась борьба за власть между княжествами или внутри их, это могло привести к уничтожению всех родственников убитого человека, даже если он был казнен за измену, чтобы таким образом исключить возможность мести со стороны родственников. В то же время вне зависимости от социального статуса наказание за преступление часто распространялось на всех членов семьи злоумышленника, чтобы подчеркнуть доктрину коллективной семейной ответственности.

Преданность семейным ценностям и почитание духам предков, возлагала обязательство родить детей, которые будут почитать их и кормить так же, как они своих предков. Наиболее важной из жертвоприношений считалось кормление духов предков. С течением времени после смерти дух умершего привыкал к новым условиям существования, ему требовалась пища. Перед началом еды, глава семьи или его жена приглашала духов предков к совместной трапезе. Во время еды духи предков получали ритуальные жертвоприношения в виде запаха еды и питья. Этот ритуал нельзя считать эквивалентом христианской или мусульманской благодарственной молитвы перед едой, поскольку его участники никогда не благодарили, а просто заботились о том, чтобы их предки были хорошо накормленными. Уважение и почтительное отношение к духам усопших следовало проявлять всегда и везде, при каждом удобном случае, поскольку они обладали огромным могуществом. Они появляются как призраки или в различных обликах. Могут влиять на ход событий, чтобы вознаградить или покарать своих потомков, и если, в силу недостаточных жертвоприношений, им приходилось вести голодное существование, они могли выразить свое недовольство, наслав на своих неблагодарных потомков всевозможные беды и несчастья. Владея такими силами они служили сильным сдерживающим средством против злодеяний и заговоров, поскольку подобные действия могли навлечь смерть, как на голову самого преступника, так и на членов его семьи, в результате чего его собственный дух мог остаться без жертвоприношений. Однако духи предков были и полезными союзниками: одна их репутация могла заставить амбициозного князя дважды подумать, прежде чем атаковать соседа, имевшего слабую армию, но очень сильных духов предков. Например, считалось, что маленькое восточное княжество Лу сумело выжить среди значительно более могущественных соседей только потому, что его основателем был великий Чжоугун. В то время как китайские философы и художники, впрочем, как и простые крестьяне, никогда не прекращали своего диалога с природой, веря в то, что гармония между человеком и природой является ключом к всеобщему благосостоянию. Практика поклонения предкам продержалась по сегодняшний день. Об этом известный британский археолог сэр Леонард Вулли написал: «Простая вера шанцев в то, что человек живет после смерти, становится источником руководства и защиты для своих потомков, а

также достойным объектом поклонения, удовлетворяла их естественную потребность и оказала самое большое влияние на формирование идеала китайской цивилизации».

Если говорить о библейской традиции, следует отметить, что китайцы лучше любых иных народов исполнили один из ветхих библейских заветов, данный Богом после Великого потопа праведнику Нюю: плодиться и размножаться, заселять Землю. Другие древнейшие цивилизации — шумеров и египтян — как и китайцы 2-4 тысячи лет назад создавшие идеографическое письмо и государственность, уже к началу нашей эры распались. А китайцы сохранялись и множились, ассимилируя всех, кто входил с ними в контакт. Это связано с уважением к духам предков. Современная Индия тоже имеет миллиардное население, но единой цивилизации не образует. 12 религий и 18 основных языков в Индии — это не китайский культурный и этнический монолит.

Ритуалы. Считалось, что человек наделен двумя душами: материальной — по и духовной — хунь. Первая после смерти уходит вместе с телом в землю именно для того, чтобы умиливать ее. С покойным отправляли на тот свет его вещи. Вторая душа отправлялась на Небо, где занимала место, строго соответствовавшее статусу ее обладателя.

Дома за соблюдением религиозных обрядов следил глава семьи. За пределами дома главным местом являлся храм духам предков, где их имена были начертаны на деревянных табличках. Храм предков считался самым важным местом в каждой общине, а храмы князей и царя — самыми важными в княжествах и во всем царстве соответственно. За храм князей отвечал главный аристократ области, поскольку это был храм его предков. В храм заходили, чтобы почитать молитвы. Судя по всему, молитвы были не столько ритуалом, сколько насущной потребностью. Чаше всего молящийся просил о долголетьи — в силу высокого положения стариков, как в семье, так и в обществе. Богатый человек мог написать специальную молитву на бронзовом сосуде, стоимость которого вряд ли смог бы проигнорировать даже самый мрачный дух.

В самом главном храме, посвященном предкам верховного правителя, следовательно, и всей нации, обряды совершал сам царь. Помогавшие ему чиновники присматривали за храмом, были сведущи в ритуалах и составляли молитвы. В этих храмах решались вопросы, связанные как с богами, так и с людьми. Здесь

вершились важнейшие государственные дела, включая назначение наследника, провозглашались декреты, присваивались титулы, устраивались дипломатические приемы и даже официальные банкеты. Отсюда армии уходили в поход, захватив с собой некоторые из деревянных табличек, которые они возвращали в храм после победы или поражения.

Менее официальными, но более красочными и эмоциональными окрашенными были ритуалы жертвоприношения в честь умерших предков, проводившиеся в знатных чжоуских домах. Нередко такие ритуалы превращались в пышные и разгульные пиршества, в которых участвовали многие потомки почитаемого предка (право отправлять ритуал имел лишь старший сын). Такие праздники с музыкой, танцами, пением, спортивными упражнениями и обильными возлияниями описаны в некоторых песнях «Книги песен — «Шицзин». Для жертвенной пищи и напитков изготавливалась специальная посуда, сделанная из бронзы и украшенная изумительными скульптурными изображениями животных, птиц, драконов и т. п. Эти ритуальные изделия бережно хранившиеся и передававшиеся по наследству из поколения в поколение, имели еще одно важное предназначение — сосуды были снабжены надписями, что превращало их в важный и ценный письменный документ. Большая часть надписей связана была с инвеститурой, т.е. утверждением наследника умершего владетельного аристократа или сановника в его правах на владение, титул и т. п. Во время обряда вручались сосуды-документы. Таким образом, ритуал сопровождал и освящал право наследника вступить во владение достоянием умершего.

Тема ритуала затрагивает самое ядро китайской цивилизации, а то что касается мотивов, побуждающих человека к соблюдению определенных моральных и этических норм, отличает ее от всех остальных. Мотивы, существовавшие на Западе, представляли собой смесь религии, закона и общественного мнения. причем религия стала таким мотивом в последнюю очередь, так как поначалу она лишь призывала своих последователей совершать установленные ритуалы. Считалось, что только ритуалы, а не какая-то там абстрактная добродетель способны умилоstitвить богов — совсем неудивительно, притом, что мораль считалась простым определением того, как люди могут лучше жить в обществе. Переход к вере в то, что богам требуется что-то еще, кроме бесхитростного религиозного служения, возможно, был связан с их персонификацией, наблюдавшейся во многих цивилизациях — от

этрусской, персидской, ассирийской, еврейской, финикийской и египетской до греческой, они воспринимались мистически и трансцендентально, как люди, наделенные сверхчеловеческим могуществом. В процессе персонификации возникали достаточно необычные верования — например, что вселенная была создана богом, который породил сам себя, что бог имеет моральный кодекс (так, иудейские пророки настаивали на том, что Яхве-Иегова — в высшей степени справедливый бог, в то время как греческие боги были достаточно далеки от морали); что в зависимости от того, насколько ревностно человек соблюдает этот кодекс, бог может либо вознаграждать его, либо наказывать и что цель жизни состоит в служении богу. Далее с появлением следующих авраамовских религий (христианства, ислама) их пророки также настаивали на том, что только их Бог, Аллах — в высшей степени справедливые боги, и, так же как и в иудаизме, от того, насколько ревностно человек соблюдает этот кодекс, бог может либо вознаграждать его, либо наказывать и что цель жизни состоит в служении богу. Из веры в то, что верховный отец следит за поведением своих детей, выросла концепция божественного воздаяния. В условиях, когда порочность очень часто приводила к процветанию, данная идея, возможно, так никогда бы и не укоренилась, если бы не была еще одна, выдвинутая следом за ней замечательная идея, утешавшая человека перспективой получения своего маленького вознаграждения, если не при жизни, то после смерти. Великие иудейские пророки, современники династии Чжоу, только тогда начали продвигать это верование, желая перенести акцент с ритуала на этику. Тем не менее, в авраамовских религиях ритуал всегда сохранял свое первостепенное значение как внешнее проявление религиозной веры, требующее содержания целого класса профессиональных священников для надзора за ним.

«Просвященный Китай VII века до н.э. был далек от всего этого. Китайцы верили в бессмертие души, но без райских блаженств или адских мук — да, душе мертвого грозили страдания, но лишь в том случае, если родственники не будут совершать для нее необходимых жертвоприношений. Верховный бог Тэнь-ди (Тан-ди), верховное божество не был ни космическим творцом, ни вершителем верховного правосудия, ни автором моральных кодексов и его единственная связь с добродетелью состояла в необходимом условии получения божественной санкции на царское правление — добродетель, которая определена не боже-

ственными заповедями, а в том виде, как ее понимает каждый человек. Хотя природные духи, столь многочисленные и могущественные в крестьянской среде, были смутно персонифицированы — несомненно, по аналогии с духами предков, — мысли китайцев все больше обращались к силам, которые не разделялись на группы добрых и злых демонов. О них позднее рассказывал персам Заратустра. Они скорее были ближе к таким физическим силам, как, скажем, гравитация или магнетизм. Они действовали в соответствии со своим конкретным характером, а не божественным статусом (с которым мы до сих пор считаемся, ошибочно называя научные гипотезы «законами»), то время как высшая первичная сила сохраняла единство вселенной, поддерживая порядок. Этот порядок был не фиксированным, а постоянно меняющимся и эволюционирующим по мере того, как различные силы взаимодействовали, порождая гармонию или равновесие между всеми вещами. Вселенная была единой, и гармония вселенной складывалась из гармонии ее составных частей, и человек вместе со своими собратьями являлся частью вселенной в такой же степени, как и солнце на небе.

Таким образом, мораль была всего лишь соблюдением естественного порядка. Хорошее поведение способствовало приведению в созвучие человеческого общества с гармонией небесных сфер, плохое поведение вносило диссонанс и вредило общему благосостоянию. Однако, даже несмотря на то, что единственным выражением религиозной веры в Китае был ритуал, он не стал таким затянутым и многословным, как, скажем, в индийском брахманизме и для его проведения не требовался класс профессиональных священников.»⁴

Ученый. Вместо этого китайская цивилизация взрастила близкий, но в то же время совершенно иной общественный класс. Он являлся продуктом своего времени. Внутренние и внешние сложности, борьба за власть, разросшийся правительственный аппарат требовали, чтобы правители все больше и больше полагались в делах управления на ученых людей, обращаясь к ним за советом. Эти люди были наследниками традиции, начатой еще шанского государства. Так появился класс высокообразованных людей, поставивший государству непревзойденных гражданских чиновников, замечательных мыслителей и художников. Эти люди, являвшиеся источником и проводником китайских интеллектуальных достижений, стали известны как ученые.

Хотя ученый обычно с самого рождения принадлежал к представителям верхних социальных слоев, при наличии выдающихся способностей и удачи он мог добиться высокого положения за счет прилежной учебы. Считалось, что для посвященного ума первостепенное значение имеет гуманитарное образование, а не техническое или профессиональное. Типичный курс обучения, предлагавшийся наследниками князей в начале VI века до н.э., включал историю, поэзию, музыку, литературу, государственные документы, церемониал и этикет. Кроме того, молодым людям прививали моральные ценности, вытекающие из этих предметов и применявшиеся на всех должностях, от первого министра до домашнего учителя, среди которых главными считались честность, преданность и забота об общественном благосостоянии.

Именно китайский ученый играл основную роль в составлении или сохранении большей части монументальных работ, позднее вошедших в состав конфуцианского Пятикнижия, или «У цзин» (буквально — пять канонов). Это были самые древние письменные произведения, известные со времен шанских надписей на черепаших панцирях, которые стали основополагающими текстами китайской культуры. Они были вплетены в саму ткань национального существования. Они не содержали отчетов о божественных откровениях (как в Библии или Коране), к которым Восток не испытывал особого интереса, но с теми же Святыми Писаниями их роднит разнообразие содержания, варьирующееся от истории, как реальной, так и вымышленной, до песен и притч, а также политических, этических и религиозных пассажей. Их авторство и аутентичность по сей день, вызывают самые ожесточенные споры. Эти книги распахнули врата в литературу.

Наука также значительно продвинулась вперед. Китайский технологический прогресс ни в чем не уступал темпам развития других главных цивилизаций той эпохи. Несомненно, именно союз ученого и ремесленника привел к высоким достижениям, таким, как изготовление музыкальных инструментов, производство соли и железа, строительство ирригационных сооружений, а затем еще и появление мерного фута. Он был разбит на десять дюймов, что отражало склонность китайцев к десятичной системе, которая проявилась еще в шанские времена. Десятичная система использовалась здесь раньше и более последовательно, чем в любом другом известном нам месте. Такая система, разумеется, играет важную роль в развитии математики и методов точных измерений.

Историография занимала почетное место в Китае. Историческая память считалась совестью нации, и в руках составителя хроники была репутация самого властного императора. Китайцы имеют историю и летопись. История называется Шу, то есть историческое описание династии. Такая история отдельно составлялась для каждой династии и поэтому называется династийной историей, Гошу. Летопись называется Ган-му, содержание и описание. Нередко императоры ублажали своих летописцев, боясь, чтобы они не скомпрометировали их в глазах потомков. Согласно традиции, династийная хроника публиковалась только после прекращения династии. Но поскольку историография была важным государственным делом, к составлению хроник допускались лишь люди, в политических симпатиях которых не было сомнений. Возвеличивание роли Китая, его значения и военных успехов должно было входить в задачу историка.

Однако наибольший вклад в развитие китайской цивилизации своей страны китайский ученый внес в роли учителя и государственного служащего. При консультировании правителя главным оружием ученого было цитирование древнего прецедента, от которого никто не мог просто так отмахнуться. Если, чтобы удержать правителя от неразумной политики, ученый придумывал его сам, то он не шел на обман вопреки своему тщательно оберегаемому честному имени, а всего лишь делал вывод из непонятных простому уму моральных доводов, которыми руководствовались уважаемые предки. Пороку ему не удавалось найти дипломатичного способа, настоять на совете, идущем вразрез с сильным желанием своевольного правителя, и в таком случае он рисковал как своею должностью, так и своею жизнью. Но это не удерживало его, поскольку он всегда был готов принять смерть в знак преданности своему правителю. Его преданность была неотделима от честности и заботы о всеобщем благосостоянии: он считал, что, если правитель несправедлив, жесток, деспотичен или развратен, это непременно приведет к плохим последствиям — бунтам, нестабильной экономике, потоку беженцев, которые укрепят амбициозное соседнее княжество. Кроме того, такое поведение, неподобающее для образованного человека и тем более правителя, было проявлением неуважения к собственным предкам.

На фоне непрерывной борьбы за власть, характерной для всего периода весен и осеней, среди внутренних волнений, жес-

токости, предательства и коррупции ученый на посту чиновника продолжал играть важную роль на стороне добра и зла, которая, не в последнюю очередь, выражалась в его влиянии на феодальных правителей, заполнивших вакуум, оставшийся после ослабления царской власти.

В VII веке до н.э. в Китае наступил железный век. В этот период на Ближнем и Среднем Востоке металлургов было немного, и они ревниво оберегали свой секрет — использование древесного угля для науглероживания расплавленной железной руды. Китайцы довели до совершенства свои мощные гончарные мехи, которые позволяли им поддерживать температуру, необходимую для производства литого железа, заметно отличавшегося от западного сыродутного железа, и быстро перешедшим к производству стали, удалось более двух тысячелетий сохранить свои знания при себе, вплоть до того момента, когда тигельная плавка была заново изобретена в Англии в XVIII веке. Дело не только в том, что на Западе производили исключительно сыродутное железо, но также и в том, что за один раз его можно было получить не более тридцати фунтов — против китайского литого железа в отливках по полтонны. Сыродутное железо превращалось в листы только путем долгой и тщательнойковки, в то время как китайский металл можно было отливать более доступно и дешево. Он использовался для изготовления кухонной посуды, оружия, сельскохозяйственного инвентаря, упряжи для лошадей и скота. Его также превращали в плужные лемеха, поскольку к этому времени уже появился плуг. Из железа стали изготавливать сельскохозяйственные орудия, использование которых вызвало интенсивное развитие земледелия. Распространение технологии производства железа среди княжеств, способствовало быстрому росту их экономики и военной мощи.

Применение железных сельскохозяйственных орудий и быков в качестве тяговой силы на полевых работах, способствовало развитию производительных сил и их широкому распространению. Более того, масштабные работы по ирригации и защите от наводнений, в том числе первые попытки регулировать разлив реки Хуанхэ, привели к существенному увеличению площади возделываемой земли. Развивались товарное хозяйство и ремесло. В этот период шло успешное нашествие тюркских кочевников на китайские царства, которые при завоевании своим мировоззрением и властью влияли на изменение в социально-классовой структуре. В связи с происходившими процессами стала возникать и

развиваться феодальная частная собственность на землю, которая, в конце концов, сокрушила «государственную» земельную собственность рабовладельцев. Большая часть рабов превратилась в класс крестьян. Часть рабовладельцев разорилась, пришла в упадок и даже скатилась до положения «бедняков» и «низших слуг», в то время как другая часть превратилась в землевладельцев. Появилось значительное количество частных ремесленников, торговцев. Часть крестьян-единоличников, ремесленников и торговцев разбогатели и превратились в землевладельцев. Таким образом, одновременно с постепенной ликвидацией рабовладельцев и рабов появилось два новых антагонистических класса: класс земледельцев и класс крестьян, но остатки рабовладельческого строя, несомненно, продолжали существовать.

В эту же эпоху китайцы достигли особых успехов в освоении военной техники и науки. Началось быстрое совершенствование оружия и теории военного искусства. В области военной техники китайцы стали превосходить кочевников. Появились новые виды оружия, такие как самострелы и алебарды. Самострел состоял из лука, прикрепленного к прикладу со спусковым механизмом, и стремени для упора ногой и натягивания тетивы. Дальность полета стрелы превышала 600 шагов.

Алебарда, представлявшая собой длинное древко с топорovidным лезвием, заканчивалась острым копьем, что позволяло использовать ее в качестве как рубящего, так и колющего оружия.

Военные ученые в ходе столетних войн обобщали методы войны в многочисленных, так называемых, военных трактатах. Появились и новые виды войск. Если раньше основной ударной силой были малоповоротливые, тяжелые на ходу колесницы, то теперь их заменила пехота, а в северных владениях по образцу кочевников была заведена конница. Помимо наступательных средств, стали усовершенствоваться и оборонительные. Города обносились прочными стенами.

Взоры китайцев обратились на север. Ранее попытки китайцев захватить север, отбивалось кочевниками. Кочевников, живущих на севере, китайцы при династии Ся называли шун-вей, при династии Шан — гуйфан, при династии Чжоу — сяньюн, при династии Хань — сюнны (хунны). При династии Тан — тюрки. У кочевников было государство в виде конфедерации племен. Кочевники не были склонны отдавать принадлежащие им пастбища, а наоборот, упорно сражались за них. Несмотря на это импе-

рия Чжоу начала войну с кочевниками. Правительство Чжоу решило, что они смогут завоевать север, имея численное превосходство, совершенно новое превосходящее железное оружие и возможность обработки целинных земель с помощью железного плуга.

В один прекрасный день кочевники обнаружили, что приграничные районы, где находились их пастбища, заняты чжоускими поселенцами, охраняемые китайскими воинами. Вначале кочевники хотели только мира. Но они вынуждены были у китайцев в таком случае покупать зимний корм для скота по грабительским ценам. Мало того, китайские вельможи и помещики хватили их и продавали в рабство. Чтобы не стать китайскими крестьянами-рабами, кочевники вынуждены были откочевывать своими стадами на новые места, подальше от занятых китайцами мест. Ожесточение сердец кочевников росло. У простодушных кочевников началась копиться обида и ненависть к китайцам и вообще к землепашцам, за такое наглое отношение к ним. Приграничные кочевники начали совершать набеги для освобождения своих пастбищ. Для отражения от набегов китайцы начали посылать карательные армии вглубь Степи. Так началась война между Китаем и Степью, между земледельцами и кочевниками. Дружеским и миролюбивым отношениям между китайцами и кочевниками был положен конец. С этого века из северных степей начали свои набеги кочевники, которые в последующие эпохи стали потрясать Китай. От их несравненного мужества и ярости Китай спасло только исключительное сочетание обстоятельств. Количественный и технический перевес империи Чжоу не дал полную победу над кочевниками. Ведя затяжную войну с северными кочевниками, империя Чжоу истощила свои ресурсы.

3.2. Война с кочевниками

Жуны. Когда оседлые и часто пришедшие в упадок общества сдавались под атаками кочевников, кочевник вступал в город и после завершения первых часов резни без всякой большой проблемы он занимал место побежденных правителей. Без робости он садился на наиболее почетные и величественные троны в качестве императора Китая, шаха Персии, императора Индии или султана Рума и, соответственно, приспособлялся к своему положению. В Пекине он становился полукитайцем, в Исфагане или Раи — полуперсом.

Если китаизированный или иранизированный хан был не смещен путем некоторой местной реакции, вне зависимости оттого, насколько быстро или медленно из глубин степей прибывали новые орды, видя в своем изначальном брате только лишь другого китайца или перса, они вновь повторяли завоевания своих предшественников.

Цивилизации Китая, Персии, Европы, хотя и покоренные, в свою очередь, покоряли своих кочевых победителей, спаивая, убаюкивая и уничтожая их. Часто лишь через пятьдесят лет после завоевания жизнь шла так, будто ничего не случилось. Китаизированный или иранизированный кочевник был первым для защиты цивилизации против новых атак из кочевых земель.

Так было и с жунами. Неожиданно, политическая ситуация в империи Чжоу существенно изменилась. Император Чжоу Юван, влюбившись в красавицу наложницу Бао-сы, стал пренебрегать своей законной супругой. Когда она родила Ювану сына, тот лишил титула государыни свою главную жену, дочь князя из удела Шэнь, и несколько раз пытался убить ее сына Ицзю, который уже давно был объявлен законным наследником.

Шэн-хоу, разгневанный дядя бывшей жены Ювана, образовал союз с несколькими родами из западных кочевников с китайским названием жун. Кочевой народ жуны занимали в VII—V вв. до н.э. огромную территорию на западе Хэнани, Шэньси и Ганьсу и делился на множество больших и малых родов. Китайцы по месту обитания жунов их так и называли, например, кочевников, обитавших в районе горы Лишань, называли «лижун». Жунов которые жили возле рек И и Ло, китайцы в источниках называют жунами рек И и Ло. Жуны, жившие в горах и предгорьях, назывались горные жуны и т.д.

Еще в XII в. до н.э. часть жунских родов захватила царство Шан. Родовые вожди возглавили династию Чжоу. Жунские племенные вожди желали править над китайцами и править империей. Ради этой цели они присоединили свои родовые земли к империи Чжоу. Кочевники жуны были малочисленны среди многочисленного китайского населения. Постепенно кочевники меняли образ жизни, ассимилировались и теряли родственную связь со Степью. Они забывали свой язык, свои традиции и не знали, от каких родов они произошли. Оседлый образ жизни менял психологию людей, и потомки вчерашних кочевников спустя даже пятьдесят лет уже сами смотрели на жителей степей свысока. В этом большую роль играли житейские обычаи людей. С течением

времени, они ассимилировались и становились обычными китайцами. Примерно по такому сценарию развивались в прошлом истории большинства евроазиатских народов.

Но те, что остались в Степи, никогда не теряли родственную связь, которую можно назвать законом Всеродства кочевников. Новая волна кочевников решила завоевать китайцев и вторглась на территорию империи Чжоу. Наступающие кочевники, не считали живших в империи Чжоу жунов своими родичами. Они воспринимали их как китайцев и, соответственно, воевали с ними как с китайцами.

В 771 г. до н.э. столица чжоуского Сына Неба — Хао была захвачена, а правитель Ю-ван вместе со своей любимой наложницей бежал на восток и был убит у подножия горы Лишань, а Бао-сы попала в плен жунам. Удельные князья вместе с Шэнь-хоу поддержали наследника Ицзю и провозгласили его Сыном Неба. Чтобы избежать войны с кочевниками-жунами, захватившие столицу и начавшие управлять империей, новый правитель перенес столицу на восток, в город Ло-и, основанный еще в XI в. до н.э. в среднем течении Хуанхэ, при впадении в нее р. Лошуй. Перенос столицы стал началом истории Восточного Чжоу. С этого времени начинается фактический распад империи Чжоу.

В 706 г. до н.э. жуны, пройдя княжество Янь, вторглись в княжество Ци и разбили его армию у стен его столицы. Только через 44 года Хуань-гун, князь княжества Ци, смог освободить княжество Ци от жунов. Великий философ Кун-цзы говорил, что если бы не эта победа, «пришлось бы ходить непричесанными, застегивать одежду налево и испытывать иноземное господство.»⁵ В 648 г. жуны И и Ло объединились с другими родами и захватили восточную столицу. Этот дерзкий захват столицы вынудил княжество Цинь и Цзинь предпринять против них совместные действия и заставить жунов покинуть столицу. Но опасность нового завоевания не была устранена полностью, и поэтому в последующие годы чжоуху присылали свои ополчения для защиты чжоуской столицы — в 646, 641 гг. до н.э. и т.д. В 644 году до н.э. жуны разорили княжество Цзинь. В 642 г. до н.э. жуны произвели опустошительный набег на княжество Вэй. В 632 г. до н.э. Вэнь-гун, князь княжества Цзинь, добился согласия имперского сейма на вручение ему полномочий на изгнание жунов. Возглавив объединенную армию китайских княжеств, он начал войну против жунов. В 632 г. до н.э. он изгнал жунов из западной столицы Чжоу.

Однако жуны не были разбиты и борьба продолжалась. В середине VII в. н.э. в долину рек И и Ло переместился один род жунов. В этот период крупнейшие княжества среднекитайской равнины нередко использовали реальную силу жунов для достижения своих политических целей. Так, в 618 г. до н.э. цзиньцы вели переговоры с вождем рода жунов, а затем заключили с ним договор. В 603 г. до н.э. этот жунский род участвовал в карательном походе чжухоу против Сунн. В соперничестве между княжествами Цзинь и Чу, другие жунские роды поддерживали своих южных соседей. Поэтому в середины VI в. до н.э. Цзинь предприняло решительные действия против этих родов, в 525 г. нанесло им сокрушительное поражение. Одна часть вместе со своим вождем отступила в Чу, а другая — на восток, где была захвачена в плен чжоусцами. Это был последний период обитания жунов в долине И и Ло.»⁶

Ди. Кочевой народ с китайским названием ди был родственник жунам, впервые появился в древнекитайской истории в VII в. до н.э. и с этого времени надолго превратился в важный этнический фактор взаимоотношений между китайскими княжествами на Среднекитайской равнине. Жуны и ди так мало отличались друг от друга, что китайцы называли некоторые рода ди западными жунами. Кочевников ди, китайцы, как и жунов, называли по месту обитания, например, названия реки, горы, предгорья и т. д.

«Первым из этих княжеств, непосредственно столкнувшимся с ди, было княжество Цзинь, граничившее с ними на северо-западе. Кочевники ди безраздельно господствовали в районе бассейна р. Фэньхэ. В 666 г. до н.э. княжество Цзинь смогло отразить наступление ди. Встретив ожесточенное сопротивление в нижнем течении Фэньхэ, армия ди устремилась вверх по ее долине и вскоре оказалась у северных отрогов хребта Тайханшань. Армия ди обогнула их с северо-востока, перед ней открылась Хэбэйская равнина и тем самым — прямой путь на юг, которым они не преминули воспользоваться.

В 661 г. до н.э. армия ди вторглась в княжество Син; помощь, пришедшая со стороны княжества Цзинь, отбила наступление.»⁷ «Однако уже в следующем году армия ди осадила столицу княжества Вэй. Армии соседних княжеств не успели прийти на выручку, и вэйская армия была разгромлена, а правитель пал в бою. Столица Вэй была захвачена. Армия ди предпринимает дальнейшее наступление в районе Хэбэйской равнины, перехо-

дит Хуанхэ и нападает на княжества, расположенные на его южном берегу. В 649 г. до н.э. под ударами ди гибнет княжество **Вэнь** и **Су**». ⁸ Это было время, когда княжество Цзинь рассматривало народ ди как столь же грозного соперника, как княжество Чу, Ци и Цинь.

В 634 г. до н.э. между чжоуским ванном и правителем княжества Чжэн возник конфликт. Не обладая собственными возможностями для того, чтобы покарать Чжэн, ван Чжоу обратился за помощью к ди. Ди откликнулись на просьбу вана, напали на княжество Чжэн и захватили часть его территории. Благодарный Ван уже собирался в знак своей особой милости взять в жены дочь вождя ди, как те, выступили против вана, нанесли поражение его армии. Ван бежал из столицы, а несколько его ближайших сановников попали в плен к ди. Это произошло через 14 лет после захвата чжойуской столицы жунами. Жуны и ди были в эти годы фактическими хозяевами на территории чжоуского царства.

«В это же время другие рода ди подошли к границам Цзинь. Цзиньский Вэнь-гун, который до своего вступления на престол более десяти лет жил среди ди, добился признания себя гегемоном и оказал помощь, Сыну Неба, восстановив его в своих правах. В 630 г. до н.э. Вэнь-гун собрал пять армий предназначенных для войны с ди.

В 625 г. до н.э. произошла битва при Ци между армией ди и объединенной армией китайцев. Она получила противоречивую оценку современников. Одни источники считают, что китайцы разбили ди, другие считают, что китайцы потерпели поражение. Действительно, в этом сражении был захвачен вождь ди, но с другой стороны, в нем погиб цзиньский полководец Сянь Чжэнь. Позднее один из цзиньских сановников относил битву при Ци к «трем позорнейшим событиям» в истории царства Цзинь наряду с поражениями при Хань и Би.» ⁹

Еще один род ди начал наступление на княжества в восточной части Среднекитайской равнины. В 620 г. до н.э. они напали на западные пределы Лу, а затем — на княжество Ци и Сунн. В 615 г. до н.э. ди вторглись на территорию Ци и, пройдя ее, опустошили луские города. На обратном пути их настигла армия Лу. В знак уважения к противнику луский полководец назвал своих сыновей именами трех взятых им в плен богатырей ди.

Могущество кочевников ди было сокрушено китайской дипломатией. Прежде всего, Цзинь удалось внести раскол в ряды кочевников ди, и часть последних перешла в 598 г. до н.э. на

сторону Цзинь. Добившись тем самым ослабления своего грозного соперника, цзиньцы решают воспользоваться борьбой между двумя представителями местной верхушки, чтобы покончить с кочевниками ди.

Один из родовых вождей ди, по имени Инэр, взял себе в жены сестру цзиньского правителя и, по-видимому, был склонен пойти на союз с княжеством Цзинь. Против такой политики выступил правитель ди. Жена Инэра была убита, он сам был ранен в стычке. Это послужило для Цзинь прекрасным поводом для вмешательства. В 593 г. до н.э. цзиньская армия под командованием Сюнь Линь-фу нанесла удар по главным силам ди близ Цюйляна (современный уезд Юннъян в Хэбэе). Правитель ди был разгромлен и взят в плен. Его отправили в цзиньскую столицу и казнили. Но и Инэр не был восстановлен в своих правах; он также оказался в числе пленных и был казнен. По обычаю, наиболее высокопоставленные пленники из числа кочевников ди были убиты, а остальные превращены в рабов. Сюнь Линь-фу, главный герой и победитель, получил одну тысячу семей кочевников ди, а многие простые кочевники ди были включены в армию Цзинь. «Благодаря вам я получил земли ди», говорил цзиньский гунн своим полководцам. Речь шла о землях, расположенных в самом центре Среднекитайской равнины, на территории княжеств Чжэн, Сунн и Вэй.

Другая часть кочевых родов ди обосновалась в районе к северу от Тайханшаня, на северо-западе современного Хэбэя. Здесь они создали свое княжество Сяньюй. Этому княжеству, которое с начала V в. до н.э. начало именоваться Чжуншань, суждено было сыграть определенную роль в политической и культурной истории древнекитайских княжеств периода Чжаньго. Достаточно сказать, что, когда в 318 г. до н.э. пять правителей наиболее крупных княжеств впервые официально приняли титул ванна, который до тех пор мог носить лишь чжоуский Сын Неба, в их числе был правитель Чжуншаня.

Китайцы названия соседних земель, всем соседним народам и племенам давали собственные, китайские названия. А народы, проживающие по соседству с Китаем, никогда о китайском названии их земель и китайском названии народов не слышали и это обстоятельство является большим препятствием при изучении китайских первоисточников. Сведения о культуре, образе жизни, языке народа ди фрагментальны, поэтому были и такие ученые, которые считали, что народ ди родственен древним ки-

тайцам и отличается от них лишь уровнем культурного развития. Российский ученый Бичурин предполагал, что народ ди — это тангуты. Однако то, что известно об этническом облике этого народа и немного о языке не позволяет присоединиться к такой точке зрения. Ученые Ф.Хирт, В.Эберхард, Ма Чан-шоу и другие считают, что ди является тюркским народом. А.Н.Бернштам так же считал, что «жуны и ди, были, несомненно, тюркоязычными.»¹⁰

Обращая внимание на изменения в художественном стиле древнекитайских бронзовых изделий середины эпохи Чуньцю, Го Мо-жо видел в этом результат внешнего влияния. «В высшей степени, вероятно, что здесь наблюдалось воздействие скифского искусства, — писал он — в период Чуньцю-Чжаньго территория, занятая скифами расширилась вплоть до северной части Монголии и стала соседствовать с владениями Чжуншань, Янь и Чжао... Население царства Чжуншань было «ответвлением ди». Следы «скифской триады» есть и в Северном Китае. Не говоря уже об Ордоссе, где было найдено большое число предметов скифского искусства в «зверином стиле» (они были изучены Ю. Андерсоном 1933 г.), аналогичные находки найдены за последние годы в ряде других районов. Все они локализируются в широкой зоне, примыкавшей с севера к территории царства Цзинь эпохи Чуньцю. Один из центров таких находок расположен в северной части Хэбэя (Чжанцзякоу, Хуайлай, Синтан). Здесь обнаружены изображения барса, свернувшегося в клубок, лошади с подогнутыми ногами и типичный скифский олень, кинжалы скифского типа, характерные бронзовые котлы на поддоне. Как раз здесь находилось вначале Чжаньго царство Чжуншань. О его падении «Чжаньгоце» рассказывает, что во время пира одному из сановников не досталось бараньего супа. Обиженный, он бежал в Чу и уговорил чуского ванна наказать Чжуншань. Лишившись своего царства, чжуншаньский правитель воскликнул: «Я потерял свое государство из-за чашки бараньего супа!» В этом историческом событии есть примечательная деталь. Бараний суп в царстве Чжуншань варили в тех самых скифских котлах, которые фигурировали в отчете о раскопках под названием бронзовых сосудов из царства Чжуншань. В 1954 году тогдашний президент китайской Академии наук Го Можо писал о влиянии «скифского искусства» на древнекитайские бронзовые изделия эпохи Чуньцю («Весна и осень», VIII-V вв. до н.э.), а в период Чуньцю-Чжаню («Воюющие царства», V-III вв. до н.э.) территория, занятая

скифами, расширилась вплоть до северной части современной Монголии. Население царства Чжуншань было ответвлением «белых ди». Далее он высказывал такую мысль. Быть может, оно представляло собой этнически смешанную группу, в формировании которой приняли участие скифы.

Невозможно не заметить борьбы между кочевниками и китайцами, в основе которого лежали экономические причины, и в то же время, не увидеть огромной роли, которую играли кочевники в китайской истории, например, в создании, расширении и развитии китайского государства, в создании и развитии специфических религиозных систем Китая, в которых четко прослеживается сформированная упомянутой борьбой идея обеспечения целостности и гармонии общества, которое впоследствии стали называть Поднебесной империей. Эта специфика религиозной структуры и психологических особенностей мышления, всей духовной ориентации в Китае видна во многом. В Китае признавалось высшее божественное начало — Небо (Тэнь). Но китайское Небо — это высшая верховная всеобщность.

Две сотни лет ведя войну между княжествами (царствами), ни одно княжество не доводило победу над соседом до точки полного завоевания. Но в 479 году до н.э. все изменилось, когда полукочевое княжество Чу, занимавшее большую часть долины Янцзы, поглотило маленького соседа, положив начало двухвековой эпохе широкомасштабной кровавой борьбы, которая получила название периода Борющихся царств. Это была борьба за овладение всем Китаем, точнее, телом Китая, поскольку его душа уже была завоевана человеком, который по странному совпадению умер в том же самом 479 году до н.э. Этот человек по имени Кун (Конфуций), которому, возможно, было суждено оказывать самое большое и самое продолжительное влияние на человечество из всех кого-либо живших людей.

3.3. Конфуцианство

В 551 году до н.э. родился Кун. Видимо его род шел от кочевников жунов, так как слово кун (көн) в переводе с татарского языка обозначает — «день», «солнце». Хотя его род, может быть, и шел когда-то от жунов, но, как и все пришедшие народы в Китай, его род тоже ассимилировался с китайцами и он, таким образом, был китайцем. А прозвище у Куна было Жунн. Позже, когда Кун стал известным человеком, по-китайски его стали на-

зывать — фу-цзы — учитель или Кун фу-цзы. Традиционным в европейском латинизированном произношении его имя стало произноситься — Конфуций. Это латинизированное имя было введено европейскими миссионерами-иезуитами в XVII в. Далее в главе будет использовано именно это имя, как более привычное для читателя.

Кун был вторым сыном в семье представителей *ши* — социального сословия нетитулованного дворянства, к которому принадлежали ученые и чиновники. Это — крепкий класс людей, часто обладающих благородным происхождением, но редко имевших полное право называть себя аристократами. Местом его рождения было давно исчезнувшее селение Цзоу, располагавшееся неподалеку от современного города Цюйфу в провинции Шаньдун. Тогда эта территория принадлежала княжеству Лу — самому маленькому из всех уделов, входящих в состав чжоуской империи, которое, тем не менее, пользовалось среди своих соседей большим авторитетом, поскольку его основателем считался бессмертный культурный герой Чжон-гун, чьи идеи оказали основополагающее влияние на идеи самого Куна.

(Кун) «Конфуций родился и жил в эпоху, когда чжоуская империя находилась в состоянии тяжелого внутреннего кризиса. Власть правителя-вана (императора) давно ослабла, хотя номинально он продолжал считаться сыном Неба и сохранял свои функции первосвященника. В этот период разрушались патриархально-родовые отношения, в междоусобицах гибла аристократия, на смену ей приходила централизованная власть правителей отдельных княжеств (царств), опиравшаяся на складывавшийся вокруг них административный аппарат из незнатного служилого чиновничества. Как явствует из древнекитайской хроники «Чуньцю, по традиции приписываемой самому Конфуцию и охватывающей события VII — V вв. до н.э., правители и их родственники, аристократы и сановники в борьбе за власть, влияние и богатства не останавливались ни перед чем, вплоть до безжалостного уничтожения родных и близких.»¹² В делах княжества, в котором он рос, находили свое отражение коррупция, предательство и безжалостная борьба аристократов за власть, продолжавшаяся на протяжении периода весен и осеней во всем царстве, хотя благодаря своему происхождению оно так и не было поглощено более могущественными соседями, которые вторгались в него лишь раз в десятилетие.

По всей видимости, Конфуций получил определенное образование от своих родителей, поскольку лишь в семьях крупных феодалов ученые-чиновники могли исполнять роль педагогов — обучившись чтению, письму, музыке и стрельбе из лука. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, он устроился учетчиком. На своей первой работе он вел учет запасов зерна и проверял качество скота. Эти обязанности вряд ли были обременительными, поэтому он много времени уделял чтению книг, которые по-прежнему существовали в виде бамбуковых дощечек, скрепленных горизонтальными шнурами, причем многие из них были разбиты на отдельные части, только позднее собранные вместе. То, что он узнал о жизнях и верованиях ученых прошлого и высокопринципиального основателя своего родного княжества, а также знакомство с ценностями собственного класса *ши* — все это влияние одного рода.

Могущественные предки не могли спасти великие семьи от немилости и бедности, какими бы богатыми и щедрыми ни были их ритуальные жертвоприношения; царственные духи не могли возместить слабость в военной силе; торжественные договоры, заключенные под эгидой небесных покровителей, нарушались совершенно безнаказанно стороной, обладающей более сильной земной армией. Этот скептицизм вызывал рациональную оценку окружающих его условий, которые приносили унижения и страдания простым людям; чувствительный и проницательный молодой ум не мог оставаться к ним равнодушным. По всей видимости, Конфуций сам никогда не испытывал ни острой нужды, ни насилия над собой, которые могли бы привести его к моральной поддержке экстремистских действий или мятежа, чего он никогда не делал. Вместо этого у него развилось искреннее сочувствие к народным массам и сбалансированный взгляд на то, как можно улучшить их благосостояние. На протяжении своей жизни ему, вероятно, чаще всего приходилось сталкиваться с высокомерием тех, кто занимал привилегированное положение. Нетерпимое отношение Конфуция к покровительству, интригам, уклончивым и простым речам не могло способствовать его карьерному росту. То, что он был скромным и даже молчаливым, становится ясно из его отношения к красноречию. «У людей с красивыми словами и приторными манерами мало человеколюбия», — говорил он. Конечно, с таким взглядом вряд ли он мог добиться высокого чиновничьего положения.

Он женился и имел одного ребенка — сына, о котором известно лишь то, что Конфуций считал его большим разочарованием, а его жена просто является как факт. Таким образом, семья вряд ли могла служить ему утешением за годы безвестности. Конфуций продолжал много учиться. Конечно, учился не ради обучения, а как человек, который может изучать плуг, чтобы затем с его помощью вспахивать почву. Однажды он сказал: «Учиться для того, чтобы, когда представится возможность, применять изученное на практике — разве это неприятно?».

Когда Конфуцию исполнилось тридцать лет, вокруг него собралась группа молодых людей, он им рассказывал о тех заключениях, к которым пришел сам. Друзья и слушатели были очарованы силой и эрудицией его ума, притягательной силой его мягкого и в то же время твердого характера. Они стали называть его своим Учителем. Он любил такие развлечения, как рыбалка и стрельба из лука, наслаждался музыкой, с удовольствием присоединялся к неформальным песнопениям. Его встречи с друзьями проходили в веселой, приподнятой атмосфере, которая не мешала ему вести с ними искренние беседы.

Конфуций был ревнителем старины. Богом для Конфуция было Небо, как божественная нравственная стихия, управляющая всем миром. Она воплощалась наверху в видимом небесном своде, и на земле — в ритуалах и человеческом сердце. В традиционных установлениях и обычаях Конфуций видел формы жизни первопредков, но объективная обстановка побуждала выступать с новыми идеями, которые можно было бы противопоставить царившему хаосу. Он пришел к выводу, что религия, философия и управление государством должны быть рационалистическими. В системе, говорил он, существует фундаментальный изъян: она действует для блага тех, кто управляет. Отсюда безжалостная борьба за власть и издевательства над народом. Если вместо этого систему переориентировать на благо управляемых, более того, на руководящие посты назначить самых добродетельных людей независимо от их происхождения и, наконец, если врожденные добродетели дополнить навыками управления, то государство будет процветать. Народ начнет стойко переносить трудности, поскольку он будет разделять его удачу, с готовностью поддерживать его, заселять его без завоевания, в результате чего войнам и несправедливостям будет положен конец. Он верил в то, что для социальных улучшений требуются совместные

усилия и что при справедливом обращении любой человек будет их поддерживать по своей самой природе. Главной потребностью он считал добродетельного правителя, который окружит себя добродетельными, способными министрами, которые, в свою очередь, отберут по такому же принципу — поскольку важным элементом добродетеля является готовность распознать то же самое качество в других людях — подчиненных им государственных чиновников, и так далее вплоть до самых нижних уровней власти. Основная идея в этом управлении в том, что управление людьми должно осуществляться ради людей, а не для личной выгоды. Отталкиваясь от сконструированного им идеала, Конфуций сформировал основы того социального порядка, который хотел бы видеть в Поднебесной: «Пусть отец будет отцом, сын — сыном, государь — государем, чиновник — чиновником», т.е. пусть все в этом мире хаоса и сумятицы станет на свои места, все будут знать свои права и обязанности и делать то, что им положено. Упорядоченное таким образом общество должно состоять из двух основных категорий, верхов и низов — тех, кто думает и управляет, и тех, кто трудится и повинуется. Такой социальный порядок Конфуций считал вечным и неизменным, идущим от мудрецов легендарной древности. Критерием разделения общества на верхи и низы должны были служить не знатность происхождения и тем более не богатство, а только знания и добродетели, а точнее — степень близости человека к идеалу. Предложенную им систему можно охарактеризовать как устойчивую меритократию, где весь упор сделан на характер индивидуума. На первое место Конфуций ставил идеи: «позитивный дух», отсутствие мистики, а не правила, поскольку он считал, что ничего не может освободить человека от обязанности думать и быть честным самим с собой. Некоторые идеи Конфуция о служении людям помогли сформировать западную демократию. Хотя он тоже считал, что правительство должно быть народным, в том смысле, что люди, занимающие руководящие посты, должны избираться из всего населения страны и его, вероятно, сильно озадачил бы европейский метод выбора. Он бы спросил, каким образом избирательная урна способна определить самых добродетельных и подготовленных — одним словом, подходящих людей для управления страной.»¹³

Неспособность Конфуция пресмыкаться ради получения должности, посещать большую часть своего времени регулярным

занятиям, привело к тому, что он решил оставить службу и начать платно обучать людей новой системе управления. В учебе он не отказывал никому, кроме дураков и лентяев. Своим будущим ученикам Конфуций ясно давал понять, что он не собирается учить их тому, как стать богатым. Кроме того, он считал, что человек должен стремиться не к тому, чтобы стать известным, а к тому, чтобы стать достойным этой известности. Точно так же человек должен стремиться не к тому, чтобы получить должность, а к тому, чтобы хорошо подготовиться к той должности, на которую его могут назначить. Таким образом, его строгие принципы и скрупулезная подготовка гарантировали, что, даже не имея никаких связей, ученик закончит курс обучения прекрасно подготовленным к тому, чтобы получить пост в правительстве.

Крушение древних устоев семейно-кланового быта, междоусобные распри, продажность и алчность чиновников, бедствия и страдания простого народа — все это вызывало резкую критику ревнителей старины, при этом не находя реального выхода из создавшегося положения. Но в то же время они понимали, что древние обычаи в неизменном виде не могут остановить хаос. А предложить то, что изменило бы ситуацию, они не знали. Другим влиянием в империи, был скептицизм, разделяемый все большим числом интеллектуалов по поводу практической действенности религии. Они считали, что в современное время древние обычаи изжили себя.

Стремление опираться на древние традиции и тем самым воздействовать на современников в желаемом направлении знаковой истории всех обществ. Однако особенностью конфуцианства было то, что в его рамках это естественное стремление со временем превратилось чуть ли не в самоцель. Школьное обучение Конфуция формально заключалось в передаче древнего духовного наследия, сама же передача предполагала определенную интерпретацию передаваемого и неизбежно оборачивалась именно учением Конфуция, т.е. тем новым, что органически выросло из глубины старого и забытого. Его школа являла собой живой пример лучшего правления. Выступив с критикой своего века и высоко ставя века минувшие, Конфуций на основе этого противопоставления создал свой идеал совершенного человека. Высокоморальный человек, сконструированный философом в качестве эталона для подражания, должен был обладать двумя важнейшими в его представлении достоинствами: гуманностью и чувством долга. Гуманность — это высокий, почти недостижимый

идеал, совокупность совершенства, которыми обладали лишь древние. Однако для настоящего человека одной гуманности было недостаточно. Он должен был обладать еще одним важным качеством — чувством долга, определенным моральным обязательством, которое гуманный человек в силу своих добродетелей накладывает на себя сам. Чувство долга, как правило, обусловлено знанием и высшими принципами, но не расчетом. «Благородный человек думает о долге, низкий человек заботится о выгоде» — учил Конфуций. Внутренняя свобода, которая в то же время есть необходимость, толкает благородного мужа на действия независимо от того, какой будет результат, и даже вопреки явным признакам обреченности задуманного дела. Таким образом, Конфуций утверждал свободу воли, активность жизненной позиции человека, сознающего обреченность того дела, за которое он борется. Поэтому в понятие чувства долга включались стремление к знаниям, обязанность учиться и постигать мудрость древних. Конфуцием были разработаны еще ряд других понятий, включая верность и искренность, благопристойность и соблюдение церемоний и обрядов. Следование всем этим принципам было обязанностью благородного человека, который в записях изречений Конфуция определяется как человек честный и искренний, прямодушный и бесстрашный, всевидящий и понимающий, внимательный в речах, осторожный в делах.

Хотя Конфуция называли учителем, но все же он считал себя не столько учителем, сколько человеком, готовящимся к великой задаче. Конфуций имел мессианскую убежденность в том, что рано или поздно его призовут осуществить на практике те реформы, которые он проповедовал. Ученики были его потенциальными заместителями, которые помогут ему решить эту задачу, когда придет время. Но к его школе стали с опаской относиться в различных правительственных кругах, считая его грозным соперником в борьбе за власть.

Проходили годы, а Конфуций оставался незамеченным на фоне государственной политики взяточничества и неприкрытой алчности. Но Конфуций добился слишком большого уважения, чтобы от его услуг можно было бы просто так отказаться. Поэтому вскоре ему предложили высокую должность советника князя своей провинции. Наконец, у него, казалось бы, появилась возможность быть услышанным при обсуждении важных государственных дел и годы его размышлений трансформируются в позитивные действия, которые, возможно, приведут к наступлению

справедливого века. Конфуций принял предложение со своей обычной скромностью и при дворе проявил уважение к вышестоящим сановникам. Он стал добиваться совмещения нового со старым, обновления, которое открыло бы возможность поставить школу на место государства, но впоследствии он понял, что к его советам мало прислушивались, а взяли его на службу и дали громкий титул для того, чтобы просто отделаться от него. Князья и вельможи оказались в плену наслаждений и праздности, затмивших в них интересы общества и государства. Истина открылась ему медленно, но когда это, наконец, произошло, Конфуций отреагировал с твердой решимостью: покинул княжество Лу. Он решил отправиться в поиски такого правителя, готового выслушать и сделать его мечту реальностью.

Собрав вокруг себя небольшую группу последователей, около 479 года до н.э. покинул родное княжество. Он отправился в соседние княжества, но там шла гражданская война, прожив некоторое время, он понял, что в его учениях в этом княжестве не нуждаются. Конфуций со своими последователями ушел в другое княжество, но и там они долго не задержались из-за того, что это руководство княжества олицетворяло собой упадок нравов. Кроме того, жители этого мелкого княжества страдали еще и потому, что армии двух великих соседних княжеств превратили их в арену своей борьбы. В этой грозной атмосфере странствующий Учитель вряд ли мог рассчитывать на то, что его слова будут услышаны, поэтому они покинули и это княжество. В течение тринадцати лет, Конфуций скитался из княжества в княжество, но нигде не был услышанным. Везде в правлении княжеств царил упадок нравов. Конфуций рассматривал современную ему правящую элиту как видимость власти. И тогда в возрасте шестидесяти семи лет, уставший от скитаний, он возвратился в свое родное княжество Ли.

Старый человек, со спазмом отчаяния, Конфуций решил набрать новых учеников. В свободное от преподавания время, он взялся за литературную работу. Чтобы увидеть себя в поколениях потомков, Конфуций посвятил последние годы своей жизни сбору и передаче древнего культурного наследия. Он сличал рукописи, собранные во время путешествий и писал книги. Вскоре он заболел и умер. Это произошло в 479 году до н.э.

Конфуций перед смертью предстает человеком глубоко скорбящим и разочарованным. То, к чему он чувствовал себя при-

званным, ему так и не удалось осуществить. Неудовлетворенность и озабоченность результатами своих трудов не покидали Конфуция и накануне смерти: «Под Небесами нет пути уже давно, никто не в силах следовать за мной». Всеобщую бессовестность Конфуций воспринимал как признак полного краха того дела, которому служил. Такова была смерть человека, который стал почти обожествленным бессмертным для китайского народа. Но тогда это была всего лишь причина для личного горя нескольких учеников на фоне усиливающегося в империи Чжоу хаоса, который полностью захлестнул страну в тот же самый год, когда княжество Чу поглотило своего соседа и положило начало эпохе Борющихся царств. Свои идеи он не успел систематизировать, и их приходится искать в древней литературе — сборнике приписываемых ему бесед и высказываний «Лунь юй», составленный вторым поколением его учеников. Книга «Мэн-цзы», появившаяся в следующем веке, история княжества Лу в период его жизни и более поздние работы сделали легенду о его жизни еще более запутанной. А через век после Конфуция появился выдающийся распространитель конфуцианской философии Мэн-цзы (372-289) гг. до н.э., который обучался у внука Конфуция. Судьба и учение Конфуция пережили тысячелетия, и он до настоящего времени остается в духовном ареале человечества самым известным китайцем.

Следуя заветам Конфуция, первым делом необходимо «исправить имена». Вот что утверждал величайший мудрец Китая: «Если имена не соответствуют истинному смыслу, то дела не могут идти успешно. Ибо нельзя правильно присуждать наказания. Если же нельзя правильно присуждать наказания, то народ не будет знать, как двинуть рукой или ногой». Конфуций говорил: «Истинный человек всего себя посвящает служению высоким идеалам, служению людям и поиску истины». С течением времени и в связи с ростом авторитета Конфуция и его учения этот идеал все более становился обязательным для подражания, эталоном, приблизиться к которому было делом чести и престижа для каждого и особенно для тех представителей высшего сословия (ученых-чиновников, профессиональных бюрократов-администраторов), которые с эпохи Хань (III в. до н.э. — III в. н.э.) стали управлять Поднебесной империей.

В эпоху Хань конфуцианство было провозглашено официальной религией ханьской династии. К этому времени многое в

созданном Конфуцием идеале изменилось. Как это нередко случается, с превращением его учения в официальную догму на передний план выступила не суть, а внешняя форма, проявлявшаяся преимущественно в демонстрации преданности старине, уважении к старшим, напускной скромности и добродетели. «Не будучи религией, в полном смысле слова, конфуцианство стало большим, нежели просто религия. Конфуцианство — это и политика, и административная система, и верховный регулятор экономических и социальных процессов — одним словом, основа всего китайского образа жизни, принцип организации китайского общества, цемент китайской цивилизации.

В определенном смысле можно сказать, что именно благодаря конфуцианству со всем его культом древности и консерватизмом китайское государство и общество не только просуществовали свыше двух тысяч лет в почти не менявшемся виде, но и приобрели такую гигантскую силу инерции, что XX век, окончивший с конфуцианством как официальной идеологией, пока еще далеко не вправе считать себя победившим в восходящие к конфуцианству и питающиеся его соком традиции.

В течение двух с лишним тысяч лет конфуцианство формировало умы и чувства китайцев, влияло на их убеждения, психологию, поведение, мышление, речь, восприятие, на их быт и уклад жизни. В этом смысле конфуцианство не уступает ни одной из великих религий мира, а кое в чем и превосходит их. Конфуцианство окрасило в свои тона всю национальную культуру Китая и национальный характер его населения. Оно сумело стать, во всяком случае, для старого Китая, незаменимым». ¹⁴

Как видим, китайское мировоззрение очень много заимствовало у северных и западных тюрков-кочевников и переработало в китайском духе. Если многие древние цивилизации исчезли, то благодаря этому мировоззрению, китайцы создали свою самобытную цивилизацию, которая не только не исчезла, а успешно существует, за века расширилась за счет своих соседей и сегодня она одна из самых ведущих, могущественных цивилизаций мира. К сожалению, тюркские народы не смогли сохранить свою религию, они пошли за мелодией чужеземной дудочки и потеряли свою цивилизацию, как и многие другие народы.

Как уже было отмечено выше, странствования Конфуция и государство мыслящих людей между княжествами в надежде приобрести влияние над их правителями стали вполне обычным явлением в период Борющихся царств, поскольку бесконечные вой-

ны внутри царств и между ними, война с кочевниками, восстания угнетенного народа, технологическая революция, вызванная появлением железа, рост населения, заставили многих феодальных правителей искать помощи у класса ученых, пользуясь их услугами в качестве советников-дипломатов. Появились целые философские школы, так называемые «Сто школ», и парадокс заключается в том, что в период кровавой незатихающей борьбы, продолжавшейся между V и III веками до н.э., в ходе которой крупные княжества (царства) поглощали мелкие, появились целые философские школы. Эти школы представляли интеллектуальный расцвет Древнего Китая.

3.4. Китайские философские школы

Слово «сто» в названии отражает приверженность китайцев к экстравагантной нумерации, поскольку в действительности главных школ насчитывалось только шесть. Кроме конфуцианцев это была школа логики или «школа имен», даосисты или школа *дао* и *дэ*, «школа моистов», натурфилософы или «школа инь-ян», лигисты или «школа законников». Многие ученые посещали академии, из которых самой известной была академия «Ворот Ци», расположенная в столице царства Ци. В современном татарском языке Чи или Ци (в некоторых районах, татары вместо буквы Ч употребляют Ц) переводится — сырой. Означал ли это, что академию назвали так, потому что в нем еще все философские разработки были в стадии сырого, не законченного состояния. Основанная его правителем около 318 года до н.э. (примерно в то же время Платон основал свою академию в Афинах), она принимала мыслителей со всей страны, обеспечивала их пищей и жильем и награждала самых выдающихся из них званием Великого префекта. Там можно было встретить самых известных живых лидеров всех шести школ. Ход их мыслей, включая представителей конфуцианства, позволяет составить некоторое представление о воззрениях китайских интеллектуалов второй трети последнего тысячелетия до н.э.

Общественные изменения и развитие науки выдвинули множество новых социальных проблем и философских задач. Например, таких как управление, на основе правил поведения или основе закона, управление на основе добродетели или основе силы и страха, древность и современность, Небо и человек, название и сущность, характер природы человека, происхождение

мира и т. д. На все перечисленные вопросы интеллигенция высказывала различные взгляды, для их решения предлагала собственные философские системы, отличавшиеся разными формами, содержанием и особенностями, вследствие чего и произошло разделение на отдельные философские школы.

Условия, возникшие в обществе, в котором старое заменялось новым, в свою очередь создали для представителей «всех школ» своеобразную арену, в которой они могли свободно «соперничать во взглядах». Вслед за крахом господства в Поднебесной рабовладельцев-аристократов, объединенных под единой властью чжоуских сынов Неба Тэнь, идеология правящего класса постепенно утрачивала влияние и силу. Однако общество еще в течение долгого времени продолжало находиться в состоянии раздробленности, новая централизованная система управления еще не возникла, новая идеология еще была не в силах занять господствующее положение, поэтому в идеологии и, следовательно, религиозных системах на какое-то время образовался определенный вакуум.

Именно в этих условиях все школы получили возможность свободно конкурировать и в течение длительного времени сосуществовать, что привело к необычайному повышению философской активности.

Во всех этих школах китайские верования концепции Неба Тэнь (Тан), духов предков и семьи оставались неизменными. Основная направленность философии этих школ — это система управления государством. Каждая школа со своими философскими взглядами рассматривала взаимоотношение правящего класса и народа, государства и его поданных.

В (604-520) году до н.э. умер Лао-цзын, традиционный основатель даосизма, чьи взгляды представляли собой контраст со взглядами Конфуция. Полное толкование даосизма было получено усилиями выдающегося философа Чжуан-цзы, современника Мэн-цзы. Даосизм как философская школа четко отличается от религии с тем же самым названием. Лао-цзын подобно Конфуцию видел в добродетели проявление истинной природы человека. Как и конфуцианство, даосизм был не столько религиозной доктриной, сколько способом интерпретации культурной традиции. Однако, в отличие от конфуцианства, даосизм мало интересовался общественными проблемами. Его последователей больше привлекало достижение умиротворения и бессмертия. Философский даосизм основан на следовании природе — так,

например, смерть воспринимается достаточно спокойно, как естественное следствие жизни. С другой стороны, религиозный даосизм противостоит природе — например, ищет способы избежать смерти, — и в этом отношении его духом является наука, так что благодаря религиозному даосизму были сделаны многие научные достижения.

Даосисты-философы высмеивали Конфуция за его тщетные усилия спасти мир. Мир, считали они, следует предоставить самому себе: они заявляли, что, если бы мир можно было спасти, выдернув единственный волосок из своего тела, они все равно не сделали бы этого. Их отправной точкой было сохранение себя и избежание ранений, чего можно было достичь, если укрыться в горах или лесах и вести жизнь отшельника. Они превозносили бесполезность, приводя в пример священный дуб, который избегал топора потому, что его древесина ни на что не годилась. И все же. Несмотря на все старания не делать ни добра, ни зла, возможность страдания оставалась, поскольку «причина моего большого несчастья в том, что я имею тело. Если бы не было тела, то откуда было бы взяться несчастью?». Таким образом, на финальной стадии своего развития даосизм стал мистическим. Его последователи ставили себе цель увидеть жизнь и смерть, себя и других с высшей точки зрения: очистив свой разум от всех знаний, они стремились выйти за пределы этого мира и достичь следующего, в котором собственное «я» исчезло, слившись с вселенной.

Хотя *дао* обычно переводится как «луть», для последователей даосизма этот термин имел более глубокое значение. Для них *дао* — это начало всех вещей, великий единый блок небытия, из которого появилось бытие и, следовательно, все существа и вещи. Само по себе *дао* не вещь, а всеобщее и безымянное, через которое появились все именованные вещи, унаследовав от *дао* то, что называется *дэ*. *Дэ* — это энергия или сила и то, чем вещь является по своей природе. Дао производит квинтэссенцию, *дэ* наделяет ее природой. Человек должен всегда следовать своему *дэ*, ограничив свои действия только тем, что необходимо или естественно для него — никогда не прилагая чрезмерных усилий, сделав простоту своим руководящим принципом, а удовлетворенность целью; желания и знания разрушают чувство удовлетворенности, и поэтому их следует избегать: «Когда появились знания и интеллект, началось великое мошенничество».

Соглашаясь с Конфуцием в том, что правитель должен быть мудрым и добродетельным человеком — одним словом, мудрецом, — даосисты отводили ему совсем иную роль: вместо того чтобы просвещать свой народ, насаждать справедливость и осуществлять законодательную власть, ему следует предпочитать не деяние. Все проблемы мира, говорил Лао-цзы, появляются не потому, что какие-то вещи не делаются, а потому что делаются слишком много, «Когда будут устранены мудрствование и ученость, тогда народ будет счастливее во сто крат; когда будут устранены «гуманность» и «справедливость», тогда народ возвратится к сыновней почтительности и отцовской любви; когда будет много искусных мастеров, тогда умножатся редкие предметы. В то же время его не удовлетворял проводившийся в жизнь вновь возникшими общественными силами принцип «управление на основе закона», и он с тревогой восклицал: «Когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников». Он протестовал также против политики «почитания мудрых» и выступал против войн, которые вели между собой правители отдельных государств. «Управление мудрого человека делает сердца людей «пустыми, а желудки — полными. Оно ослабляет их волю и укрепляет их кости. Оно постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющие знания не смели бы действовать». В общем, он отвергал старое рабовладельческое управление, но в то же время выступал против рождения феодального строя, не находя при этом реального выхода из создавшегося положения. Все вещи происходят от дао, которое само по себе ничего не делает, но в то же время «нет ничего такого, что бы оно не делало» — пример парадокса, доставлявшего удовольствие даосистам.

«Школа моистов» была значительно более приземлена, и не менее рациональной, чем школа конфуцианцев. Современный философ без всяких проблем усвоил бы ее догматы. Она пыталась создать чистый логический метод, включающий в себя дедуктивный и индуктивный методы, классификации знаний и диалектику. Она предвосхитила «*принципы пользы*» английского философа, родоначальника утилитаризма Иеремии Бентама, который также верил в то, что целью морали является «наибольшее счастье наибольшего числа индивидуумов». Критика других школ открывает простоту, и ясность ее мысли. Например, взявшись оспорить тезис даосистов о том, что учение бесполезно, моисты указывали на то, что обучение и учение — это связанные терми-

ны, там, где существует обучение, есть и учение, и, следовательно, если обучение полезно, учение не может быть бесполезным. Моисты отстаивали доктрину вселенской любви — всеобъемлющей любви между всеми людьми.

«Школа *ИНЬ-ЯН*» вела свое происхождение от практики шести оккультных искусств, например, таких, как астрология. Оккультизм является направлением магии, но последователи одной из его ветвей хотели понять природу сил, формирующих вселенную. Эта ветвь, как и религиозный аспект даосизма, способствовала развитию научного мышления, точно так же как это делала алхимия в эпоху западного Средневековья. Центральное положение в учении школы занимала концепция усин, «пяти стихий», или «пяти первоначал». Если поначалу эти пять стихий означали реальные составные части всей материи — воду, огонь, дерево, металл и землю, впоследствии они эволюционировали в абстрактные силы. Это были пять первостихий, управляющие вселенной, рассматривавшейся представителями школы как механизм, в котором взаимодействуют человек и природный мир: если одна из его частей выходит из строя — например, верховный правитель своим недостойным поведением вызывает гнев Неба Тэнь (Тан), — гармония нарушается, что приводит к аномальным явлениям. Представители школы считали, что пять стихий порождают друг друга и что смена времен года наглядно иллюстрирует этот факт. Дерево, доминирующее весной, порождает огонь, который доминирует летом, и т.д. Точно так же последовательность правящей династии соответствует пяти стихиям, каждая из которых имеет свой цвет; так, например, легендарный Желтый император, правивший в то время, когда доминирующее влияние имела земля, принял ее цвет и стал называться желтым (дерево было зеленым, металл белым, огонь красным, вода черной). В то же время как строение вселенной объясняли пять стихий, ее происхождение связывалось с действием двух первичных сил *инь* и *ян*, ответственных за все природные явления. *Ян*, представлявшее мужское начало, ассоциировался с солнцем и со всем светлым, ярким и сильным, сухим, твердым, мужественным, активным и т. д., в то время как *инь* было связано с луной, со всем темным, мрачным и слабым, олицетворяло собой женственность, пассивность, холод, влажность, податливость и т.д. Все, что происходит во вселенной, является результатом взаимодействия противоположностей.

Татарский язык сам по себе очень консервативен, поэтому в словах за несколько тысячелетий произошли незначительные изменения. К примеру, даже в современном татарском языке слово *ян*, *яна*, *янарга*. *яну* ассоциируется с солнцем и со всем светлым и переводится *гори*, *горит*, *гореть*, то есть мужское начало. Слово *инь*, *инэ*, *инэкей*, *инэргэ айга*, *ину* с современного татарского языка на русский переводится как мать, обратиться или вознестись к луне, то есть связано с луной, олицетворяет женственность, влажность, податливость и т.д. По этому поводу возникает закономерный вопрос о заимствовании тюркских понятий и философских учений от тюркских кочевников, так как в те времена эти философии были распространены и среди кочевого народа. Можно предположить, что после того, как тюркские народы отошли от своей философии и религии и приняли буддизм, ислам, христианство и т.д., в Китае все эти учения сохранились, хотя и в интерпретированном в китайском менталитете. Поэтому все эти философии, учения и религия сегодня называются китайскими.

Хотя все школы сыграли важную роль в формировании китайской философской мысли и мировоззрения, наиболее глубокой из них была конфуцианская школа, в то время называвшаяся «школой служивых людей», или жуцзя. Конфуцианство, мировоззрение концепции Неба, обосновано во взаимосвязанности с системой управлением государства. Однако самое большое практическое воздействие на ход истории в рассматриваемый период оказала «школа законов», или легистов. Как мы увидим, ее последователи оказали значительное влияние на политику царства Цинь, которое положило конец периоду Борющихся царств, завоевав всех остальных участников междоусобицы, что в 221 году до н.э. позволило ее правителю стать императором объединенного государства. На Западе это государство стало известно по названию княжества Цинь, и императорская власть в нем осуществлялась на основании принципов легистов, прародителей тоталитаризма, запятнавшего двадцатое столетие». ¹⁵

Основные различия между легистами и представителями всех остальных философских школ состояло в том, что последние все время оглядывались на то, что они считали историческим прецедентом, особенно на золотой век, который они стремились возродить. Революционная идея легистов состояла в том, что исто-

рия является процессом непрерывных перемен. Основоположник лигистов Хань Фэй-цзы утверждал, что распространение феодализма было обусловлено новыми обстоятельствами и методы управления должны быть изменены в соответствии с ним.

Эти методы управления государством были основаны на учении о наградах и наказаниях. В отличие от даосистов легисты верили в то, что человек рождается не добрым, а злым и лишь ничтожное меньшинство людей делают добро по собственной воле. Поэтому правитель должен осуществлять свою власть со всей строгостью закона. Он не должен быть мудрым или, как говорили конфуцианцы, добродетельным, служа примером для своего народа. На самом деле, он должен быть таким, какими его представляли даосисты — полностью бездеятельным за исключением тех случаев, когда требовалось наградить или наказать людей, назначенных им на государственные посты. Если они добросовестно исполняют свои служебные обязанности, их награждают, если нет — наказывают. Благодаря такой системе некомпетентность не имеет шансов просуществовать долго. Народ, со своей стороны, не должен иметь идеалистических устремлений к добродетельному поведению; конфуцианская добродетель не имеет никакого отношения к государству, и у народа есть лишь одна главная обязанность — повиноваться закону. Законы следует безжалостно усилить, и все должны быть равны перед ним. В этом отношении легисты следовали революционному конфуцианскому принципу игнорирования классовых различий; но вместо того, чтобы пытаться поднять народ до более высоких стандартов поведения, легисты стремились опустить аристократию до более низких стандартов, полностью полагаясь на систему наград и наказаний, равную для всех.

Само «соперничество всех школ» и особенности происходившей философской борьбы показывают, что развитие древней китайской философии вступило в новый, важный исторический этап. Содержание и формы философской борьбы в этот период оказали глубокое влияние на всю философскую мысль Китая, а также борьбу, имевшую место в период после династий Цинь и Хань. Философские поиски привели к тому, что эти системы вышли за рамки собственной религии, что впоследствии определило специфику того, что сегодня называют китайской религией (вернее — религиями Китая).

Царство Цинь

В период Чуьцю («Весны и Осень», 722-480 гг.) было 124 больших (княжеств) царств, а следующий период Чжаньго («Брани царств» или «Воюющих царств», 404-221 гг.) осталось только семь крупных и три маленьких княжеств. Интересная история царства Цинь в качестве победителя периода Борющихся царств и объединителя Китая. Легенды помещают происхождение народа Цинь в 3-е тыс. до н.э., но более достоверная история начинается в 879 году до н.э. «Как считает китайский ученый Мэн Вэнь-тун, первые правители наследственного владения Цинь, возникшего в IX веке до н.э., были выходцами из рода жунов». ¹⁶ Один мелкий кочевой вождь и искусный коневод получил от императора Чжоу небольшую территорию, чтобы выращивать на ней лошадей для царского двора. Основным занятием княжества было разведение коней. Потомки вождя вскоре стали называть себя князьями. Можно вспомнить, что в 771 году до н.э., когда началась гражданская война и чжоуский царевич попросил помощь у соседнего кочевого народа жуны (варваров), тогдашний циньский князь помог спасти чжоуского царевича, который переместился в новую (восточную) столицу Чжоу, где был провозглашен императором. Он наградил Цинь, сделав его полноправным княжеством, которое, как и все другие княжества, испытывало все меньшую лояльность к чжоуской династии. Их земли в долине реки Вэй, к западу от ее слияния с Хуанхэ, как и старая столица Чжоу, были защищены реками и горами. Княжество Цинь входило в империю Чжоу и было пограничным уделом, воевавшим с тюркскими кочевыми племенами жунами. «Важное политическое влияние княжества Цинь имело на те жунские рода, которые жили преимущественно к северо-западу и западу от циньской столицы Сяньяна». К концу V в. до н.э. некоторые рода кочевников усиливаются и создают свои государства, среди которых самым крупным было в то время Ицюй.

В 470 г. до н.э. царство (княжество) Ицюй, расположенное в верховьях р. Цзиншуй присылает дань циньскому правителю-гуну. Через двадцать лет Цинь нападает на Ицюй и захватывает в плен его правителя. В 430 г. до н.э. Ицюй предпринял поход против Цинь и дошел до Вэйяна. Так с переменным успехом борьба Цинь с Ицюй продолжалась вплоть до середины IV в. до н.э.

В 331 г. до н.э. в царстве Ицюй начались смуты. Этим воспользовался правитель Цинь Шан Ян, который смог принудить Ицюй признать себя вассалом Цинь. После этого Цинь перешло к последовательным действиям, направленным на захват земель Ицюя. В 314 г. до н.э. поход циньцев закончился присоединением 25 городов к (княжеству) царству Цинь. В 272 г. до н.э. правитель оставшихся земель Ицюя был хитростью заманен в циньскую столицу и там убит. На территории его царства были основаны циньские округа Лунси, Бэйди и Шан.»¹⁷

В течение трехсот лет войны были подчинены 12 жунских кочевых родов, княжество Цинь включило их в свой удел, на которых были созданы округа Лунси, Бейди и Шанцзюнь. Затем вновь на севере были захвачены земли, и появились новые китайские округа Юньчжунь, Яньмынь и Дайцзюнь, Шангу, Юйянь, Юбейпин, Ляоси и Ляодун. Вновь занятые земли были разделены на уезды, в которые направили переселенцев из внутренних районов страны.

На протяжении всей истории Цинь, вплоть до конца периода Борющихся царств, остальные китайцы считали циньцев варварами. Они разделяли многие обычаи и верования своих соседей кочевников, и их неотесанность проявлялась в приписываемом им незнании традиционных нравов, взаимоотношений и добродетельного поведения как у китайцев. Тем не менее, они постепенно ввели у себя многие институты и культурные практики китайцев, проживавших к востоку от них. Среди них были даже человеческие жертвоприношения, сопровождающие смерть важной персоны. Впервые это произошло в 678 году до н.э., когда вместе с князем в могилу сошло шестьдесят шесть человек. Данная практика была официально запрещена в 384 году до н.э., хотя случаи человеческих жертвоприношений отмечалось в Китае вплоть до 1398 года н.э. Другим видом жертвоприношений, заимствованного у китайцев, являлось подношение циньской царевны в качестве жены богу Хуанхэ: каждый год отбирали красивую девушку, которую облачали в свадебный наряд и пускали вплавь на плоту, выглядевшем как свадебное ложе. В скором времени плот шел ко дну вместе с предназначавшейся в жертву девушкой.

Власть и культура кочевников жун в княжестве Цинь господствовала, поэтому, видимо, взаимоотношения северных кочевников были наиболее близкими с княжеством Цинь, чем с остальными княжествами. Ведь недаром по сегодняшний день ки-

тайцев татары называют чин, цин, а Китай — Чин. Эти обстоятельства настолько отличили Цинь от остальных княжеств, что **те считали Цинь кочевым жунским владением и не всегда соглашались на его участие в общекитайских съездах и союзах. Однако победы на севере и западе, отдавшие в руки циньских князей огромную территорию с воинственным населением, сделали Цинь наиболее сильным княжеством Китая.**

В 361 году до н.э. из соседнего княжества в Цинь прибыл **потомок младшей царской наложницы, чтобы служить циньскому правителю Сяо Гуноу. Это был легист по имени Шан Ян. Во время его первой беседы с Сяо Гуном последний уснул, но после нескольких последующих встреч Шан Ян завоевал его доверие. Он стал советником и скоро приобрел такое большое влияние, что на протяжении последующих двух десятилетий провел в царстве широкий диапазон реформ, полностью основанных на легистских принципах.**

Циньский правитель **разделил свое княжество на тридцать два административных уезда. Каждый уезд управлялся назначенным из центра чиновником, чтобы таким образом ослабить власть наследственной аристократии. Больше всего правитель сосредоточил внимание на реализации главной идеи легистов — системе наград и наказаний. Чтобы никто не сомневался в сути изданных им законов, он приказал вывести их копии в столице на столбах, специально установленных для этой цели перед дворцовыми воротами. Он разделил все население на группы по пять или десять семей, внутри которых между всеми ее членами была введена круговая порука. В качестве легистских мер поощрения он ввел иерархию ненаследственных рангов, которыми награждали за похвальное поведение. Начиная с военных заслуг — «Тот, кто отрубит одну голову, повышается на один ранг» — ранги варьировались от № 1, самого низшего, до № 18. Обладатели рангов имели льготы, среди которых были услуги рабочих и налоговые послабления, а также они могли получить в награду землю или должность. Введение рангов стало еще одним шагом в лишении наследственных прав традиционной аристократии. Целью Шан Яна стало создание мощного централизованного государства, основанного на строго контролируемом административном аппарате, трудолюбивых крестьянах и дисциплинированной крестьянской армии. В циньском княжестве торговля и производство предметов роскоши не поощрялась, и, на самом деле, класс торговцев на протяжении большей части китайской истории был лишен вид-**

ного положения. Наконец, в поддержку своих принципов эффективного управления он стандартизировал меры веса и длины.

В 325 году до н.э., через несколько лет после смерти Шан Яна, князь Цинь последовал примеру правителей большинства других княжеств и стал называть себя царем, что стало наглядной демонстрацией упадка правящего дома Чжоу (на самом деле, в 256 году до н.э. династия Чжоу была окончательно упразднена после того, как царство Цинь завоевало ее родовые земли). За сто тридцать лет царство Цинь провело не менее пятидесяти крупных войн или военных компаний, что привело к потерям полутора миллионов человек, хотя точность этой цифры вызывает сомнения. Кровавая борьба и коварные интриги периода Борющихся царств повсеместно усилились. К 250 году до н.э. в результате завоеваний число участников борьбы сократилось от первоначальных двадцати четырех до семи. Таким образом, у Цинь осталось шесть соперников за Хуанхэ и к югу от Янцзы.

К тому времени на исторической сцене появился еще более выдающийся человек. Это был Ли Сы, самый знаменитый из всех государственных деятелей-легистов. Появившись в 247 году до н.э., он на протяжении сорока лет занимал самые высокие посты, среди которых был и пост самого главного советника.

Армия циньцев, завоевавшая для своего царства прозвище «царство тигров и волков», сражаясь так безжалостно с северными кочевникам, представляла собой дисциплинированную, хорошо отлаженную боевую машину, обладающую большим опытом. (Тотемом китайцев был тигр, а у татар — волк). Их родная земля — сеть рек и горных хребтов — была почти непроходима. Покорив и присоединив Ицзюйское царство и захватив все остальные земли кочевников жунов, она превратилась в огромное царство. Их экономика процветала — при прохладном отношении к торговле она представляла собой аграрную экономику, которую поддерживал железный плуг и амбициозные ирригационные работы. Их радушный прием выдающимся людям, позволил им постоянно реализовывать самые смелые инновации. Это достигалось за счет издания законов, дававших государству контроль над всеми аспектами жизни, которые могли касаться пахотных земель, конюшен, зернохранилищ, преступных деяний и т.д. Законы усиливались системой наказаний, включавших смертную казнь, подневольный труд, штрафы и строгие выговоры.

Династия Цинь

Таким образом, царство Цинь представляло собой высокоорганизованное государство, когда в 230 году до н.э. его армии двинулись на восток и юг, чтобы завоевать одно за другим оставшиеся шесть Борющихся царств. Им удалось выполнить эту задачу в течение одного десятилетия. И теперь могущественные царства Чжао, Янь, Ци, Чу, Хань и Вэй следом друг за другом оказались под пятой у Цинь. Итак, в 221 году до н.э. Китай был объединен под властью ванна (царя) Ин Чжэна, который сразу же присвоил себе правящий титул Ши-хуанди — «Первый император». Ши-хуанди, по взглядам китайцев, был типичный по обычаям и образу жизни тюркским кочевником.

Его страна простиралась на тысячи километров на запад от побережья Тихого океана и от северных пустынь до плодородных земель к югу от Янцзы. Она стала ядром Китая, которая, несмотря на периодическую фрагментацию и значительное приращение территории, сохранялась как страна и нация все последующие два с четвертью тысячелетия, представляя собой одно из главных политических образований на земле, тогда как за это время бесчисленное количество других империй успели разрастись, распасться и кануть в небытие.

Царство Цинь вновь объединило весь Китай. Это очень значимое историческое событие в судьбе Китая. В течение нескольких тысячелетий Китай состоял из несколько десятков царств и маленьких княжеств. Эти княжества были неоднородны по этническому составу. Южные царства в основной массе были из народа Мань (народа тайской группы), юэ (народа малайской группы) Лоло (народа бирманской группы) и т.д. Восточные царства в основной массе были из народов маньчжурской группы. Северные и западные царства в основном состояли из кочевников. Серединовые царства — из этнических китайцев, которых постоянно вывозили из центральных царств и заселяли южные, восточные и северные районы. т.е. на земли завоеванных аборигенов и они служили как цемент для объединения разношерстного Китая. Постепенно все аборигены становились китайцами. Так было на всем протяжении истории Китая. Но, несмотря на это, даже по прошествии тысяч лет Китай всегда неофициально делился и делится на Север и Юг, где жили и живут разные народы: по

расовому, этническому, языковому принципу и образу жизни. Живущие на севере отличаются от южных китайцев по языку, внешности и менталитету. Во всю историю Китая южные китайцы претендовали на правление южными областями, а северные на север. Кочевники всегда претендовали на власть в Северном Китае, так как считали, что эти земли исконно принадлежат им и это не зависело от нации, будь это, тюрки, монголы, тангуты или маньчжуры. Царство Шан и империя Чжоу были федеративными. Центральной власти подчинялись царства и княжества, это были вассальные подчинения.

Царство Цинь вначале вобрало в себя жунов, а затем оно разгромило и захватило все остальные северные, восточные и южные царства, возродило Китайскую империю. Государство — это средство, с помощью которого народ длит и развивает свое историческое предназначение. Правящая кочевая жунская верхушка, ради власти и богатства, отдала свою государственность и земли на создание Китайской империи. Китай с древних времен не имел постоянного названия, заимствовал его от царствующего Дома (династии), и носил это название только в продолжение царствования его, а с падением его принимал название следующей династии. Поэтому кто бы ни приходил к власти в Китае, они провозглашали не этническую власть, а династийную. Правящая верхушка жунов провозгласила свою династию в империи под названием Цинь, тем самым ради империи отказала своему народу на самостоятельное развитие. Так верхушка татарских кочевников жунов и ди, а также другие кочевые народы изменили судьбу своих народов и бросили на ассимиляционный котел Китая. Но правящая верхушка жун была не исключением, ради управления китайской империей бросали свои народы в жертву монгольская, тангутская и маньчжурская верхушка. Самая недалекая история. Маньчжурский народ численностью не более миллиона человек пошел войной против 150 миллионного Китая в середине XVII в. и захватил его. Правящая верхушка маньчжуров провозгласила свою династию под названием Цин (1644-1911) и правила до начала XX века. За время своего правления она покорила и включила в китайскую империю — Тибет, Восточный Тюркестан, Джунгарию, при этом истребив джунгарский народ. Правящая верхушка маньчжуров ради власти в империи не пощадила и свой народ. Маньчжурия вошла в состав Китая, а маньчжуры полностью ассимилировались и исчезли как народ.

Когда китайцы решили, что маньчжурская династия плохо управляет империей, их свергли и уничтожили.

До династии Цинь управление империей всегда было на федеративной основе, а подчинявшиеся царства были в вассальной зависимости. Другое дело централизованная империя. «Первый император Цинь предпринял быстрые шаги, чтобы закрепить объединение. Он разделил весь Китай на уезды, а уезды объединил в тридцать шесть областей, каждым из которых управлял назначенный из центра ненаследственный триумvirат, состоящий из гражданского губернатора, военного командующего и инспектора, представлявшего императора. С помощью этой системы областей и уездов центральное правительство могло осуществлять контроль в самых дальних уголках страны. Все правители, аристократы и чиновники завоеванных царств были собраны в циньской столице. Здесь для них построили новые дворцы и дома, где их можно было держать под надзором, лишив возможности устроить мятеж.

Главный объединяющий фактор в жизни китайцев — их письменный шрифт — был стандартизирован, поскольку в позднечжоуские времена появилось множество расхождений. Главный советник Ли Сы упростил и рационализировал, так называемый, шрифт «большой печати» раннего Чжоу заменив его шрифтом «малой печати», который после дальнейших усовершенствований, сделанных при правлении следующей династий, сохранился в неизменном виде до наших дней. Таким образом, хотя на обширной территории Китая люди говорят на десятках различных диалектов, письменный язык был понятен образованной элите повсюду, точно так же как на более простом уровне мы понимаем дорожные знаки независимо от того, в какой стране они установлены.

Была проведена стандартизация мер веса и длины, увеличена ширина дорог, осуществлена огромная программа строительства дорог. Во всем этом процессе консолидации и объединения, включавшем административные реформы — всеобщее равенство перед законом, стандартизация мер веса и длины, ширина дорог, валюты и шрифта — роль Первого императора и его советника заслуживают самых высоких похвал. Так же как и основание ими Академии знаний, к которой были прикреплены семьдесят ученых, пользовавшихся таким же почетом и уважением, как члены Академии Ворот Ци, существовавшей в предыдущем веке. Однако после того как династия Цинь объединила шесть царств и со-

здала централизованную власть, император Ши-хуан, в соответствии с требованиями абсолютизма в политическом отношении, осуществил этот же принцип и в области идеологии, в связи с чем признал господство «школы легистов» и положил конец «соперничеству всех школ». В 213 году до н.э. произошло событие такого рода, которое впоследствии всегда являлось отличительной чертой тоталитаризма. Был издан декрет, согласно которому, за исключением исторических записок самого царства Цинь, текстов, хранящихся в Академии знаний, а также работ по медицине, гаданию, сельскому хозяйству и лесоводству, все остальные труды различных философских школ и все классические книги должны быть сданы губернаторам областей для сожжения. Кто не сожжет запрещенные книги в тридцатидневный срок, будет казнен или отправлен на принудительные работы. Император Цинь приказал живо закопать 460 конфуцианских ученых. Закапывание последователей Конфуция живыми в землю показывало на чужеземную природу этого учения для китайцев. Сейчас считается, что это — истинное китайское учение. Но некоторые признаки указывают, что это учение не было китайским. Иначе, зачем император Китая пошел бы на такие крайние меры, уничтожая эту идеологию под корень. В последующем, несмотря на это обстоятельство, китайцы вынуждены были вернуться обратно к этому учению, немного изменив ее, потому что на самом деле другой системы воспитания государственной элиты просто не существует.

Ущерб знаниям, нанесенный этим «сожжениям книг», хотя его наихудших последствий в целом удалось избежать, вызвал у китайских ученых последующих поколений глубокое отвращение к империи Цинь.

Через несколько лет, после объединения, циньская военная машина снова пришла в действие. Компания на юге от Янцзы добавила новые земли. После удачной кампании на юге армии повернули на север.^{18*}

Император Ши-хуанди в 215 г. до н.э., послал в Ордос против хуннов огромную армию (до 100 тысяч человек) во главе с полководцем Мэн Тянем. Китайская армия в 20 раз превосходила хуннское войско. После битвы с китайцами хунны отступили из Ордоса. Земли к югу от реки Хуанхэ — древнее название Ордоса — известного плато в Китае, внутри изгиба Хуанхэ, территория современного автономного района внутренней Монголии. Мэн Тянь, завоевав Ордос, построил по берегам реки Хуанхэ 44

гарнизонных городка, и заселил их гарнизонами из преступников. Закончив строительство дорог между уездами он перешел со своим войском через Хуанхэ и занял долины Бэй-гя у гор Яньшань. Вновь занятые земли были разделены на 44 уезда, а 44 уезда объединили в три новых округа. И всякий раз, создавая новые округа, быстро строились длинные стены — защиту от нападения кочевников, а города обносили стенами. Китайцы давно славились своей любовью к возведению стен. Чтобы хунны не могли сразу отвоевать свои земли, император Ши-хуанди приказал начать строительство Великой стены; была построена китайская стена, протянувшаяся на 4 тысячи километров через горы и полупустыни. Сооружение стены было закончено к 212 г. до н.э. В 212 г. до н.э. по приказу императора построили прямую дорогу, соединившую вновь созданный в Ордосе округ со столицей империи Цинь. Таким образом, внутренние районы Циньской империи соединились с северными окраинами, что имело не только военно-политическое, но и экономическое значение. Сотни тысяч человек, из внутренних районов, были направлены на освоение недавно завоеванных земель. Некоторые из них были обычные граждане, добровольцы, соблазненные наградой в виде десятилетнего освобождения от трудовой повинности или повышения на один ранг. Другие отправлялись туда по принуждению, как, например, каторжники или дезертиры с военной службы, или торговцы (что отражало предубеждение против коммерции), или крепостные слуги. Были среди них и чиновники, которые не справились со своими служебными обязанностями и в соответствии с принципами легистов подлежащие наказанию наравне со всеми.

Император Ши-хуанди захватив хуннские земли Ордос, нарушил перемирие между Китаем и хуннами. Кочевникам-хуннам стало ясно, завоевание чужих земель — это доктрина Китая. Численность китайцев неуклонно растет и свои демографические проблемы она собирает решать за счет земель соседей. После взятия китайцами Ордоса борьба хуннов с китайцами обострилась. В связи с этим, несмотря на возведенную китайцами оборонительную стену, хунны совершали постоянные набеги на владения, захваченные китайцами, которые вынуждены, были постоянно держать там свою армию.

В 210 году до н.э. император, вернувшись из путешествия на восток, внезапно заболел и умер. На трон взошел его сын Ху Хай с титулом Эр-Ши-хуанди, или «Второй император». Состояние в

империи было не из лучших. Крестьяне и ремесленники бедствовали. Недовольствие в государстве росло среди всех слоев населения. Многие считали, что династия плохо справляется с интересами Китая, император перестал почитать Небо. Конечно, в такой обстановке, Небо не могло простить императору. Терпение Неба иссякло, и ударили барабаны истории.

Глава VI

Династия Хань

«В 209 году до н.э. один рядовой офицер, которому было приказано сопровождать преступников в ссылку, не смог выехать вовремя из-за сильного ливня. Зная, что по существующим законам его в любом случае ожидает смертная казнь, он предпочел мятеж. Из этого мятежа разгорелось народное восстание, охватившее всю страну, и уже через несколько месяцев были убиты многие губернаторы областей. По всей стране мятежники били в барабаны, призывая народ к восстанию. Многие китайцы считали, что Небо лишило мандата императора. Появились еще целый ряд лидеров, которые боролись за то, чтобы взять под свой контроль постоянно растущие отряды мятежников, и среди них был бывший деревенский староста по имени Лю Бан, чье имя оказалось отмеченным судьбой.

В 205 году до н. э. Лю Бан со своей повстанческой армией приблизился к столице. Император Цзы-ин сдался ему без боя, но в начале 206 года до н.э. другой лидер мятежников по имени Син Юй опустошил столицу и казнил Цзы-иня. От былого могущества империи Цинь не осталось и следа. История показала, что тоталитарный режим может совершить в стране грандиозные преобразования, но век их короток, так как ни один народ не сможет жить в таком режиме и с такими драконовскими законами.

Три года мятежей вылились в жестокую гражданскую войну, длившуюся почти пять лет, в результате которой пала династия Цинь. Война закончилась в 202 году до н.э., когда армия под командованием бывшего старосты Лю Бана окружила войска его главного противника, который покончил жизнь самоубийством. Лю Бан был провозглашен императором и стал родоначальником династии, получившей имя Хань. Это имя на протяжении четырех столетий было синонимом невиданного могущества и вы-

дающихся достижений империй, и в конечном итоге так стали называть этнических китайцев.

Император принял имя Гао-цзу. Император усвоил урок неспокойных лет, и первое что он предпринял, ослабил стальную хватку «школы законников». Законы стали постепенно ослабевать. Медленно, но неуклонно утверждалось конфуцианство с его опорой на этическое поведение. Первый же указ Гао-цзу обязывал чиновников использовать закон для объяснений и наставлений, а не как инструмент наказания. Император смягчил некоторые законы легистов. Он облегчил тяготы разоренного войной населения. Мудрецов из конфуцианской школы пригласили соединить конфуцианские традиции с церемониалом императорских дворов Цинь и Хань. «Тем не менее, официальные религиозные обряды поклонению духам предкам и концепция Неба оставались неизменными.»¹⁹

Несмотря на то, что возможность занятия государственной должности по-прежнему определялась семейными связями, высоким покровительством и богатством, влияние конфуцианства привело к тому, что все большее значение стали приобретать моральные качества и личные способности. За год до смерти Гао-цзу приказал чиновникам из провинции присылать всех достойных и талантливых людей к канцлеру, чтобы они могли получить должности, на которых их способности проявились бы в полной мере.

Глава VII

Бичурин и кочевая историография

Важно отметить, что в начале IX века нашей эры тюрки-кочевники воспринимались в числе самых древних этносов. Но как бы там ни было, сегодня самый древний период тюркской истории остается загадкой. Немало загадок в части истории тюркских народов периодов, начала нашей эры. Из-за частых смен алфавита у тюркских народов своих исторических записей сохранилось очень мало. Вот и приходится довольствоваться тем, что сохранились они в источниках других народов. Большое значение для изучения истории тюркских народов имеют китайские источники. Значительную ценность представляет араба и персоязычная литература, тибетские источники и т.д., касающиеся

тюркской истории, но они единичны и зачастую эти тексты написаны намного позже того времени, которое ими описывается. А китайские источники позволяют составить основную хронологическую историю. Одним из видных российских китаеведов, который наиболее полно перевел историю Китая, с китайского языка на русский, начиная со II века до н.э. до IX века н.э., был Н. Я. Бичурин. И рассказать о таком интересном человеке конечно нужно.

Родился Никита Яковлевич Бичурин 29 августа 1777 г. в селе Бичурине (по-чувашски Шинях) Чебоксарского уезда Казанской губернии в семье чувашского дьячка, не имевшего фамилии, поскольку он был крестьянского происхождения. На восьмом году жизни Никита поступил в училище нотного пения в г. Свияжске, а в 1785 г. перешел в Казанскую семинарию, где и получил фамилию Бичурин, по селу, в котором родился. Блестяще окончив ее в 1799 г., он обратил на себя внимание главы казанской епархии Амвросия Победова. Бичурина убедили принять сан священника и в 1800 г. он получил место учителя высшего красноречия в преобразованной в Академию той же Казанской семинарии, где учился сам.

В 1802 г. Бичурин, приняв монашество, стал отцом Иакинфом и был назначен архимандритом в Иркутский Вознесенский монастырь и там же определен ректором семинарии. На этом карьере его кончилась через год. Биографы перечисляют много причин окончания деятельности Бичурина в Иркутске. Одна из них — нарушение монашеского обета, монастырского устава (он под видом послушника привез в свой монастырь девушку), и конфликт с семинаристами. За эти нарушения последовала ссылка в Тобольский монастырь преподавателем риторики в семинарии. Казалось, наступили беспросветные для Бичурина времена, навсегда покончено с карьерой на духовном поприще. Но судьба приготовила Бичурину чудесный подарок — возможность проявить себя с блеском и в другой области.

В XVIII-XIX вв. Тобольск был пунктом, где русские посольства, направляемые в Монголию и Китай, готовились в дальний путь. По неоднократным рекомендациям графа Ю. А. Головкина, при отправлении очередной (девятой) духовной миссии в Китай синод назначил Бичурина начальником ее и архимандритом Сретенского монастыря в Пекине. 17 января 1808 г. Бичурин прибыл в Пекин.

В Китае Бичурин с поразительной энергией принялся за изучение китайского разговорного, а затем письменного языка. Для этого он сам составил словарь, который за 14 лет его упорного труда достиг объема современных больших словарей. За эти 14 лет им были написаны все основные труды, впоследствии изданные в России, или подготовлены для них исчерпывающие материалы. Хорошо владея латинским и французским языками, Бичурин установил связи с католическими миссионерами и знакомился с работами западных синологов, хранившимися в библиотеке португальской миссии. Знакомство с западными трудами облегчило Бичурину познание Китая, помогло ему в дальнейшей научной работе. Таким образом, Бичурин самостоятельно, путем самообразования и при отсутствии до него школы русского китаеведения, стал китаеведом высокого класса не только своего времени. Его уровня никто не мог достичь и через сто лет. По существу, он проделал работу институтских коллективов различных научных направлений за несколько лет: источниковедению, истории и экономике Китая, Тибета, Монголии, Малой Бухарии (Восточного Туркестана), Джунгарии, философии и культуре Китая. Он разработал учебники, методiku и планы преподавания китайского языка, подготовки высококвалифицированных китаеведов. При этом он же сам на практике осуществил большую часть этих планов.

Миссия и монастырь мало привлекали внимание Бичурина. И до него в Китае, начиная с 1715 г., подолгу жили члены Духовной миссии, однако никто не смог стать китаеведом такого уровня. В плане же своей духовной деятельности, как глава Миссии он получил по возвращении лишь нареkanie и тяжелое наказание. Он оказался никудышным начальником духовной пекинской миссии — за долгие годы своего руководства привел вверенное ему учреждение в полное расстройство. Сменивший Бичурина Каменский столь образно охарактеризовал в своем докладе запустение в деятельности духовной миссии, что по возвращении в Россию в 1821 г. Бичурин был лишен сана архимандрита и сослан на о. Валаам на вечное поселение, где провел четыре года. Обвинения выдвигались очень серьезные. Кроме продажи части посольского двора, разбазаривания церковной утвари. Отец Иакинф, оказывается, появлялся везде в расхожем китайском одеянии, не посещал церкви и вообще на двенадцать лет прекратил в ней священнодействия; сверх всего — он сдал в аренду часть дома, принадлежавшего миссии, где был открыт

игорный притон. Объяснение отца Иакинфа, что миссия, о которой во время наполеоновских войн все попросту забыли, в течение шести лет не получала средств на свое содержание, было принято к сведению, однако оправданием не послужило. Суровый приговор Святейшего Синода — лишение отца Иакинфа сана архимандрита и вечное поселение в Соловецком монастыре.

Помимо огромного количества личных научных материалов, Бичурин привез в Россию целый караван из 15 верблюдов (около 400 пудов) ценнейших китайских книг и в монастыре занимался переводом и обработкой накопленных в Китае материалов. Он продолжал упорно трудиться в условиях, когда его библиотека и основные материалы оставались в Петербурге. В этом ему помогала феноменальная память, присуще ему энтузиазм и неиссякаемая энергия.

На этот раз Бичурину выручило блестящее знание китайского языка. В человеке с такими знаниями нуждалось Министерство иностранных дел для переводов поступающих документов из Цинской империи. Вызволил его из ссылки известный китаевед Е. Ф. Тимковский. В 1826 г. Николай I «начертал» резолюцию: «Причислить монаха Иакинфа Бичурина к Азиатскому департаменту». Жить Бичурин должен был в келье Александро-Невской лавры в столице. Бичурин совмещал свою работу в Азиатском департаменте, которая заключалась в переводах официальных документов и составления справок. Бичурин почти не посещал Азиатский департамент; он заперся в келье Александро-Невской лавры и принялся за реализацию своих трудов.

С выходом в свет в 1828 г. «Записок о Монголии» началась кипучая деятельность Бичурина как по завершению научных трудов, в значительной степени подготовленных в Китае, так и по публикации законченных работ. Фактически он развернул эту работу после возвращения из ссылки, т.е. с 1826 года.

Известный археолог и историограф Н.И.Веселовский писал об этом периоде жизни Бичурина: «С этого времени (1826 г.) начинается его неутомимая литературная деятельность, изумлявшая не только русский, но даже и иностранный ученый мир. Востоковед Ю. Клапрот прямо высказал, «... отец Ианкиф один сделал столько, сколько может сделать только целое ученое общество».

Литературная деятельность Бичурина изумляла многих. Достаточно сказать, что Бичурин сотрудничал почти в двадцати периодических изданиях. В 1828-1830 гг. Бичурин опубликовал 6 книг и многочисленные статьи. Труды Бичурина не могли не

привлечь к нему внимания русской научной общественности и получили высокую оценку. В 1828 г. (17 декабря) он был избран членом-корреспондентом Академии Наук, в 1831 году — членом Азиатского общества в Париже, а через год вышли на французском и немецком переводе его «Записки о Монголии».

Монахом Бичурин сделался не по призванию. Николай Маляновский, живший вместе с Бичуриным в ссылке в Валаамском монастыре, отмечал атеизм Бичурина. Атеистические убеждения Бичурина отмечают многие биографы. В 1831 г. он подал прошение в синод о снятии с него духовного сана, поддержанное обер-прокурором Мещерским и Министерством иностранных дел. Однако, несмотря на согласие синода, Николай I повелел: «20 мая 1832 года, оставить на жительство по-прежнему в Александро-Невской лавре, не дозволяя оставлять монашество».²⁰ Николай I, отказал и Н. Я. Бичурину и Синоду, только какой уже отец Иакинф был монах? Когда престарелый архимандрит Валаамского монастыря Иннокентий, разрешивший опальному монаху работать, входил в его келью и приглашал к богослужению, тот, по обыкновению, отвечал: «Отец игумен, идите уж лучше один в церковь, я вот более семи лет не имел на себе этого греха». По воспоминаниям современников, отец Иакинф никогда не крестился, любил играть с друзьями в бостон и вист, баловался сигарой, а когда в Петербург приехала на гастроли знаменитая танцовщица Тальони, отец Иакинф, чтобы увидеть ее, переоделся, загримировался под купчика и проник в театр.

В России в то время ученые были, в основном, иностранцами, переехавшими в Россию из Германии и Франции, поэтому заседания в Академии Наук шли на французском и немецком языках и они продвигали политику верховенства европейской цивилизации. Поэтому многие российские ученые не понимали Бичурина и вели против него войну. Достоинства трудов Бичурина несомненны, однако он стал подвергаться критике некоторых современников. Особенно после того, как заявил, что европейцам есть чему поучиться у китайцев. После этого выступления на него ополчились евроцентристы за то, что он пишет свои труды на русском, а не на французском, немецком или на латинском языках. Такой видный ученый того времени как Броссе рекомендовал перевод делать не на русский язык, поскольку им не пользуются ученые, а, например, на латинский. Другой ученый Сеньковский возглавил компанию с критикой на Бичурина за то, что последний писал свои труды на русском языке. Сеньковский пи-

сал: «Мы часто сожалеем, читая труды почтенного отца Иакинфа, что он не издает сочинений по-французски или по-английски. Русский язык до сих пор оставался и долго еще останется вне круга ученых европейских прений о предметах восточных, и самая запутанность, в которую повергнуты эти предметы гипотезами известных ориенталистов, еще увеличивается от появления нового диспутанта, изъясняющегося на языке, не получившем права гражданства в ориенталистике и далее... это потеряно для науки, потому что писано на языке, который еще не имеет права на известность в ученом свете». Напомним, что Бичурин прекрасно владел древними языками, греческим и латинским, хорошо знал немецкий и французский, изучал монгольский, к 60 годам стал изучать татарский, но бросил. В своем ответе Ю. Клапроту, Сенковскому и другим, опубликованном в газете Бичурин писал: «Если бы мы, со времен Петра Первого доньше, не увлекались постоянным и безразборчивым подражанием иностранным писателям, то давно бы имели свою самостоятельность в разных отраслях просвещения...».

Он только один раз оторвался от своих занятий в 1835-1837гг., когда ездил в Кяхту для организации там училища китайского языка. После возвращения из Кяхты в 1837 г. Бичурин больше не покидал Петербурга, целиком уйдя в научные занятия. В 1846 г. Бичурин получил задание от Академии Наук написать сочинение на тему «История древних среднеазиатских народов». В 1847 г. русские войска начали наступление на Среднюю Азию и для Академии Наук составление такого труда имело особо актуальное значение. К этому времени Бичурину пошел седьмой десяток жизни. Вот описательный портрет этого человека в старости, сделанный Н. С. Моллер; «Был он высокого роста, держался совершенно прямо. Лицо бледное, очень худое, с провалившимися щеками, выдающимися скулами. Открытый большой лоб, между бровей глубокие морщины. Губы довольно толстые. Глаза большие, темные, блестящие и живые. Побелевшие жиденькие волосы на голове и почти белая густая борода. Движения быстрые, нетерпеливые. Характер вспыльчивый, раздражительный, иногда резкий. Сердце доброе, великодушное. Прямой и простодушный, он никогда не фальшивил и поэтому терпеть не мог людей лукавых и заискивающих». Прошла молодость в изнурительном умственном труде, безуспешные хлопоты по избавлению от монашеской рясы. Впереди были старость, болезни и равнодушные братья Александро-Невской лавры, которая была чуж-

дой ему по духу и темпераменту. Ослабла неукротимая энергия. Но ее хватило на три года, в среднем, по году на каждую часть (том) кропотливого труда. Бичурин уже в 1848 г. представил свой труд в Академию Наук. Было заседание третьего отделения (историко-филологического) Академии Наук на французском языке, где отделение постановило передать представленный Бичуриным образец перевода на рассмотрение академику Броссе. В июне 1846 г. Броссе дал блестящий отзыв об этом образце работы и выдал рецензию с замечаниями и предложениями, где в одном из параграфов рекомендовалось перевод делать не на русском языке, поскольку им не пользуются ученые, а, например, на латинском. Эти рекомендации впоследствии Бичурин воспринимал как инструкция и не только как инструкция, а программа к действию. Все замечания, за исключением совета переводить на латинский язык, были приняты Бичуриным. Затем его написание было направлено в Казань на отзыв крупнейшему востоковеду того времени О. Ковалевскому. 26 мая 1848 г. Ковалевский представил в Академию записку, где высоко оценил труд Бичурина, одновременно указывая Бичурину, что не всегда и китайцы были правы в своих исторических свидетельствах.

После проведенной цензуры, издание книги началось во второй половине 1848 г. и закончилось в 1851 г. После этого Бичурин не возвращался к научной работе. Бичурин скончался 11 мая 1853 г. у себя в келье, одинокий и забытый многими друзьями и сослуживцами, и был похоронен в ограде лавры. Накануне смерти к тяжело больному Бичурину пришел один из миссионеров, чиновник Азиатского департамента. У больного Бичурина не было желаний и сил говорить. Сначала Бичурин молчал, но вот «посетитель заговорил с ним по-китайски. Вдруг старец как бы выздоровел, — заблестали глаза, на лице появилась улыбка, ожил язык, — и, безмолвный прежде, говорил непрерывно на любимом языке своем».

Кончина его была медленной и страшной. Когда он слег, монахи обобрали его до нитки, оставив только ветхую рясу. Н. С. Моллер, навестившая его незадолго до смерти, увидела, что лежит он, парализованный, в грязном белье под рваным одеялом. Умиравший проговорил; «Обижают ... не кормят ... забыли ... не ел». Посетительница подивилась тяжелому запаху и приподняла одеяло. «Правая нога, распухшая, в пролежинах, и по ней ползали мелкие белые черви, умирающий лежал в нечистотах». Вошел суровый и мрачный старик монах: «Зачем вы здесь?»

Уйдите!» — «Я — внучка». «У монашествующей братии земных родных не бывает. У них только один отец небесный». — «Он умирает, просит, есть, покормите его». — «Об этом не беспокойтесь. Отец Иакинф уже покончил все земные расчеты, он соборован, его ждет пища небесная».

Масштаб Бичурина как творческой личности, его энциклопедизм соответствовали масштабу китайской историографии и задач русского китаеведения, а также задачам, которые он поставил перед собой. Он помог составить представление о глобальности китайской историографии, насчитывавшей более двух тысячелетий. Бичурин был первым российским ученым, вставшим последовательно на путь публикации переводов китайских подлинников. Уже в этом его огромная заслуга перед российской и мировой наукой. После Н. Я. Бичурина, а тем более при его жизни, другие крупные китаеведы не могли заслонить его фигуру, а чаще оставались в его тени. Переводы Бичурина стоят на первом месте, как по объему, так и по точности и полноте извлечений. Поэтому именно труды Бичурина являлись опорой в исследованиях для позднейших русских ученых, таких как В. Радлов, В. Бартольд, Г. Грум-Гржимайло и т. д.

Но уже и при жизни Бичурина видные ученые указывали на недостатки его трудов. Наиболее главными были несколько. Критики единодушно упрекали Бичурина в идеализации Китая и всего китайского, монголизации ряда древних народов. Бичурин защищал монгольскую теорию, в частности, происхождение тюрков-тугю и уйгуров. Такой известный российский востоковед как Мирза А. Казамбек считал, что Бичурин отождествлял этническую принадлежность древних народов с этнической принадлежностью современного населения тех же районов. Так как на территории расселения монгольских племен действовали до господства монголов различные племена — гунны, сяньби, жужане, тюрки-тугю, уйгуры и другие, то они, по Бичурину, являлись не чем иным, как монгольскими племенами. Он монголизировал тюркюгю, называя их дулга и этимологизируя их имя из монгольского языка. И один из тюркских народов-уйгуров, выступающих в древнекитайских текстах под именем хойху, которых он отождествлял с племенем монгольского происхождения — ойхор. Ошибки Бичурина заключались в том, что он переносил этнографическую характеристику современных народов данной территории (Монголии) на глубокую древность. Здесь считали критики, сказывались его антиисторические взгляды.

Открытие российским ученым Ядринцевым в 1889 г. древнетюркских стел на Орхоне и изучение их двумя экспедициями — финляндской (1890) и российской (1891) — снова оживили интерес к этим проблемам.

Н. Я. Бичурин также не замечал того, что китайские летописцы иногда сознательно искажали имена чужеземцев, передавая их при помощи иероглифов с оскорбительными значениями. «Многие китаеведы не соглашаются с транскрипцией Бичурина, которая не соответствует китайскому литературному языку, искажает этнонимы, топонимы, другие географические и этнографические термины на языках народов Центральной Азии». ²¹

Но несмотря ни на какие критики, Бичурин был первым российским ученым, вставшим последовательно на путь публикации переводов китайских подлинников. Уже в этом его огромная заслуга перед российской и мировой наукой.

Бичурин неоднократно обращался в правительственные инстанции с просьбой, чтобы его пребывание продлили, а в дальнейшем послали жить в Китай, или послали в командировку в Забайкалье, в Монголию, в Восточный Туркестан, в Среднюю Азию. Там бы он расширил свои познания по истории Азии и Китая и этим он принес бы большую пользу для России. Но его никуда не посылали, не выпускали далеко из монастыря Александро-Невской лавры.

Бичурин не идеализировал Китай и «азиатчину», как обвиняли его недоброжелатели. Просто выучив китайскую письменность, ему стало доступно читать китайскую историю. Он был поражен китайской цивилизацией и ее трепетным отношением ко всему традиционному, в том числе и к своей истории. Поэтому Бичурин восхищался Китаем, где так тщательно велась история китайских династий. Ведь не напрасно в Китае, начиная с V века, в столицах жили постоянно японцы, которые жили десятилетиями, затем возвращаясь на родину, чтобы сформировать государственные институты по образцу Китайской империи. Всё анализировали и докладывали правительству Японии, где чиновники изучали историю Китая, там копировалось много китайского, старались по возможности не делать в управлении те ошибки, которые совершались в разные времена в правлениях китайских династий. В результате чего китайская культура оставила неизгладимый след в культуре японской. И Бичурин, желая оказать помощь России, его мыслящей интеллигенции (народ не в счет,

его мнением в России никогда не интересовались) довести эти знания, познакомить с великой и интересной историей Китая, а так же историю маньчжурских, тюркских и монгольских народов. Он работал, переводил китайские источники по своей инициативе в личное время и безвозмездно. Ради того, чтобы довести эти знания на пользу России, он жертвовал будущностью своей карьеры и личной жизнью. Единственное, что он заработал при жизни — это заточение на Валаамском монастыре и ссылку в монастырь Александро-Невской лавры, где он от болезни умер, всеми забытый и никому ни нужный.

Начиная с середины XVIII по конец XIX вв. большой научный интерес к Китаю и его соседям проявляли ученые западной Европы, а в последующем и Америки. Особенно отличались французы. В XVIII в. французские миссионеры заинтересовались не только Китаем, где протекала их деятельность, но и северными народами. Гобиль, де Майя и другие, прекрасно владея китайским и маньчжурским языками, составили остроумные переводные компиляции, ознакомившие Европу с историей восточных кочевников. Большую известность получили труды таких ученых как Станислава Жюльен, Потье, Дегин, Висделу, Абель-Ремюза и т.д. Сведения ближневосточных источников собрал и обработал Вивьен де Сен-Мартен. Продолжателями дела, начатого французской школой XVIII в., были ученые XIX в. — Абель Ремюза, оставивший огромное количество частных исследований, и Клапрот, создавший историко-географический атлас «Tableaux historiques de l'Asie», бывший в свое время весьма ценным обобщением. Новый расцвет исторической науки, посвященной центральноазиатским проблемам, наступил во Франции в конце XIX — начале XX вв. Это был кульминационный пункт европейского востоковедения. Общие и частные труды Эдуарда Шаванна, Поля Пельо, Анри Кордые и Рене Груссе осветили множество вопросов и дали возможность приступить ко второму, после Дегиня, обобщению накопленного материала. Из исследований немецких ученых надо назвать монументальные работы де Грота и Франке; сведения, сообщаемые ими, в подавляющем большинстве повторяют то, что имеется во французских и русских исследованиях. Не менее интересные работы представляют также немецкие, английские и американские ученые, такие как, Плат, Пфизмайер, Вайли, Паркер, Хирт и т.д. Всеми этими учеными были написаны хорошие книги, переведенные с китайских источников, та-

кие как история Китая, история Татарии, о скифо-тюркских народах, уйгурах, маньчжурах и об остальных народах, проживающих к прилегающему Китаю. Европейцы и американцы не завоевывали Китай, ни тюркские и монгольские народы, поэтому у ученых не было политической программы в отношении исследования этих народов. Эти работы более насыщены, как по тематике исследования, так и по достоверности перевода.

В царской России и в период Советского Союза зарубежные книги по истории тюркских народов не переводились и не переиздавались. Они изучались и были достоянием только узкого круга ученых. В современной нынешней России перевели и издали только несколько книг зарубежных западноевропейских ученых, которые очень обогатили знаниями ученых и любителей истории о Китае, тюркских и монгольских народов. Это хорошие переводы с китайских источников профессора китаеведения Университета Виктория Англии Э.Х. Паркера. Э.Х. Паркер работал в Китае еще в последнем десятилетии XIX. Он говорил не только на современном, но в то же время владел древнекитайским языком и говорил на многих диалектах. Благодаря этому он читал подлинники и изучил большое число древнекитайских источников и на их основе написал свою книгу, «Тысяча лет из истории Татар» которая впервые была издана в 1895 году в Китае, а затем в 1924 году в Нью-Йорке. Этнонимам «татар» и «хиен-ну» Э.Х. Паркер ведет параллельное существование. На общем собрании членов Туркестанского кружка любителей археологии 17 февраля 1897 году была прочитана книга Э. Паркера «Тысяча лет из истории Татар», где Струнин Д. высказал такую точку зрения, что Э. Паркер черпал материалы «из оригинальных китайских источников (достоверных данных), благодаря которым ему удалось разобраться в запутанной истории татар до времен Чингиз-хана, отметить ряд свойственных им типических черт и осветить несколько выдающихся образов из числа татарских завоевателей.» Среди источников Э. Паркер широко пользовался классическим трудом крупнейшего историка 18 века Э. Гиббона «Падение и распад Римской Империи» в шести томах, где он подробно описывает историю скифов, которых он рассматривает как татар без всяких оговорок. Книга «Тысяча лет из истории Татар» переведена с английского на русский язык российским ученым-химиком Вилем Мирзаяновым, ныне гражданином США и в 2003

году издана в Казани. Другая замечательная книга Рейна Крюгера. «КИТАЙ. Полная История Поднебесной» перев. с англ. Дмитрия Воронина, Юрия Гольдберга. М. 2006 г. К сожалению, многие книги европейских и американских ученых китаеведов так и остались не переведенными на русский язык. А ведь специалисты по китаеведению и просто люди, интересующиеся китайской, тюркской, монгольской историей, могли очень многое подчеркнуть из исследования европейских ученых. Труды не только западноевропейских ученых, но и труд Бичурина давно стал библиографической редкостью, а между тем он является и поныне незаменимым пособием для историков народов бывшего СССР. Да, в России всегда старались огородить свой народ от китайской, японской, тюркской и монгольской истории.

Надо всегда помнить, что именно труды Бичурина о народах Центральной Азии более всего нуждаются в критической переоценке, т.к. наиболее ярко проявляется специфика китайской тенденциозности официальной китайской историографии о народах соседнего региона и стараниями самого Бичурина не писать в противоречие российской политики. Разберем некоторые переводы, в которых есть мелкие неточности, но они повели всю историческую науку в ложное направление. Возьмем один пример. Бичурин, переводя китайские источники истории периода III века до н.э., переводил, что китайцы кочевников, живших на северных границах Китая, называли хуннами, сюннами. Он исходил из того, что раз сегодня в современной Монголии живут монголы, значит хунны были тоже монголами, а хунны соответственно древнее имя монголов. Кто такие хунны, куда впоследствии исчезли эти хунны? До сегодняшнего дня не один российский ученый историк на этот вопрос вразумительно не ответил. Многие именитые российские и советские ученые считают, что они были, но потерпев поражение от китайцев и европейцев, полностью исчезли. Но вот интересный факт, в европейском языке насчитывается около 800 слов с татарскими корнями, заимствованными еще с времен Атиллы, и ни одного слова монгольского. Такая же картина и в русском языке, сотни слов заимствовано с татарского и не одного монгольского. Если монголы завоевали Европу и Русь, их след обязательно там должен был остаться.

Бичурин почти всех кочевников называет монголами, тангутами, тибетцами и очень редко татарами или тюрками. Европей-

ские ученые в противоположность Бичурину считали, что в приграничных районах Китая жили в основном тюркские кочевники. В остальном, в каком году были войны, важные события и т.д. переводы с китайских летописей этого периода, как у Бичурина, так и у европейских ученых, мало чем отличаются друг от друга. Как видим, отличия есть и как будто незначительные, но они сыграли в будущем важное значение. Так российские ученые-переводчики 19 века маленькими неправильными переводами создали фактически новую историю для кочевников.

Большинство европейских ученых не смогли разобраться в родоплеменных хитросплетениях кочевников, поэтому они разделили историю кочевников на части «пришли — были — исчезли». У этих ученых сложилось мнение, что каждый раз появлялись новые народы и организовывали новые государства или империи. Затем появлялись откуда-то другие племена и нападали на это государство и побежденные племена разбежались в разные стороны и становились для оседлых народов «бичами божьими». Такое же мнение подхватили российские ученые-историки XIX века и от этого более не отступали. В итоге именно выводы российских ученых определили историческое лицо кочевников в современном представлении. Эту традицию продолжили и советские ученые. В результате кочевники потеряли преимущество, а история превратилась в сказку.

Следующее мнение — это то, что кочевая и китайская культуры несоизмеримы, что кочевники были дикарями, вторгавшимися в цивилизованный Китай, что Великая степь — китайская периферия, а проблема кочевников — это проблема Китая. Таким образом, в XIX веке создали концепции, согласно которым только оседлые народы создали прогрессивную цивилизацию, а в Центральной Азии будто бы царил варварство и дикость. И эти концепции предлагались как достижение науки, не подлежащие критике. Это продолжается и поныне, хотя предметы искусства из алтайских и монгольских курганов показали, что культура кочевников Центральной Азии, начиная с III в. до н.э. по XV века н.э. была самобытна и была гораздо выше, чем культура кочевников XVII — XIX веков, когда она находилась в упадке и в застое.

Бичурин видимо обо всем этом знал. Просто кроме науки есть еще и государственная политика, которая довлеет над всеми учеными. Западники-Романовы, пришедшие к власти в России

в результате «Смуты», устроенной ими же при помощи католиков в начале XVII века, пробравшись к власти в ходе выборов царя, постепенно на ключевых постах в государстве расставляли иностранцев и преданных себе людей из западников. Царская династия Романовых была немецкая, переплетенная в родстве с датскими, английскими королевскими семьями. В царское правительство, в министерства, высшие военные чины, в Академии Наук принимали, в основном, немцев, французов, шведов, англичан, евреев и т. д., приезжавших из Европы в Россию на заработки и высокие чины. Этим иностранцев мало интересовала история Китая, тюркских и монгольских народов. Для них все они были варвары, которых надо покорить. Поэтому, естественно, убирались из системы власти все, кто имел отношение к прежней Ордынской династии, правившей до того в России, которая была наследницей державы Чингисхана. Особую опасность для романовского правительства представляли татары. Поэтому татары убирались в первую очередь как из государственно-общественной системы, так и из историографии России.

Европеизированная точка зрения на кочевой мир, которая была вынуждена веками защищать свои земли и свой образ жизни, считала их такими же бесполезными для прогресса человечества, как и североамериканских индейцев. В случае, когда они занимали плодородные земли, пригодные для земледелия, разговор был короткий, проводилось тотальное уничтожение кочевых и заселение пустых земель колонистами. Поэтому в нашей Российской истории не принято упоминать о методах борьбы романовской династии с татарами — ногайской ордой. При помощи калмыков хана Каюки с участием казаков при Петре I эта орда была уничтожена под корень. На Кубани из отрубленных голов ногайцев был сложен курган. При Екатерине II эти «пустые» земли были заселены казаками Запорожской Сечи. Калмыки после ухода большей части своего народа в Джунгарию, были приняты в Донское казачье войско, и пользовались определенными привилегиями, как имперское воинское сословие. В степях Причерноморья армия Суворова уничтожала безоружные ногайские аулы и вынуждала оставшихся в живых бежать в Турцию. В крови была потоплена пугачевское восстание, среди тех, кто поддержал Пугачева, были татары и башкиры.

Россия в XVIII веке вела успешное наступление на тюркские народы. Алтай и Казахстан приняли подданство России. По по-

нятию казахской и алтайской правящей элиты — это необходимая политическая ситуация того времени стать вассалом России, а по понятиям российского правительства — это была обычная удачная колонизация новых земель. Крымское ханство было завоевано оружием, война шла за завоевания Средней Азии и Туркменистана. Разве об этом не знал Бичурин, конечно, знал. Он же работал в Азиатском департаменте, по-современному — в Азиатском отделе Министерства иностранных дел.

Конечно, он знал и то, что войны во все времена проходили не только на фронтах военных действий, но и, не в меньшей степени, в информационном направлении. С помощью дезинформации, подавляли у противника дух и соответственно его волю к сопротивлению. Поэтому мог ли он в такой политической обстановке писать Великую историю татар и тюрков, и позволило бы правительство царской России, чтобы люди знали о древности народа, которую она завоевывает. Конечно, нет. Видимо понимая все это, и чтобы его статьи и книги печатались, Бичурин был вынужден называть всех монголами, тангутами и т.д., но только не упоминать имени татар или тюрков. Монголы — малочисленный народ, да и в период жизни Бичурина они были в вассальной зависимости от Китая, так что можно было всю историю кочевников, соседей Китая списать на них.

А об отношениях и притеснениях царского правительства России к татарам, начиная с Петра I, Бичурин так же хорошо знал. Ведь он учился в Казанской семинарии и воочию знал о притеснениях, направленных против татар. Царскому правительству не нравились не только сами татары, но даже само имя татар, поэтому в этот период появились в исторической науке различные мифы и разрабатывались теории о татарском иге и т.д., в том числе о так называемой «булгарской теории», и готовили под эти дела всякие сомнительные источники. В это дело вовлекались не только романовские историки, но их прислужники из числа высокопоставленных священнослужителей-мусульман, впоследствии ученые назвали их «булгаристами».

В царской России история писалась по директивам царствующего дома Романовых и под Романовых. Такая политика царского правительства в искажение истории тюркских народов, сохранилась и в период советской власти. В бывшем СССР история писалась по директивам Коммунистической партии и под эту партию, притом это делалось в приказном порядке, и принуди-

тельно насаждалась в исторической науке. Малейшее отступление приводило к репрессиям. Истории всех «тюркских» республик, особенно татарской, были фальсифицированы до неузнаваемости. Такое физическое и информационное прессование татар дало свои результаты. За 500 лет завоевания татар, они из многочисленного и по численности более чем русского народа, превратились в малочисленный и в 20 раз по численности меньше, чем русский народ. Изменился облик и образ мыслей татарского народа. Из воинственного и бесстрашного народа, похожего на волков, они стали раболепствующими и довольными всеми и вся.

Концепции, теории, программы и инструкции, написанные книги по истории, начиная с 19 века, продолжают и сегодня свою разрушительную работу по расколу древнего тюркского и монгольского мира, владеющего и в настоящее время значительной частью земных богатств. А положивших глаз на это богатство людей было всегда много.

Китай имеет огромное преимущество перед другими народами, а тем более перед тюркскими народами, тем, что она имеет 3400 лет непрерывной письменной истории. Даже европейские историки при рассказе о Карле Великом постоянно используют термин «предположительно», так как тысячу с лишним лет назад Европа была варварской, что обусловило проблемы с письменными источниками. А что говорить тогда о Руси. Вся древняя Российская история написана словами «видимо». О тюркских и монгольских народах и говорить вообще трудно: они постоянно меняли алфавит, чем подвергали забвению огромный фундамент исторического опыта, включающий как традиции, так и обновляющие их революции.

Традиционное отношение китайцев к подбору сведений было таким. Если дело идет о собственной стране, то китайские историки приводят огромное количество эпизодов, деталей, имен, дат и т.д. Если рассказы ведут о других народах, то они обычно сухи и немногословны. Причин к этому было несколько; во-первых, сведения они черпали от людей, которые по каким-либо причинам оказывались за границей Китая. Обычно в древности это были люди бежавшие по каким-то причинам от преследования правительства, а затем вернувшиеся на Родину. Среди них были и авантюристы. Другие источники о приграничных народах были от разведчиков, послов, военных, чиновников и т. д.

вступивших на территории соседних народов. Все они были не исследователи, соответственно, достоверность информации зависела от информатора, его кругозора, от его взгляда и отношения к чужому ему народу и не менее важно то, что китайцы способны к абстрактному мышлению. Кроме того, их интересовало лишь то, что имело практическое значение, главным образом, боеспособность, а религия, культура, обычаи, нравы и т.п. описывали между прочим. Далее как запишет сам историк. Возвеличение роли Китая, его значения и военных успехов должно было входить в задачу историка. Конечно, первой задачей исследователя этих источников является определение характера искажения действительности. Как видим для написания истории тюркских и монгольских народов очень много сложностей. Конечно, мы не можем предъявлять претензии Романовым (надо было татарам не интриговать и воевать друг с другом, а хорошо защищать Казань), китайцам, Советской власти и т. д. из-за их притеснения или искажения в истории кочевников, все они действовали в соответствии войны и удержания побежденного народа в руках победителя. Несмотря на издержки, мы все же должны быть благодарны российским, немецким ученым за написание русской, тюркской и монгольской историй. Ведь до них ни у русских, ни у тюрков, ни у монголов вообще не была написана история. Это немцы своей пунктуальностью научили российских ученых как писать историю. До этого русские монахи писали летописи в монастырях, да и то это были церковные летописи. У нас должно быть больше претензии к тем вождям, которые из-за своей недалековидности и неимения стратегического мышления, привели свои народы к такому состоянию, о чем описывается выше. Поэтому нужна не возвеличивающая или принижающая, а относительно правдивая история тюрков и монголов, из которой можно делать соответствующие выводы. Но других материалов, кроме китайских, нет, степные народы никаких документов о своем прошлом не писали и не заботились об их сохранении (жили одним днем), поэтому ничего не оставили потомкам. Поэтому надо сказать спасибо китайским ученым за то, что они, ведя записи китайской истории, посвятили немного времени и для нашей истории. Автор данной книги ссылается на научные источники, поэтому он сохраняет имена исторических личностей, представленных на китайском языке.

Глава VIII

Расселение древних татар

Древняя история северных кочевников туманна. О северных кочевниках хиен-ну в китайской истории упоминается в XVIII в. до н.э., и в 882 и 304 гг. до н.э. Таким образом, почти полторы тысячи лет истории предков северных кочевников остается в неизвестности. Китайцам ничего позитивного не было известно о тунгусах или восточной ветви кочевых народов, с которыми они не имели тесного контакта еще несколько столетий. В письменных источниках нет сведений о частых войнах между северными кочевниками и китайцами, однако археологический материал указывает на тесное общение китайцев и степняков в эту эпоху.

Если опираться на Сыма Цяна, сына придворного астролога Сыма Тяня, служившего при дворе императора У-ди в конце II — начале I в. до н.э., он составил книгу «Шицзи» — «Исторические записки», ставшую образцом для дальнейших исторических сочинений. Сыма Цяна, прозванный в Китае, подобно Геродоту, «отцом истории», пишет, «что после того, как была низвергнута династия Ся, последний царь из этого дома Хя-хэй умер в ссылке около 1764 г. до н.э. Его сын Шунь-вэй в том же году всем семейством и подданными ушел в северные степи и принял кочевой образ жизни. Китайская история полагает сего князя праотцом владетельных Татарских Домов.»²² Согласно этой легенде, татары возникли из смешения китайских эмигрантов и степных кочевых племен. Схожих легенд подобно этой в китайской истории много. Состоит она в том, что все приграничные народы с Китаем возникли путем смешения китайцев с местным населением. Такое смешение произошло у западных кочевников жунов, тибетцев, маньчжур, монголов, корейцев, южных народов района Китая, Тайваня и т.д., где праотцами этих владетельных Домов были китайские иммигранты. И не какие-то простые иммигранты, а из знатных правительственных династий. Эти мифы и легенды писались китайскими учеными в период династии Хань начиная с II века до н.э., когда империя Хань успешно завоевывала или готовилась завоевать эти государства, а для политической легитимности аннексии этих земель, нужны были исторические подтверждения в законности присоединения этих земель Китаю. Надо не забывать, что враги татар и тюркских народов вели войну не только на полях сражения, в психологической, дипломати-

ческой и т.д. войне, но и «войну пером». «Война пером» действует на противника не сразу, через определенное время. Но в перспективе она имеет огромную разрушительную силу. В идеологической войне на будущее, китайские мифотворцы сочиняли всякие легенды, мифы и «официальные истории» и на этом хорошо набили руки. Одним словом «на войне как на войне». Поэтому одни ученые верят в эти легенды, мифы и «официальные истории», а другие нет. Все зависит, кому и как это выгодно. Но, других нет. Поэтому даже такие сомнительные мифы китайских историков, историки воспринимают как историю. Нам остается только напомнить, что китайская история, датированная ежегодно, начинается лишь с 828 года до н.э. История древних кочевников, живших на северных границах Китая, до 214 г. до н.э. (за малыми исключениями) не освещена письменными источниками, поэтому этот период можно строить на предположениях и мифах, написанных Сымом Цяном и другими китайскими учеными, и на археологических материалах.

Как пишет Х. Паркер «В более поздние времена слово «тюркский» или «тюрко-скифский» использовалось для того, чтобы отличить различные однообразные племена, которые образовались в империю хиен-ну. Однако слово «тюрк» до V столетия нашей эры было совершенно неизвестно и поэтому было бы анахронизмом прежде времени говорить «тюрки». Слово «татар» — достаточно единственное и оно использовалось китайцами также неопределенно, как и нами, но определенно известное истории в любой форме до второго столетия нашей эры и даже после, как последующая форма слова «тюрк», и первоначально обозначало название малого племени.»²³

При построении Кюктюркского каганата правящие вожди стали называть себя «төре», «төреклэр» (срединные), что означало принятие на себя ответственности за весь татаро-монгольский мир. И создать государство подобное Китаю. Со временем «төреклэр» трансформировались в «төркилэр» («тюрки»). В дальнейшем кто присоединялся к таким идеям и становился их единомышленниками, то и их называли тюрками. Название «төркилэр» («тюрки») было политическим названием, а не этническим названием племени или народа, поэтому, сегодня с таким этническим названием нет ни нации, ни рода среди тюркских народов.

Говоря о кочевой цивилизации, Паркер пришел к убедительному выводу, который затем подтвердили такие историки, как Шавань, Хирт и другие, более детально исследовавшие эту проб-

лему. Паркер пришел к следующему выводу: теория о мононациональности кочевой цивилизации не верна, ибо этой чертой обладал оседлый мир. Если оседлые люди жили на земле, то кочевой народ жил, как правило, на спинах своих коней. Если оседлая жизнь отличалась разнообразностью во всем, то образ жизни кочевого мира был скуден, беден и однообразен. Кочевники, жившие тысячелетиями на огромной территории Великой степи, по укладу и образу жизни мало чем отличались друг от друга. На кочевников больше действовали климатические пояса, ландшафт местности и соседние народы, с кем больше они общались. Но в главном, кочевники, жившие на границах Китая, по образу жизни и традиции мало чем отличались от кочевников Средней Азии или Поволжья. К таковым на Западе относились скифы, а на востоке та-та-ар, или та-да-ар т. е. татар. Это зафиксировал Э. Паркер, и в своей книге написал так: «Но несмотря ни на что, уклад и образ жизни был решающим, поэтому, когда кочевники появились в Европе и Передней Азии, они мало чем отличались от кочевников Центральной Азии. Более того, скифы Геродота, которые столкнулись с греками и персами, имели точно такие же черты поведения, как и хиен-ну из Китая и гунны Европы. Так что, за исключением незначительных деталей, можно прийти к выводу, что каждый из этих трех имеет ряд этнографических связей между собой.»²⁴ Таким образом, Паркер пришел к выводу, что кочевой мир на просторах Великой степи был мононациональным. Более того, Паркер предположил, что его можно отнести к расе. Позже Л.Н. Гумилев написал так: «Сердце Евразии — это Великая Степь, земля древних тюрков, простиралась от Китайской стены до Карпат. На юге — от Афганистана и Ирана, а на севере — окаймленная сибирской тайгой. В древности эту степь называли Скифией, персы — Тураном, а китайцы — степью «северных варваров» — Бей-ху.»²⁵ Выводы Паркера о кочевниках Великой степи, основываются не на пустой почве и они более привлекательны, чем до него выдвинутые предположения другими учеными. Э. Паркер дал хорошую пищу для размышления.

Начиная с XIX века в научном мире, теорий и предположений о появлении человека на планете Земля было много. Например, как образование человека от обезьяны, появление первого человека в Африке и оттуда его распространение по всему миру, до пришельцев из космоса с других галактических планет. Но со временем эти теории и предположения отвергались самой наукой. Когда возник первый человек и где, или их образовалось

много и сразу во многих местах, никому неизвестно. Тьма этих глубин обладает притягательной силой, мы с полным основанием стремимся узнать её, но пока уготовлено разочарование для человечества, невозможность это понять. Не затрагивая этот сложный вопрос, можем предложить свое видение о появлении первых татар.

Предположительно в VI — VII тысячелетиях до нашей эры, род татар жил на юге в лесостепной зоне на территории современной Маньчжурии. Занимались они охотой, разведением мелкого скота. А когда смогли приручить диких лошадей стали заниматься коневодством. Для разведения лошадей требовалось иметь большие территории для пастбищ. Засушливое или дождливое лето вынуждало людей отгонять лошадей и скот далеко от места своего проживания. Так возникли первые кочевники Великой степи.

На севере современной Маньчжурии в лесах и сопках Большого Хингана, до Амура жили лесные племена. Татары называли их тунгусами. Татарское слово Тунгус (дунгыз) означает «свинья», возможно из-за того, что они разводили и ели свиней, которых татары не держали. Тунгусы — это предки современных маньчжур. Они занимались охотой, рыбной ловлей, собирательством лесных ягод и т.д. Тунгусы, живущие в степной части современной Маньчжурии, занимались скотоводством. Также как и татары, тунгусы вели кочевой образ жизни. По своим манерам они напоминали татар: были хорошими конниками-лучниками. Они коротко стригли свои волосы для удобства. Однако, когда подходил возраст для женитьбы, волосы отращивались длинными, их разделяли и связывали хохолком, сверх которого одевалась шляпа с брелками. Поэтому тунгусов еще называли «носящих косу». В те далекие времена, если судить по конструкции их языков, татары, тунгусы и монголы восходили от одного главного ствола и в те далекие времена, о котором идет речь, у них было мало отличия между собой. Поэтому Э. Паркер назвал эти три народа одной расой. Китайцы в древности больше сталкивались с татарами, чем тунгусами и монголами, поэтому в китайских источниках очень мало сведений об их жизни и обычаях. Китайцы всех северных кочевников тунгусов, монголов и татар называли одним названием та-та или та-да, что значит татар. Некоторые ученые считают такое название китайцы дали северным кочевникам, называя их «варварами» или «свирепые рабы». Все эти три народа создавали совместно империи во главе которого стояли

династия то татар (тюркоязычные), то монголов, то тунгусо-маньчжуров. Китайские летописцы всех их называли одинаково татарами. Поэтому при написании истории тех времен многие ученые приходят в замешательство и не знают, какая же династия была во главе кочевой империи, государства или во главе Северного Китая. Одни считают монгольская, другие татарская (тюркская), третьи тунгусо-маньчжурская. И это не удивительно, ведь они были очень схожи для китайцев, а сами они не вели летописи и не оставили своим предкам историю своей жизни. Только по истечении нескольких тысячелетий началось заметное разделение в языке. Сегодня, думаю, нет смысла искать между ними различия, и какая кочевая династия стояла у власти, а считать их всех тунгусо-маньчжуров, монголов и татар (тюрков) общими своими предками. Только в VI—VII веках нашей эры китайцы и другие народы начали замечать их различие и разделение этой расы (по Э. Паркеру) на народы, а в последствие и на нации. Но даже несмотря на это китайцы до сегодняшнего дня монголов и маньчжуров называют татарами.

Семитские народы считают, что их прапредок появился от Адама и Евы (Хава). Но мы можем только предположить, что прапредок кочевников Великой степи появился от Кеше и Катун (Хатын) (древние слова, которые сохранились у татар и по сегодняшний день), у них был сын — Татар. Одни утверждают, что слово Татар переводится как «человек на лошади», другие утверждают, что переводится, как «всех тянущий за собой». Поэтому точной этимологии слова Татар пока неизвестно.

Татары, монголы и тунгусы были очень воинственными людьми. На границах происходили стычки между племенами, как на бытовой почве, так и в межплеменных войнах. В результате битв многие женщины переходили под власть победителей, старики становились пастухами, плененные юноши становились воинами, обычно под своими родовыми старейшинами, но непременно под верховной властью победителя. Все повторялось до следующей войны. Такое отношение к пленным сохранялось в Великой степи у кочевников многие тысячелетия. При такой приграничной жизни, хотя образ жизни сохранялся, но, тем не менее, языки, обычаи и племена смешивались.

Численность татар увеличивалась, молодые осваивали новые неосвоенные земли. Скотоводство, особенно разведение лошадей, требовало больших пастбищ. Расселение и освоение новых территорий происходило во все направления, особенно на юг и

на запад. На юге и на западе лесостепные земли были удобны для ведения коневодства. В начале осваивались территории современной Внутренней Монголии в Китае. Далее — на запад в Восточный Туркестан, Джунгарию, современную территорию Казахстана, Прикаспия, Поволжья и Урала. Некоторые татарские рода во II и I тысячелетиях до н.э. дошли до современной Европы и Скандинавии. Другие татарские рода, дойдя до Причерноморья и под именами скифы или саки, начали совершать набеги в Переднюю Азию и Грецию.

Русский ученый В. П. Васильев, долгое время проработавший в Китае, считал, что первые татары появились в Южной Маньчжурии, а затем началось расселение в районе Ордоса — горы Иншань в направлении Татарской степи и Северо-Западной Монголии. Оттуда далее до Джунгарских ворот, Северного Казахстана, Алтая, Южной Сибири, Южного Урала и Нижней и Средней Волги и далее на запад до причерноморских степей. Махмуд Кашгари, обширный район между Северным Китаем и Восточным Туркестаном, называл «Татарской степью». Правда, В. П. Васильев считал, что расселение татар началось где-то с VII века нашей эры.

Васильев Василий Павлович родился 20 февраля 1818 г. в Нижнем Новгороде. В 1837 г. окончил Казанский университет. С 1886 г. академик историко-филологического отделения Российской Имперской Академии наук (история и древности восточных наук). С 1840 по 1850 г. — научная работа в Китае. Владел китайским, маньчжурским и халха-монгольским языками. Умер в 27 апреля 1900 г. в Санкт-Петербурге.

Без письменности память человека очень коротка. Обычные люди помнят хорошо только то, что произошло в течение прошедшей недели. Чем больше проходит время, тем смутно помнятся прошедшие события. Кочевники любили песни под домбру, в праздниках воспевались песни о батырах и их подвигах. Слушать историю скучно. Письменности нет, и никто не записывает историю рода, племени для будущих поколений. Хотя кочевники старались помнить свою родословность до седьмого и даже двенадцатого колена, но это только родословная память каждого индивидуума, а историю всего рода, племени, нации никто не помнил. Так забывалось откуда родом татары, кто их прадед, когда переселялись на новые места.

Древние татары осваивали все новые территории. Территория обитания древних татар расширялась и стала обширна. Постепенно, как многоводная река, в которую впадают десятки и

тысячи ручейков, так и татарская нация стала могущественной благодаря множеству родов, племен и наций. Нация — это караван, из вечности и вечность устремленный. Путь каравана-нации — это не только телесная масса, но, в первую очередь, духовная. Это путь реки единой крови. Каждый род, племя и нация стали владеть своей территорией, которая по климатическим условиям отличалась от территории соседних родов. В течение многих тысячелетий татары (тюрки)-кочевники из маленького этноса превратились в суперэтнос и расселились по всей территории Великой степи. Хотя кочевой мир востока делился на рода, племена, нации, но все они, по-видимому, происходили от общего предка и поэтому вели одинаковый образ жизни, придерживались единой мировоззренческой традиции и единого языка — древнетатарского. Языки восточных кочевников различались только наречиями по различным районам. Интересен факт, что современный татарский язык сохранил ключевой характер по отношению к другим тюркским языкам. То есть в татарском языке больше всего лексических единиц, понятных другим тюркоязычным, по сравнению с любым другим тюркским языком.

Татары-кочевники каждый раз объединялись в новые военные орды, в которые вступали новые рода-кланы, и они выбирали себе новое имя. В этом и заключалась быстрота смены народов в степи и исчезновение некоторых из них. Восточный кочевой мир в этнической своей первооснове оставался единым суперэтносом, меняя только лишь на различных исторических стадиях свои имена. От хунну, сюнну, гиен-ну до сиен-ну, тюрков, монголов). Все эти племена до определенного времени причисляли себя к татарам. Вот почему, когда татар перебивали до малолетних детей, то они вновь откуда-то постоянно появлялись. Об этом говорится во многих книгах, летописях, картах географических и т.д. До революции 1917 года тувинцы, хакасы, телеуты, теленгиты, телесы, шорцы, кумыки, карачайцы, балкарцы, азербайджанцы и т.д. назывались татарами. После революции по указанию Советского правительства всем этим народам присвоили родовые, племенные или просто вымышленные названия. Не остались в стороне и этнически называющие себя татары. Татар, живущих в Поволжье и на Урале, хотели переименовать в болгар, татар, живущих в Крыму, — в крымцев, татар, живущих в Сибири, — в семперев, татар из ногайской орды — называют ногайцами и т.д. Все это планомерно делалось, чтобы разделить великий суперэтнос кочевого мира, чтобы исчезло само имя татар, который постоянно объединял в Великие времена этот суперэтнос.

Татары-кочевники переселялись и на юг от Маньчжурии. Они обживали территорию современного Корейского полуострова. На полуострове заселялись и тунгусы (маньчжуры). В течение тысячелетий эти племена смешались, туда переселялись и китайцы, так постепенно образовывался новый народ, предки современных корейцев. Такое переселение татар и тунгусов (маньчжуров) и китайцев было и на современных островах Японии. Там образовался с течением тысячелетий новый народ — предки современных японцев.

Тунгусы также расширяли границы своего проживания. Но будучи в основном лесным народом, ареал распространения их был на север и восток, от Маньчжурии. При покорении северных народов, по обычаю Великой степи, попавшие в плен молодые женщины становились женами тунгусов (маньчжуров). Некоторые дети, рожденные в смешанной семье, от северных народов смогли образовать свои рода, которые впоследствии стали могущественные. Так образовались предки современных монголов. Есть и такое мнение, что от смешанных браков татар и маньчжур пошли рода, которые образовали рода предков современных монголов. В связи с этим в конструкции монгольской юрты сохранились элементы от юрт северных лесных народов. Поэтому у всех перечисленных народов, по прошедствию многих тысячелетий сохранилось сходство в языке и менталитете.

Нам известны сегодня некоторые факты из истории татар, исследованные учеными в более позднее время. Археологические экспедиции, проводившиеся во Внутренней Монголии, утверждают, что более II тыс. лет до н. эры на этой территории жили кочевые племена, резко отличавшиеся от культуры Китая. Китайские источники всех кочевников, живших на севере на границе Китая, называли хиен-ну, та-та, та-да, датань или тораны, что на нашем языке татары. Местожительство этих древних татар точно определено в «Дзиньшу». Татарская земля на юге соединялась с уделами Янь и Чжао (современные провинции Хэбэй и Шаньси), на севере достигали Шамо, на востоке примыкали к северным, а на западе доходили до шести жунских племен, то есть, границы распространения древних татар совпадали с современными границами Внутренней Монголии. На северо-западе от татар жили другие татарские кочевые племена, китайцы их называли гаогюй или по-современному — уйгуры. Отличие между татарами и уйгурами было до того незначительным, что китайцы всех их называли татарами. Далее на северо-западе от уйгуров жили

кочевые племена жуны. Они населяли оазис Хами и граничили с Турфаном. На юго-западе они владели берегами озера Лобнор Черчен-Дарьи, примыкая к Хотану и горам Алтынтага, где кочевали тибетцы. Жунам принадлежало также плоскогорье Цайдам, а родственные им племена ди жили в северной Сычуани. Китайцы кочевников называли гаогюй, жунн, ди и т.д. это были их родовые или племенные названия, а этнически они были татары.

Важным достижением татар было освоение степных просторов современной Монголии. Археологические материалы указывают, что предположительно более II тыс. лет до н.э. татары-кочевники сумели преодолеть через пустыню песчаное море Гоби. Наскальный рисунок запечатлел кибитку — дом на колесах, запряженную волами. Такими кибитками древние татары перебирались через песчаную пустыню. Пустыня стала проходимой, и татары смогли продвинуться до Сибири.

Жилище их — кибитка на колесах — было удобным. Во-первых, шатер лучше защищает от ветра и мороза, чем промерзшие стены земляного или каменного дома. Меняя стоянку, всегда можно найти место, обеспеченное топливом. Во-вторых, в жилище на колесах жить безопаснее, так как со всем своим имуществом можно уехать от врага, что татары и делали при возникновении угрозы.

Такими жилищами на повозках в дальнейшем пользовались почти все кочевые племена. На них они со своими семьями передвигались по всей необъятной Евразии — Великой Степи. Оседлые народы очень редко уходили далеко от Родины. Взять хотя бы европейцев, у которых даже войны происходили между замками и городами и на маленькой территории Европы. Кочевников война уносила из родных мест на тысячи километров. Они были хозяевами Великой Степи. Кочевник рождался в одном краю, а умирал чаще всего в другом.

По археологическим материалам «во II тысячелетии до н.э. в Южной Сибири, на территории Прибайкалья обитали родственные друг другу племена, которые могли быть, скорее всего, предками современных эвенков, эвенов или юкагиров. Культура их была чрезвычайно близка к культуре обитателей верховьев Амура и Северной Маньчжурии, а также современной Монголии, вплоть до Ордоса. Не исключено, что вся эта обширная область была заселена родственными друг другу по культуре племенами охотников и рыболовов, говорившими на родственных друг другу языковой группе.»²⁶ Культурные связи древних обитателей Прибайкалья тянулись к Южной Маньчжурии и Северо-Восточному

Китаю. Правда, все это только предположения и соображения ученых о народах и племенах живших на этой территории. Не вдаваясь в разные теории и догадки, названия племен и родов, живших в то время, можно уверенно сказать, что эти народы были в основном родственные друг другу. Конечно, несмотря на их родство, жизнь была у них не только мирная, но состояла из межродовых и межплеменных войн за обладания пастбищ, рек, лесов и т.д., но войны не носили истребительного характера.

Перейдя более II тысяч лет до н.э. пустыню Гоби, татары столкнулись с этими народами и племенами. Близкие по крови к татарам и менее организованные все эти народы и племена подчинились татарам. Вся современная Центральная Монголия и степное Забайкалье составили основную территорию древних татар. Началось расширение этнической территории татарского народа. За более тысячи лет татары заселили и приумножили свою численность на новых землях. На Енисее предположительно поселились кыргызы, один из татарских родов. А на западе от них, на северном склоне Алтая, поселились кипчаки, так же составляющие один из большого рода татарского народа. На склонах Саяно-Алтая поселился еще один татарский род — хагасы. Далее через современную Монголию через Саянский хребет татары вышли в современную Хакасско-Минусинскую котловину. Затем из современной Монголии татары вышли к берегам великой реки мира — Енисею, именуемого по-хакасски Кем, по-китайски — Гянь, где проживали различные угро-самодийские и остякские племена. Конечно, при освоении новых земель были и смешанные браки от захваченных в плен угро-самодийских девушек. Поэтому у жителей приграничных районов внешность была разная, европеоидная и монголоидная, что указывает на взаимный прилив чуждых поколений. Было и такое, что некоторые остякские племена отатаривались.

Глава IX

Восточная Хуннская империя

Французские ученые, профессор Сорбонны Дегинь и Анри Кордые, опираясь на Сыма Цяня, считали, что около 1200 г. до н.э. было образовано татарское государство со столицей в Ордо-се на территории современной Внутренней Монголии. Вся эта

большая территория с разными народами и племенами, где татары среди них поселились, вошла в государство, которое называлось — хунну (сюнны). Наиболее почитаемым божеством у татар было Кён Тэнре — Небесное Солнце (по-татарски кён, хён, кун, кояш). Именно поэтому хунны приняли самоназвание Кунны, то есть Солнцепоклонники. Так их называли китайские летописцы. Как назывались они в действительности, науке не известно. Можно только предположить, что созданное государство было построено на федерации племен, во главе которого стояли племенные вожди — хунны. Верноподданными державы Хунн стали не только остяки, самодийцы, эвенки, эвены, но часть тунгусов и монголов, проживающие в южной Маньчжурии.

Для степных народов торжество чжоуского ванна оказалось событием, определившим их историю. После того как княжество Чжоу завоевало империю Ся, много родов кочевников жунов и ди с их родовыми землями вошли в состав империи Чжоу, а те рода и семьи, которые не хотели становиться китайцами, сочли за благо удалиться из Китая и уйти на север к северным кочевникам. После образования династии Цинь, история повторилась вновь. В Ордос массово устремились кочевники жуны и ди. Их земли вошли в китайскую империю, а те, которые не хотели становиться китайцами, бежали к кровным родственникам — татарам от китайских чиновников, требующих от них китайского правила общежития. Территория современной Внутренней Монголии, территория современной Монголии и Южная Сибирь была татарской территорией. Жуны и ди были родственны татарам, поэтому татары предоставляли им на поселение земли. Добровольно заселять свои земли чужим народом, на такой шаг ни пойдет ни один народ, тем более кочевники, которым земли всегда не хватало. Переселялись жуны и ди туда, где им предоставляли земли для пастбищ, а это было в Ордосе, на территории современной Монголии и Южной Сибири.

С этого периода в китайских источниках появились два новых народа — хунны (сюнны) и дилины (динлины). Но народы не могли появиться неоткуда. Просто китайские летописцы стали народ ди называть дилинами или динлинами. Российский исследователь Г. Е. Грум-Гржимайло считал, что дилины (динлины) и ди один народ. Китайские историки считают, что слово «ди» произошло от тюркского слова «дил» и означает «язык». На современном татарском языке «язык» произносится, «тель». Но есть еще и такая версия, что слово «ди» образовалось от слова «дили, дели».

Слово «дили, дели» на тюркско-огузском обозначает «много не думающий, буйный, горячий, быстро заводящийся». Про таких говорят, что на такого человека, чтобы он не натворил, и суда нет. Видимо такое прозвище было дано первоначально племени Дили (Теле). Если жуны (хунны) в основном поселились на современной территории внутренней Монголии, дилины поселились на территории современной Монголии и на землях Саянского хребта от Енисея до Байкала. В III веке нашей эры в китайских летописях дилины (динлины) исчезли, что послужило поводом для многим ученым предположить, что дилины исчезли и растворились во всех соседних племенах. Но как показывает история, они никуда не исчезли, а просто появились в китайских летописях под другим названием тели (тиле) и участвовали в создании Первого тюркского каганата. Народы никуда не исчезают, ниоткуда не появляются, просто произошло изменение в произношении слова — дили (буйный), оно стало произноситься на современном татарском языке — теле, тиле (буйный). Этот народ и сегодня здравствует на Алтае, в Туве, Восточной Сибири и т. д. под названиями телеуты (переводиться с татарского как буйный огонь), телесцы, теленгиты, шорцы.

Так как нет письменных свидетельств, поэтому истории неизвестно, сколько времени ушло на создание хуннского государства, ничего неизвестно о правителях, правивших этим государством, неизвестна тысячелетняя история народов, входившая в состав этого государства. Но ясно одно, все народы и племена, входившие в государство, а это родственные татарам племена: уйгуры, кыргызы, хакасы, телеуты и т. д., а также тунгусо-манчжурские народы, в которые входили древние монголы и древние маньчжуры, и финно-угорские племена эвенки, остяки и т. д., назывались хуннами, по имени народа, образовавшего это государство. Конечно, все они знали свои родовые, племенные названия, но они были для их внутреннего употребления, а для китайцев, все они были та-да или сюен-ну. Китайские летописцы татар делили на «белых» и «черных». Но это различие было не по цвету кожи, а по китайской мере «дикости» или «образованности». Только начиная с III века до н.э. начинается письменная зарегистрированная история Хунну.

Начиная с V в. до н.э. в китайских хрониках появляется упоминание о кочевом народе юэчжах, родственном татарам. Территория их определяется от «Дунь-хуа-на на севере, от великой Стены при Ордосе — на севере-западе до Хами». На этой терри-

тории жили усунь и уйгуры. Ученые предполагают, что основная орда юэчжин находилась в Джунгарии.

Император Ши-хуанди в 215 г. до н.э., послал против хуннов полководца Мэн Тяня, который завоевал Ордос. Хуннская армия отступила за пустыню Гоби. Ордос имел для хуннов большое хозяйственное значение. Песчаные барханы с хорошим травяным покровом, солончаковые луга в низинах и многочисленные озера с пресной водой создавали исключительные благоприятные условия для кочевого скотоводства. Но еще немаловажным было то, что родовой святыней в Ордосе для хуннов был хребет Иньшань, а еще конкретнее — гора Гань-цюань-шань в Юньяне. В древних летописях зафиксирован факт благовоения хуннов перед святынями Ордоса — Иньшаня: «После того, как хунны потеряли горы Иньшань, они всегда плачут, когда проходят мимо.» После смерти императора Ши-хуанди, в 210 г до н.э. в Китае началась жестокая гражданская война. Правитель хуннского государства Тумэн (правил с 225-209 гг. до н.э.) решил использовать благоприятное обстоятельство. Он со своей армией прошел пустыню Гоби, вышел на пересечение самой северной дуги реки Хуанхэ, разгромил приграничные войска и захватил Ордос. Вернув Ордос, он продолжил освобождение остальных всех земель, отнятых у хуннов полководцем Мэн Тянем. Пограничная линия была восстановлена в прежнем состоянии. Китайские поселенцы были изгнаны из Ордоса.

У хуннского правителя тэнрекота Тумэна был сын Багадур (по-китайски Мао-дунь, Моде, Мете). Согласно обычаю, на престол после его смерти должен был вступить сын Багадур, способный военачальник. Когда родился еще один сын от второй жены — наложницы, Тумэн позволил жене уговорить себя на то, чтобы наследником стал ее сын, в обход законного приемника. Для того, чтобы обойти возможное противодействие Багадура, он сослал его в качестве заложника юэчжи (кочевым племенам, жившим в Восточном Тюркестане — современной западной части Китая провинции Ганьсу). Затем неожиданно напал на юэчжи, надеясь, что они убьют его сына. Задуманный план не удался. Багадур сумел выкрасть коня и бежал обратно к отцу. Восхищенный такой смелостью, под давлением общественного мнения Тумэн поручил ему командование десятью тысячами всадников (один тюмен).

«Командование тюменом и положило начало совершенствованию военного искусства Багадура, его способности править. Багадур ввел в своем войске крепкую дисциплину. Воины научи-

Багадур

лись пользоваться стрелой, издававшей при полете свист. Багадур приказал всем пускать стрелы лишь вслед за его свистящей стрелой, невыполнение этого приказа каралось смертной казнью. Чтобы проверить дисциплинированность воинов, Багадур пустил свистящую стрелу в своего аргамака и не выстрелившим в великолепного коня приказал отрубить головы. Через некоторое время Багадур выстрелил в свою красавицу-жену. Некоторые из приближенных в ужасе опустили луки, не находя в себе сил стрелять в беззащитную молодую женщину. Им немедленно отрубили головы. Однажды на охоте Багадур направил свистящую стрелу в аргамака своего отца и не было ни одного уклонившегося. Увидев, что воины подготовлены достаточно, Багадур, следуя за отцом на охоту, пустил стрелу в него, и в ту же минуту воины пустили стрелы в тэнгрикута Тумэна. Воспользовавшись смертью Тумэна, Багадур покончил с мачехой, братом, старейшинами, не хотевших повиноваться ему, и объявил себя тэнрекотом. Это произошло в 209 г. до н.э.»²⁷

Придя к власти, тэнрекот Багадур начал строить новую столицу. Он перенес её из Ордоса (недалеко от китайской стены) за пустыню Гоби, на территорию современной Внешней Монголии и основал у подножья священной горы Ланьшань в Хангайском нагорье в верховьях р. Орхон (на территории современного Архангайского аймака Монголии г. Харакорум) свою главную ставку — столицу Лэвкен (Аждахарбалык — город Дракон). Китайцы называли его Лунчен. Лэвкен стал летней (яйлак) столицей, а зимней (кышлак) — г. Дайлин был на востоке, по-видимому, в верхнем Керулене, в котором в дальнейшем по приказу тэнрекотов были построены молельни и дворцы. Город дракон — Лэвкен стал имперской столицей. Место было стратегически удобно. Китайцы не могли неожиданно напасть на город. Чтобы добраться до г. Лэвкена (Аждахарбалык) (Дракон), китайцам надо было пройти через пустыни Гоби. В Ордосе ставка была восстановлена, и Багадур продолжал туда наезжать.

Неожиданно у хуннов обострились отношения с тунгусами. Тунгусы жили на территории южной Маньчжурии. Эта террито-

рия не входила в хуннское государство. Тунгусы жили на расстоянии 500 км от хуннов, эта территория составляла как бы нейтральную зону. До этого между хуннами-кочевниками и тунгусами не было противоречия. Тунгусы стали сильны и достигли своего расцвета. Узнав, что у хуннов произошел переворот, учитывая их сложную обстановку внутри государства, как цену их невмешательства, они послали послов с просьбой получить принадлежавшего Тумэну коня, который пробегает в день 1000 ли. Багадур, который был как осторожным дипломатом, так и лихим военачальником, притворился сильно напуганным, готовым удовлетворить требование тунгусов. Багадур посоветовался со своими сановниками, и все сказали: «Конь, пробегающий 1000 ли в день, является драгоценным для татар, не отдавай его». Багадур ответил: «Разве можно жить рядом с другим народом и жалеть для него коня?» Он отдал тунгусам коня, пробежавшего в день 1000 ли.

Через некоторое время правитель тунгусов, думая, что Багадур боится, отправил послов сказать ему, что он хочет получить одну из жен Багадура. Багадур снова стал советоваться с приближенными, и его приближенные с негодованием ответили: «Тунгусы не знают правил приличия, он бессовестный человек, поэтому и требуют жену тэнрекота-жаниясе. Нападите на них». Багадур ответил: «Разве можно жить рядом с другим народом и жалеть для него одну женщину». Он взял любимую жену и отдал ее тунгусам.

Правитель тунгусов, еще более возгордясь, начал претендовать на восточные земли хуннов. Между тунгусами и хуннами лежала брошенная земля, на которой на расстоянии более 1000 ли никто не жил. Тунгусы отправили послов сказать Багадуру: «Брошенную землю за пределами твоей заставы, служащей границей между хуннами и нами, хунны не должны посещать, мы хотим владеть ею». Для убедительности своей просьбы тунгусский правитель начал подтягивать свое войско к границе. Багадур снова посоветовался с сановниками, и некоторые из них сказали: «Это брошенная земля, ее можно отдать и можно не отдавать». Багадур готовился к созданию централизованного государства, ему нужны были беки и старейшины с государственным мышлением. Вокруг него было еще много таких, которые личные или родовые интересы ставили выше государственных. Государственное мышление было им чуждо, и поэтому до Багадура у хуннов не было своей централизованной государственности. Но бороться с та-

кими людьми, которые стояли во главе родов и племени, у которых были сильные военные отряды или даже войска, было не просто. Надо было убедительно доказывать народу, что эти беки не способны управлять государством. Поэтому позиция таких сановников на курултае разгневала его. Багадур сказал: «Земля — основа государства, разве можно отдавать ее? Земля дана каждому народу Великим Тэнре. Есть земля — есть народ и можно создать государство». Всем, советовавшим отдать землю, он приказал отрубить головы.»²⁸

Этот эпизод вошел в историю татар и прославил Багадур навечно. Можно было отдать коня — богатство, можно отдать даже любимую женщину — поступиться личными интересами, но ни под каким предлогом нельзя отдавать землю, даже если она «брошенная». «Багадур дал приказ всем хуннским родам и верно-подданным племенам, всем воинам срочно явиться на войну, а опоздавшим с явкой на сборный пункт в указанное время рубить головы.»²⁹ С большим войском Багадур двинулся против тунгусов и внезапно напал на них. Тунгусы, пренебрегавшие до сих пор Багадуром, не принимали мер предосторожности. Багадур в короткой войне разгромил тунгусов наголо, убив правителя и взяв в плен его людей. Тунгусы покорились. Оказав незначительное сопротивление, они отступили и поселились в степях Южной Маньчжурии по соседству с китайской границей, на нынешнем монгольском плато к северо-западу от современного Пекина у гор Ухуань и Сяньби, где они со временем выросли в грозную силу. С тех пор осколки некогда могущественной орды стали верно-подданными хуннов. В будущем их стали называть по имени гор, возле которых они жили. Вся равнинная часть Маньчжурии перешла во власть Багадура.

По возвращении из похода против тунгусов Багадур не выпустил войска, а напал на юэчжей и прогнал их на запад. С этого времени началась длительная война между хуннами и юэчжанами.

До сих пор кочевники, жившие на северных границах Китая, по-китайски сюен-ну или та-да, в течение нескольких тысячелетий то объединялись и усиливались, то распадались и слабели. Все это время кочевники как-то могли противостоять агрессии своих соседей, китайских земледельцев. Китайцы тоже имели свои государства на федеративной основе. Но наступило совершенно новое обстоятельство. Во всей мощи возникла глыба — Китайская централизованная империя с его агрессивной военной машиной. Чтобы противостоять ей, союзы и конфедерация

были недостаточны. Бывали случаи перед началом военных действий, из-за личных амбиций некоторых племенных вождей союзы и конфедерация распадались или ослабевали, что приводило к поражению кочевников. Из-за разногласий кочевники долгое время не могли создать централизованное государство. Но когда татар обидели до глубины души, тогда они, показали всему миру свою мощь. Император Ши-хуанди захватил земли хуннов — Ордос. Он тем самым растормошил и вывел кочевников из полусонного состояния. Китай получил себе достойного противника. Татары в совершенстве владели искусством верховой езды, и летящие копыта их низкорослых лошадей пробуждали дикий дух степей, заставлявший кочевников неистово мчаться вперед. Татары возбудили и других кочевников. И на протяжении многих веков, даже в средние века, орды кочевников периодически поднимали свои боевые знамена в разных концах Евразии, от тихоокеанского побережья до городов Венгрии, они угрожали Риму; при Атилле их рейд приблизился к берегам Балтики. Обширным театром их боевых действий были горы, равнины, внутренние моря, лесные массивы, оазисы и пустыни, где ни крайняя жара, ни лютый холод не могли подавить их неумную энергию. Они создавали империи и разрушали великие государства, чьи названия известны всему миру.

Природа степи не предлагает своим обитателям обильной еды и легких средств к существованию, поэтому кочевники были бедны и постоянно кочевали. Как же им и их наследникам удалось создать в степи столь грозные империи, столетиями державшие в страхе все соседние территории? Но как показывает история, все это продолжалось до тех пор пока Дух Неба Тэнре покровительствовал им.

Кочевники предпочитают мир войне. Для того чтобы кочевники воевали, нужно, чтобы кочевники этого захотели сами. Без сильной централизованной власти кочевники не будут выполнять приказы. Ни один кочевник не выполнит указание свыше, пока это не подтвердит предводитель племени или рода. Поэтому все степные вожди, мобилизацию сил кочевников проводили в жизнь с согласия вождей племен и родов. Такие ситуации, когда племена и рода кочевников не выставляли всадников для поддержки вождя и переходили на сторону его противников, в степи возникали часто. Нравы кочевников были таковы, если они считали, что с ними поступали несправедливо, они бросали своих хозяев и уводили с собой свое племя или род.

Тэнрекот Багадур понимал, что как только китайцы окрепнут, они вновь попытаются захватить Ордос, но противостоять силами только верными ему племенами и родами было бесполезно. Поэтому нужна империя с централизованной властью, такая как у китайцев. Такая империя смогла бы противостоять империи Хань. Для создания империи нужна была новая элита. Нынешняя не годилась. Многие родовые старейшины, племенные вожди жили одним днем, у них не было стратегического мышления. Они погрязли в семейных, родовых, межплеменных интригах. Такое же было и в семье отца. Время требовало нового мышления, а отец и его сторонники не понимали это, хотели жить по старому, и стали врагами времени. Поэтому Багадур пошел на убийство отца, чтобы изменить ход истории. Вожди тунгусов ни в чем не отличались от мышления Тумана-тэнрекота. На границе стоит сильная китайская армия Хань, которая может по указанию императора двинуться на завоевания новых соседних земель, а правитель тунгусов ведет мелкую и недостойную интригу с Багадуром-тэнрекотом. Хуннские родовые кочевые вожди, которые жили подальше от границы Китая вообще считали, что проблемы с китайцами должны решать роды, живущие на границе Китая. А они живут далеко и китайцы не скоро доберутся до них. Так что опасность порабощения далека, а когда китайцы придут, то судьбу народа будут решать не они, а другое поколение. А пока они будут наслаждаться хорошей жизнью, а что будет в будущем, их мало волнует. Багадур-тэнрекот понимал, что переубедить таких людей невозможно. Их можно только отстранить от власти или уничтожить. Но для того и другого нужна сила. Багадур начал подготовку к строительству централизованного государства. Он сразу же взялся за увеличение численности армии и укрепление дисциплины. Багадур ввел в ратный арсенал свистящие стрелы. Звуки сотен, тысяч таких стрел, слившись воедино, издавали такой устрашающий вой, что противник уже заранее впадал в панику. Багадур начал войну внутри своего государства.

В 203-202 гг. до н.э. Багадур начал войну на севере государства с теми, кто не желал подчиняться централизованной власти. Там жили татарские рода, обитавшие на севере от Алтая, их восточные соседи — дилины, жившие на северных склонах Саян, от верхнего Енисея до Ангары, кыргызы, занимавшие территорию Западной Монголии, около озера кыргызнор и т.д. Одни были разгромлены, другие добровольно подчинились центральной власти. Урок был дан, видимо, основательный, потому что

после этого ни о каких нарушениях дисциплины не упоминалось. После основательной резни и отстранения племенных и родовых старейшин, которые не хотели расставаться с вольной и сладкой жизнью, он счел нужным, что настало время для начала войны и с соседями. Далее, развивая успех, хуннские имперские войска захватили все Манчжурию и вышли к берегам Татарского пролива. Таким образом, все северные народы по соседству с Байкалом и Амуром вошли в состав новой империи. Сейчас уже можно было начать войну с Китаем.

В 201 г. до н.э. армия Багадура численностью до ста тысяч лучников двинулась на юг. «Хорошо подготовленные войска Багадура пересекли границу и начали наступление на Китай. Хунны осадили город Ма-и в провинции северной Шаньси. Один из лучших генералов новой династии Хань Синь сдался со своей армией вместе с сильно укрепленными городами и принял подданство Хунн. Хуннское войско двинулось далее на юг и, перейдя хребет Гэ-учжу, захватило город Тхай-юань. Далее подошли к столице северной Шаньси — город Цзинь-ян (современный Тайюань) и захватили его. В 200 г. до н.э. китайский император Гао-цзу решил лично нанести поражение тэнрекоту Багадуру. Возглавив огромное войско из 300 тысяч воинов (обычно китайцы дают завышенные цифры), в основном состоящее из пехоты, он двинулся против хуннов. В это время Багадур из Дайгу, где размещались его войска, выслал 100 тысяч всадников, которые должны были завлечь императора Гао-цзу в засаду на горе Бай-дын, расположенной в 17 ли к востоку от г. Пьхин-чена. Операция называлась преследование «диких гусей». Одну часть отборных войск он спрятал вдоль дороги к горам, другую — в засаде в горах. Высланные навстречу Гао-цзу хуннские воины атаковали китайскую армию. Началась битва. Хуннские воины не выдержали контратаку китайских войск, притворились побежденными и, отступая, заманили гнавшееся за ними китайское войско к горам. Китайские войска во главе с императором устремились за бегущим противником. После того как авангард с императором вошел в ущелье, Багадур выпустил из засады всадников, которые окружили их. Летописцы считают, что это была живописная картина, когда с западной стороны неслись хунны на белых конях, с восточной стороны на серых, на севере на вороных, на южных — на рыжих лошадях. Хуннское войско, спрятавшееся вдоль дороги, разбило и оттеснило оставшуюся без императора китайскую армию. Все это происходило зимой, стояли сильные морозы. Семь

дней авангард китайской армии во главе с императором, оторвавшись от основной армии и обозов, находился в окружении без запасов продовольствия. Китайская армия, разделенная надвое, ничего не смогла сделать, чтобы спасти императора. Все попытки китайской армии соединиться, пресекались воинами Багадура. История умалчивает, как в точности было дело, почему Багадур полностью не разбил противника. Видимо, численный перевес китайской армии был очень внушительный и Багадур не хотел бессмысленно жертвовать своими воинами, однако имеются точные ссылки на то, что критическое положение вынудило Гао-цзу отправить лазутчика с подарками к жене Багадура. Китайский лазутчик добрался до жены Багадура и сумел уговорить ее. Она стала советовать мужу, помириться с императором, сказав, что, приобретя китайские земли, хунны все равно не смогут на них жить. Подумав, что на чужой земле не обретешь ни счастья, ни покоя, Багадур отказался от дальнейшей борьбы и приказал открыть проход войскам императора. Китайский авангард во главе с императором вышел из окружения и соединился со своими главными силами, а Багадур повернул войска в Ордос.»³⁰

С выходом Гао-цзу из окружения военные действия не прекратились. Полководцы желали завоевания Китая. Багадур начал претендовать на земли кочевников, захваченные китайцами. Непрерывные набеги тревожили императора, поэтому один сановник предложил императору отдать Багадуру старшую дочь его главной жены, послав ему щедрые подарки: «Багадур будет твоим зятем, а родившийся от нее сын — твоим внуком. Внук императора не станет нападать на своего деда и таким образом в будущем удастся не только достигнуть мира, но и подчинить дом Хунн». Император так и сделал.

Однако такой дипломатичный ход, сыграл противоположный эффект. Спустя 500 лет, татары сажали на китайский трон череду императоров-татар в качестве единственных уцелевших «законных наследников».

Так в 198 г. до н.э. было положено начало унижительному для Китая договору с Хунну, известному в истории как договор о мире, основанный на родстве. Договор «мира и родства» заключался в том, что китайский двор выдавал царевну за Багадура и обязывался ежегодно посылать ему обусловленное в договоре количество даров. Это была замаскированная дань.

9.1. Социально-политическая организация и быт кочевников

Семья. Основной социальной ячейкой кочевников была семья. «У кочевников род был патриархальным, т. е. дети принадлежали отцу, а не матери. Приданое отдается матери жены, а жена мужу ничего не приносит. Первую жену почитают за старшую и самую милую. Мачеха в случае смерти отца становилась женой старшего сына, а вдова старшего брата становилась женой младшего, который обязан, был о ней заботиться как о своей любимой жене. Хотя брак не всегда был фактическим, но такая форма брака оберегала женщину и ее детей от нищеты в случае вдовства, так как новый муж обязан был предоставить ей место у своего очага и долю в пище, и не мог бросить ее на произвол судьбы.»³¹

У кочевников семья обычно была большая. Старый отец (если уцелел после боевых походов), старая мать, жена, трое-четверо детей. Незамужняя младшая сестра и младший брат-подросток. У богатых была еще одна младшая жена с ее детьми.

Круговая порука в семье подразумевалась как обязательное условие. Каждый должен быть готов умереть за членов семьи или отомстить за них, если кто-то причинил им вред. У кочевников была распространена кровная месть. Это видно из того, что за преступление, совершенное одним членом семьи, несла ответственность вся семья. За воровство у кочевников предусматривалась семейная ответственность.

Понятие «юрта» употреблялось в двух значениях. С одной стороны, это помещение для жилья, а с другой — слово «юрта» (тотен, тутун) употреблялось в значении «юрт» (йурт) — двор, семья. У кочевников было два вида кочевья: они жили и кочевали большими группами, а также существовали отдельные семьи, кочующие в одиночку, изолированно или небольшими объединениями. Кочевавшие кочевники обществами обычно передвигались одним табором и останавливались одним становищем. Такие стойбища иногда насчитывали несколько сотен юрт.

Каждая семья имела отдельную полосу земли и перекочевывала с места на место, но сама земля принадлежала роду. Пастбища были родовым владением. Леса, реки, горы были совместным владением всех родов, относящихся к данному кочевому народу. Кочевой быт не означал беспорядочное блуждание по степи. Кочевники передвигались весной на летовку, расположен-

ную в горах, где пышная растительность альпийских лугов манила к себе людей и скот, а осенью спускались на ровные малоснежные степи, где скот всю зиму добывал себе подножный корм. Им были необходимы не только зеленые степи, но леса и покрытые лесом горы. Лес они использовали для изготовления юрт и телег, а также стрел. В перелесках укрывали скот во время буранов, добывали пастухам дрова для костров. Места летовок и зимовок у кочевников строго распределялись и составляли собственность рода или семьи.

Роды-кланы. Семья-клан разрасталась и с течением времени становилась родом или родом-кланом. Род начинался с одного предка. По прозвищу или имени основателя рода впоследствии назывался и сам род-клан. Естественно, члены этих кланов-родов были связаны между собой той или иной степенью кровного родства и общим наименованием. Из родственных родов-кланов впоследствии с течением времени образовывалось племя или народ. Названия племен и родов с течением обстоятельств могли меняться, получая имя своего предводителя. Поэтому этническое название, часто заменялось именем вождя. Племя разделялось на рода, колена, подколена. У кочевников Великой степи народ, племя образовывались от одного общего предка и все поступки кочевников должны были соответствовать родственным чувствам. У оседлых народов тоже были роды. Но в силу образа жизни, а особенно в городских условиях, родные через три, четыре поколения теряли связь между собой. Родовые клановые традиции обычно сохранялись только среди аристократии. В Степи условия жизни были суровые и полны опасности. Без спянной родовой взаимовыручки жить было невозможно. Консерватизм уклада жизни кочевников определил не только постоянство языка и традиций, но и также сверхустойчивость родоплеменного строя. В эпоху родоплеменных отношений было три объединяющих фактора: родная земля, родовое знамя с тотемом и этноним — имя рода и племени. Только оберегая свое имя и свои священные символы, можно было уцелеть в необъятной степи. Каждый род имел свой родовой знак — тамгу. Родовой знак — это знак родовой собственности, то есть, определенный знак, присущий представителям только одного рода. Именно по этим знакам определялись представители разных родов. Признаки клановой родовой организации и ныне сохраняются у казахов, киргизов, узбеков, каракалпаков, якутов, алтайцев, хакасов, ту-

винцев, части татар и т. д., у тех народов, кто сохранил кочевую жизнь до XX века и даже по сегодняшний день.

За четыреста-пятьсот лет потомки рода в кочевой среде успевали создать сильную родовую ветку. Но для того, чтобы состоялся отдельный род необходимо было, чтобы все его потомки жили кучно под единоначалием своих вождей. Так как в кочевой среде постоянно происходили движения кочевников, обычно эти условия редко выполнялись. Было естественно, что в связи с миграцией с течением времени какие-то роды переходили в состав других племен. Иногда при объединении родов терялось старое название рода. Со временем племена-кланы, особенно преуспевающие, способные обеспечить своим представителям наиболее благоприятные условия существования, увеличивались и делились, так как постоянно возникали новые роды, вырастающие в кланы-племена, они получали новые названия — или по имени родоначальника, или по месту обитания, или по роду деятельности основной части того или иного рода.

С углублением и разделением труда возникают группы людей, занимающиеся не только скотоводством, но и военной службой, торговлей, государственно-административной, строительной, религиозной и другой деятельностью, но, несмотря на это, связь между ними сохраняется, хотя чисто психологически, но прочная. Хотя они не занимаются общим хозяйством и не проживают на одной территории или весь род не занимается только одним видом деятельности, тем не менее связи сохраняются. Поэтому рода-кланы, племена-кланы, как явление, очень стойкое и способствующее сплоченности и организованности народа. Притом членами рода-клана становятся, и «кeргэн кеше» (зятья, сватья, свояки и т. п.), или на татарском просто «кeргэн», на русском «вошедший». В официальных исторических трудах «кeргэн» пишут «гурген». Те рода, которые смогли сохраниться в течение тысячелетия, из рода превращались в племя, а затем в народ и в нацию. Нация, как гражданская проекция этнического родства, является наиболее совершенной формой человеческого общества. Кочевники с древних времен представляли ветвистое дерево, как образ рода, племени.

«Обычно кочевников не особо интересовали внутриплеменные связи соседних племен, чтобы знать человека, им достаточно было знать имя племени. По названию племени они определяли иерархическую лестницу родственных связей кочевых племен. История кочевников сохранила немало примеров, когда объ-

единялись в союз родственные племена. Такое неординарное решение принимали племенные вожди при одном условии, если такое решение приносило выгоду всем объединяющим сторонам. В основном такое происходило перед началом войны. Такие условия для кочевников возникали одновременно с возникновением в степи кочевой державы с централизованной властью. Например: 1. Восточная кочевая империя хуннов (кунов) (III век до н.э. — IV век н.э.); 2. Кочевая империя уйсунов (III век до н.э. — I век н.э.); 3. Кочевая империя аланов (II — IV век н.э.); 4. Тюркский каганат (552-747 г.г.); 5. Тюркешский каганат (7 в.); 6. Империя Чингиз-хана (монголов) (13-15 в.в.) и т.д. Объединялись родственные племена и давалось новое имя объединенному народу. Так зарождалось в степи новое племенное образование по принципу родства. Оседлые народы примут их за новый народ — племя доселе неизвестное. И, конечно же, не увидев особого различия в образе жизни с теми кочевниками, с которыми они имели опыт общения, отметят в своих хрониках: «...в обыкновениях сходствует». Китайцы и другие оседлые люди, которые писали историю кочевников, не разбирались в их родственных хитросплетениях. Для них это был калейдоскоп кочевых народов. Они фиксировали факты, путались в названиях родов с названиями племен и писали их на свой лад. В принципе, они просто не видели смысла в том, чтобы расписывать многочисленные родственные связи кочевников и вникать в подробности их взаимоотношений. Эти неустойчивые формирования со временем рассыпались и сходили с исторической арены. Исчезал не народ, а их историческое название. После распада кочевники продолжали жить под своим племенным самоназванием. Часть из них оставалась на завоеванных землях, создавала новые правящие династии и оставались там навсегда. Обычно больше всех доставалось лидерам кочевых племен, они сохраняли свое ведущее положение в оседлой среде, и со временем ассимилировались, исчезало имя племени. Другая часть кочевников, их «тихие» родственники, которые жили в привычных для себя условиях, со временем достигали уровня вчерашних лидеров. История повторялась, новые формирования кочевников уже под другими именами шли против вчерашних лидеров, которые успели обжить новые места. В обычных, мирных условиях кочевники имели тенденцию к разобщенному образу жизни, к этому их принуждали условия выпаса скота, освоение новых пастбищ для скота и т. д.»³²

В державе тэнрекота число 24 имело для хуннов определенное знаковое значение, поэтому государство было разделено на 24 области и по области выделено каждому роду. Каждый род-клан у хуннов кочевников (ыруг) имел свою внутреннюю родовую организацию. Они назывались именем или прозвищем своего первого предка и имели свою тамгу. Несколько сотен или тысяч юрт объединялись в кочевье, которое обычно состояло из одного рода. Во главе рода стоял Старейшина. По-татарски Башлык (что в переводе означает голова, как у украинцев были головы). Так как род — это сообщество родственников, то башлыком (старейшим), мог стать любой член рода, у которого был особый дар — умение отстоять интересы рода и решать спорные вопросы на основе справедливости, чтобы во время отстаивания интереса рода или племени, он не уронил его значимости. При этом богатство и возраст человека не влиял на выбор Башлыка. Это была своеобразная демократия кочевников. В одних родах старейшина избирался, в других старейшина завещался по наследству, но и назначенного старейшину должны были избрать. Но в том и в другом случае избирались или назначались лица, отличавшиеся справедливостью, смелостью, силой, умением решать спорные дела. Родовой вождь был представителем интересов своего рода. Его власть была основана не на узурпации прав общины рода, а на привычном авторитете родового старшинства и поэтому он и пользовался полной поддержкой своего народа. Вождь каждого кочевья (аула) назывался иркен (по-русски — обширный). Кроме того, в роде была знать бий (бей), (беки) (предводители). Они были помощниками Башлыка (Головы), которые также управляли родом. Из них выбирался совет биев. Народные собрания собирались лишь в чрезвычайных ситуациях, в основном все вопросы и споры решались собранием совета биев. На курултаи или съезды племени или народа регулярно дважды в год собирались родовые старейшины и богатые беи. Из родовой знати биев, беков избирались судьи. Судьи судили по законам Степного права. Китайцы отмечали, что «законы их легки и удобоисполнимы.» Судьи вершили правосудие, руководствуясь, главным образом, обычаями, неписаными прецедентами и общечеловеческим чувством справедливости. В основные системы наказаний в Степном праве или в обычном праве лежат традиционные представления о справедливости, возмездии и соразмерности. Понятия «справедливость» и «наказание», будучи правовыми категориями, основывалось на исторически сложившихся представлениях ко-

чевников, отражающих мировоззренческое восприятие общественных отношений.

Важные преступления, убийства, в том числе обнажение оружия, каралось смертью. Кража наказывалось 3-4 кратным возмещением или конфискацией на эту сумму имущества вора или его семьи. Если преступник не мог возместить наложенный судом суммы, то его отправляли в ссылку на принудительные работы, где он находился до тех пор пока не расплатится возмещаемой суммой. Содержание преступников в непродуктивных и дорогостоящих тюрьмах отсутствовала. За мелкие преступления наказывались публичной поркой плетью. Суд протекал не более 10 дней.

Наряду с обычным гражданским правом, которое было почти общим у всех кочевников в Азии, Багадур ввел государственное право, каравшее смертью за нарушение военной дисциплины и уклонение от воинской повинности. Эти чрезвычайные законы также способствовали консолидации татар и превращению их в сильнейшее государство Азии. В последующем эти законы вошли в жизнь почти всех тюркских народов, которые создали свои государства. Обобщенные гражданские права кочевников и государственные права, сохранившиеся со времен Багадура, вошли в законы Чингиз-хана, в его знаменитую «Ясу».

У каждого рода была развита и родовая взаимопомощь, и общественная солидарность, нарушение которых каралось смертью. Круговая порука рода подразумевалась как обязательное условие. В случае грабежа или убийства членов кочевья, остальным разрешалось мстить. При таком строгом законе кочевники боялись ссориться друг с другом. «Они редко бранятся между собой и никогда не дерутся, воров у них нет, друг с другом общительны и помогают в беде, даже в пьяном виде не бранятся и не дерутся».

Система управления государством. Кочевники с древних времен строили государства. Маленькому роду трудно было бороться против произвола сильных родов. Нужна была государственная система, которая могла бы относительно справедливо защищать интересы всех родов, особенно слабых. Государство должно было защищать справедливо и интересы простого кочевника. Поскольку ни один кочевой народ не обладал достаточной силой противостоять против агрессивного Китая. Племена объединялись в федеративное государство добровольно, а если требовало время и обстоятельство, то принуждали к этому и тех недалёковидных вождей, которые из-за своих амбиций могли на-

вредить кочевому миру. На чрезвычайном собрании, где собирались вожди, беи, главные военачальники племен избирали общего вождя. К избранию вождя относились очень серьезно. Одно из многих федераций, которые были в Степи, был хуннский. Полное название вождя хуннской федерации или империи — «тэнрекот жан иясе», что в переводе «Великий сын Неба и властелин всех душ», по-китайски — шаньюй, что в переводе «небоподобный». А государство или империя называлась Хуннским тэнрекотством.

Власть тэнрекота была велика, но не абсолютна. Ее ограничивала родовая аристократия — старейшины, каждый из которых имел вооруженную дружину численностью от 2 до 10 тысяч всадников.

Государство делилось на правое и левое крыло. Поэтому у тэнрекота были правые и левые сановники. Главные советники-помощники назывались «ункул белекхан» и «сулкул белекхан». «Ункул белекхан» и «сулкул белекхан» переводится как «всезнающий правой руки» (везир) и «всезнающий левой руки». У ункула белекхана и сулкула белекхана было много обязанностей по управлению государством. Им подчинялись главные правый и левый военачальники «ун беёк Сангун» и «сул беёк Сангун». Сангун переводится по современному как генерал. Ун беёк Сангуна руководил армией правого крыла, а сул беёк Сангун руководил армией левого крыла. Им подчинялись ун беёк Тотенбэк (Тутунбек) и сул беёк Тотенбэк. «Ун беёк Тотенбэк» переводится как «главный управляющий над всеми правыми юртами или племенами», а «сул беёк Тотенбэк», как «главный управляющий над всеми левыми юртами или племенами». Далее пониже служебной иерархии были ун котбэк (правый министр) и сул котбэк (левый министр). Государственных служащих на татарском языке называли «турэ», «что значит власть, закон, судья». У каждого из вышеперечисленных вельмож под их непосредственной властью находились отборные воины — у высокопоставленных чиновников — было 10 тысяч, у нижестоящих по служебной лестнице — до несколько тысяч воинов. Все старейшины и военачальники, управляющие левой стороны, жили на западе от ставки тэнрекота. Все старейшины и военачальники, управляющие правой стороны, жили на востоке от ставки тэнрекота. Каждый имел выделенный участок земли. Наиболее крупные владения располагались на востоке.

Наиболее влиятельные фамилии занимали сановничьи должности по наследству. Три фамилии — Хуань, Лань и появившаяся

позднее Сюйбу — считались у хуннов знатными родами. Власть делили все указанные роды, так как жен тэнрекот мог брать только из названных родов, и высшие чины в государстве были наследственны. Наряду с этими знатными родами в управлении государства, было много из простых родов. Они были помощниками высших чиновников. Все старейшины помогали тэнрекоту в управлении. Оно состояло из 24 начальников. Так же, как и тэнрекот, они сами в пределах своих владений утверждали тысячников, сотников, десятников и главных помощников. Равным образом они ограничивали власть тэнрекота, так как каждый из членов рода имел столько защитников, что его жизнь была практически в безопасности от произвола центральной власти.

Вся Хуннская держава делилась на отдельные провинции. Провинции делились на военно-административные единицы по 10, 100, 1000, 10000 человек. «Знатные хуннские роды разделили степь между собой. После того как Багадур создал централизованное государство, правители провинций или наместники стали назначаться самим тэнрекотом, непосредственно ему подчинялись и обладали полной судебной и административной властью».³² Таким образом, все земли, принадлежавшие империи, были под властью тэнрекота, раздававшего уделы своим сыновьям и ближайшим родственникам, которые, в свою очередь, наделяли землей приближенных. В общем, существовала довольно стройная система, о которой китайский евнух Чжунхан Юэ сказал: «Отношения между государем и подданными просты, а поэтому управление целым государством подобно управлению своим телом». Эту систему можно представить в следующем виде: тэнрекот (глава государства) — темники (сыновья и ближайшие родственники тэнрекота, стоящие во главе уделов) — тысячники — сотники — десятники.

История второго периода государства начинается с правления Багадура, при котором хунны настолько усилились, что создали централизованную империю. Возникновение централизованного государства сопровождалось у хуннов значительными изменениями в социальной организации. Враждующие племена, которых не всегда удавалось примирить тэнрекоту, объединились, чтобы успешно обороняться против агрессивного Китая и совершать крупные походы. Но военное командование и управление народом возможно лишь при наличии сильного аппарата центральной власти. Эта власть достигалась путем установления государственной собственности на землю и регламентации пере-

кочевков. Разделение власти между тэнрекотом и знатью ограничивало произвол и тех и других. Для содержания государственного аппарата требовались средства. Поэтому налагался налог на собственность и крупный рогатый скот. Средства поступали также с подчиненных племен в виде дани и от врагов в виде военной добычи. За предоставленные участки для содержания скота кочевники несли в отношении государства повинность хозяйственного характера, куда входило обслуживание почтовой связи и т. д., но главной была воинская повинность. Появился аппарат принуждения. Установленные правила требовали безоговорочной явки воинов на сборный пункт в назначенное время.

Но, несмотря на централизацию власти, разложение рода и образования классов у хуннов не произошло. Энергичные родовичи оставались в системе рода, так как кочевое мироощущение и связанный с ним отработанный стереотип поведения были таковы, что выход из рода рассматривался как самое большое несчастье. Поэтому имущественного расслоения быть не могло: род продолжал оставаться хозяином всех средств производства, и только обладание предметами личного потребления отличало хуннов между собой. Однако это не препятствовало отдельным родовичам стремиться к умножению богатств, т.е. военной добычи, так как пропорционально подвигам вырастало их влияние внутри рода, а гордость и тщеславие было сильным импульсом к деятельности. Военная служба была долгом каждого кочевника, за нее не полагалось никакого вознаграждения. Но личная храбрость поощрялась, поэтому, убив врага, воин получал право на всю захваченную добычу. Таким путем, образовывалась внутриродовая элита.

Воины, тактика ведения войны и боя. Быт кочевников строилась на родо-клановой организации. Постоянная необходимость быть готовыми к обороне от многочисленных, коварных и жестоких врагов явилось одной из основных причин складывания такого феномена у кочевников, как «народ-войско». Каждый боеспособный мужчина был воином, имел начальника и был обязан строго подчиняться ему. Войско комплектовалось из представителей рода или племени, у которых был общий предок. Количество юрт (тотен) в них были разные. Каждый род (большая семья — ыру, током) имела свое знамя — туг и выставляла из среды своих представителей воинское подразделение из наиболее боеспособных мужчин. По представлению кочевников в знамени обитал дух рода. Воины выбирали из своей среды десяти-

ков, сотников, тысячников наиболее опытного и сообразительного сородича своим командиром. Выборами руководили опытные ветераны. Притом во главе родового воинства не мог быть глава рода — Башлык. У него были совершенно другие функции.

Подразделения родов объединялись уже в более крупную войсковую часть племени-клана. Племена совместно формировали более крупные соединения — «тумены», наподобие современных дивизий. Слово «тумен» состоит из двух татарских слов: «ту» — знамя и «мен» — тысяча. На конец копья привязывали хвост лучшей кобылы из косяка — «ту бие» и родовое или племенное знамя. Когда воины шли на врага, оседлав коней, во главе рода и племени ехали воины, который несли в руках боевое родовое или племенное знамя — туг. Количество воинов, участвующих в походе, в составе рода, племени регулировалось вождями (беями). Во главе боевых подразделений стояли принцы крови и беи. Слово предводителя племени было законом, только ему, в первую очередь, подчинялись кочевники. Так набиралось войско.

У кого лучше получалось командовать, со временем становился постоянным военным командиром. У кого-то лучше получалось заниматься со снабжением, он в дальнейшем становился снабженцем. Кроме того, выбирались и в разные роды военспецов. В силу условий жизни назначение общего руководства войсками (высшего командного состава), принятие других важных решений, имеющих значение для нескольких родов или племен, производилось сообща старшинами башлыками или биями. И соответственно все командные и руководящие должности в войсках и обществе были выборными. Таким образом, как решение военных задач, так и управление обществом в мирное время оказывалось в ведении избираемых представителями народа войсковых командиров и других руководителей. Этим и объясняется происхождение принципа выборности представителей государственной власти в Хуннской державе.

Армия хуннской империи была во много раз малочисленной в сравнении с армией Китайской империи. Но она компенсировала свою малочисленность быстрой всеобщей мобилизацией, современным оснащением вооружения, маневренностью, высоким боевым духом воинов и их патриотичностью к своей родине. Хуннская армия совершала далекие походы. Хуннские военачальники организовывали крупные военные компании со стратегическими целями, с масштабными и территориальными размахами военных действий, а так же совершали мелкие набеги, опустошая погра-

нические области неприятеля. Хунны стремились внезапно начать военные действия и сразу сокрушить врага. Главными особенностями военной стратегии у хуннов была, внезапность проникновения кавалерийских эскадронов в глубокий тыл противника, сеяние паники и хаоса, опустошить вражескую территорию, разрушить все коммуникационные связи и ударить в тыл защитникам границы, а затем, если надо, уйти по возможности без потерь.

Хуннское войско формировалось из отрядов конницы. Основным оружием легковооруженного хуннского всадника были лук, копьё, сабля и щит. Малочисленные кочевники хунны успешно противостояли оружию массового поражения китайских арбалетчиков, которые просто не могли найти в степи цель для своего сокрушительного залпа. Основная тактика хуннов состояла в изматывании противника и в неожиданных налетах. Хунны стремились атаковать противника кавалерийской лавой, когда тот уже дрогнул, нарушил построение и начинал отступать. В этот момент можно было решительной атакой ускорить победу, нанести врагу сокрушительное поражение. Хунны, если побеждали, то дружно рубили врага, но если противник побеждал их, то они не считали позором отступить рассеявшись. Китайские полководцы писали о них так: «Перед решительным наступлением противника хуннские всадники расступаются подобно стае птиц для того, чтобы собраться и снова вступить в бой. Отогнать их легко, разбить трудно, уничтожить невозможно». Основу хуннской тактики составлял дистанционный бой в рассыпном строю. В ходе боя хуннские воины старались выманить противника на открытое пространство и охватить его с флангов. Излюбленным приемом хуннов было притворное бегство. Тактика базировалась на использовании повышенной дальноточности луков. Эффективная стрельба, обеспечивающая поражение противника с расстояния, на котором сами лучники оставались практически неуязвимыми, как правило, решала исход боя в пользу хуннов. Тем не менее, хунны вступали в ближний бой, о чем свидетельствует наличие оружия ближнего боя (палаши, булавы, клевцы, копья) и средств защиты («бронированные венцы», панцири, наручи и поножи).

Обучение будущего воина начиналось с детства. В каждом ауле или в кочевье назначались наставники-ветераны, которые должны были обучать молодежь военному делу. Дети с большим старанием обучались искусству боя с врагом лицом к лицу. Обыч-

но хунны считали, что воевать надо, в первую очередь, посредством лука и стрелы. И поэтому наставники-ветераны учили стрелять из лука детей-мальчиков с самого раннего возраста, когда ребёнок уже мог держаться в седле на спине полугодовалого жеребенка, телёнка или барана. Когда мальчик достигал 11-12 лет, его начинали обучать джигитовке на коне, владению саблей, копьем, щитом и т. д. К 14 годам мальчики уже хорошо владели всеми видами оружия. Обучали так же и бесстрашию, а если страх и приходил, то не до сражения или во время, а после его окончания. В 14-15 лет при посвящении воина родители и родственники дарили молодому воину оружие. С этого времени и до смерти он не расставался с ним.

Кроме того, среди обычных воинов были профессиональные воины-батыры. Воин-батыр и ныне в татарском понимании — это не только борец или вояка. Прежде всего, батыр — это борец за справедливость, соблюдающий и отстаивающий взаимоприемлемые нормы.

Лук, стрелы, мечи, сабли, щиты, обычно хранились у хуннов дома, ими пользовались в случае призыва в поход. Такое оружие, как кинжал или нож, присутствовало у хуннов постоянно. К ножу, который всегда имел при себе каждый мужчина, отношение было особое: в принципе его никогда никому не давали (например, когда ели мясо) в особенности женщине, а если уж и давали кому-нибудь, то это служило доказательством особого доверия и уважения. Оружие у хуннов входило в состав его традиционной одежды. Оружие для хуннов было еще и оберегом. Кинжал, который носил при себе хунн, был из железа, а железо для хуннов было наиболее почитаемым природным веществом. Железо отгоняло злых духов и оберегало человека от болезней и всяких бед. Большое значение уделялось участию в ежегодной облавной охоте сотней, тысячей рода, в которых племени старались совершенствовать способ взаимодействия и взаимовыручки сотен, десятков и рядовых воинов. Ведь каждый хуннский воин должен всегда знать точно свое место в десятке, а воины десятки должны четко знать свое место в сотне, воины же сотни, закрыв глаза, в кромешной тьме должны находить своё место в тысяче.

Вот что говорит летопись: «Хотя хунны — кочевники, но всякий из них владел участком земли. Грубые и жестокие, они презирают старость и ценят лишь мужчин, находящихся в расцвете сил. Ценность человека — только в его силе и оружии, они стремятся пасть в бою, смерть от болезни считается позором». «Чело-

век рождается дома, а умирает в поле» — такая у них в ходу была пословица. Хуннские воины не боялись смерти. Что такое смерть? Каждому хунну с младенчества было известно, что смерти нет, а есть путь перехода из земного состояния в небесное. Там на вечных небесах правит самый главный повелитель всего земного и небесного, могущественный и мудрый Тэнре. Там же на небесах обитают и духи всех татарских предков. С небес они покровительствуют своим земным потомкам. Там на небесах земные воины прямиком попадают в небесное войско Тэнре. Тот воин, кто держал свое слово, слушался своих начальников, был стойким в бою и, самое главное, никогда и ни при каких обстоятельствах не бросал в сражении товарища-соседа по десятке, сотне и тысяче и срубал голову хотя бы одного врага. тому сразу же уготовлена дорога в лучшие войска небесного Тэнре. Там на небесах таких воинов ожидают его умершие родичи, умершие родственники, вечнозеленые пастбища. Белые высокие юрты, красивые девушки и много-много скота: лошади, овцы, пастушеские собаки, охраняющие весь этот скот. Там на небесах можно много времени отдыхать от ратных дел и воинских занятий.

Но смерть должна быть прекрасной и славной. Надо убить в бою много врагов, не менее семи воинов противника, надо воевать храбро, смело, умело, надо защищать свое кочевье, свою землю, своих жен, детей, родителей-стариков. Надо воевать так, чтобы в течение веков о тебе слагали сказания и легенды, пели свои песни сказители-алкышчилар у вечерних и ночных костров, и чтобы молодые воины слушали эти напевы о павших храбрых батырах с большим трепетом, любовью, уважением и благовением. Надо, чтобы после смерти о тебе помнили не только в твоей родной юрте, не только в твоём кочевье, но и в других кочевьях, во всем племени и во всех племенах и родах, которые причисляют себя к победоносному великому степному народу. Чтобы все говорили о тебе: как ты достойно прожил жизнь и как ты достойно принял неизбежную смерть — переход в небесное состояние.

Воины хоть и старели, но храбрость и боевой дух у них оставались. Когда молодые воины уходили в поход, старики, оставаясь в ауле, с гордостью вспоминали свои подвиги. Они грустили о невозможности выступить самим в поход с молодыми. Однако мудрость, опыт и знания старших всегда были надежной защитой, как оружие, смелость и сила молодых мужчин. Старики у кочевников всегда были уважаемыми людьми. Требования кочевой жизни, диктуемые сезонными передвижениями в поисках па-

стбищ, определяли их специфическую жизнь. Жестокие ветры высоких плато, суровый мороз и гнетущий зной степей, выстругали их лица с их складчатыми глазами, редкими волосами и закалили их мускулистые тела. И поскольку они могли выживать в таких суровых условиях, то и в бою они становились непобедимыми. Жизнь рядового кочевника в мирное время состояла из перекочевков (2—4 раза в год), военных упражнений и отдыха во время весеннего и летнего приволья. Отсутствие изнурительного труда, постоянное занятие охотой, джигитовка на коне и стрельба из лука способствовали физическому развитию. Необходимость совершенствовать свои боевые дисциплины послужила толчком к развитию и популяризации, как обычной борьбы, так и боевого единоборства, рукопашной борьбы как средства физического совершенствования воинов. Именно высокое боевое искусство, а не численность послужило основой их столь поразительных побед.

Оружие. По археологическим исследованиям комплекс вооружения хуннского воина включал оружие дистанционного и ближнего боя, разнообразные защитные приспособления. Сложносоставной лук, состоящий из соединенных вместе деревянных и роговых пластин. Лук достигал в длину 1,6 м. Все татарские луки были сложносоставными. Длина луков колебалась в пределах от 1,4 м. до 1,6 м. Хуннский лук имел деревянную основу, склеенную из нескольких планок, которые могли быть изготовлены из разных сортов дерева. К основе прикреплялись роговые пластинки, сухожилия, костяные накладки и т.д. Костяные накладки делали определенные части лука негнушимися, обычно их было семь. По две пары накладок приклеивалось на концах лука и три в середине, в районе рукояти. Внутренняя поверхность накладок покрывалась насечками в виде пересекающихся диагональных полос, которые служили для лучшего соединения с деревом. Снаружи накладки ложились и делались слегка выпуклыми. На концевых накладках имеются вырезы для тетивы, на которых часто прослеживаются бороздки от ее трения о костяную поверхность. Размеры концевых накладок были неодинаковы — одна пара длиннее другой. Тетива крепилась наглухо только на конце с более длинными накладками, поэтому вырез здесь часто делался прямоугольным. На противоположный же конец она надевалась только перед тем, как лук натягивали для стрельбы и для удобства натягивания тетивы вырез был полукруглым. Широкое распространение данного вида оружия у та-

тар отражено в письменных и изобразительных источниках этого времени. В китайской хронике «Ши-цзи» говорится, что все владеющие луком мужчины у хуннов поступают в латную конницу». Нередко летописцы называют хуннов «лучниками», «всадниками, натягивающими лук». На петроглифах горы Ханын-Хад в Монголии, на китайских рисунках и скульптурах хуннов изображали конными лучниками, стреляющими на полном скаку или едущими верхом с луком в налучниках за спиной.

Хунны пользовались железными, бронзовыми и костяными наконечниками стрел. Важной принадлежностью железных черешковых наконечников стрел были костяные полые шарики с отверстиями — свистунки. Плоские железные наконечники стрел будут существовать на востоке Центральной Азии в течение всего средневековья и став наиболее употребительными на территории всей степной Евразии. Бронебойные наконечники стрел из железа в арсенале татарских лучников были представлены трехгранными удлинненно-треугольными, им по форме непосредственно предшествовали бронзовые втульчатые с железным черешком, использующиеся самими татарами. Все типы бронзовых стрел, использовавшиеся хуннами, были известны еще в скифское время. Они в большинстве своем предназначались для поражения, не защищенного панцирем противника. Для пробивания брони могли использовать железные трехгранные наконечники. Среди общего количества хуннских наконечников стрел встречается много наконечников изготовленных из кости. Большинство хуннских костяных наконечников, стрел имело монолитное граненое перо, вполне пригодное для стрельбы по не защищенному панцирем противнику. Находки пораженных стрелами с костяными наконечниками людей в Южной Сибири и Поволжье свидетельствуют о возможности применения стрел с такими наконечниками в боевой практике. Древки стрел изготовлялись из березы и оперялись орлиными хвостовыми перьями. Стрелы хунны носили в колчанах. Колчан носили за спиной, его нижний конец затыкался за пояс, а верхний крепился на портупее через плечо. При таком способе ношения колчана отсутствовала необходимость в его подвешивании с помощью дополнительного ремня с крючком к поясу. К слову, характерной деталью южно-сибирских колчанов этого времени являлись именно колчаные крюки.

Период с III в. до н.э. по V в. н.э., явился важным, переходным этапом в военной истории Центральной Азии. В это время железное оружие окончательно вытеснило бронзовое, в хуннс-

ком войске появился более мощный сложносоставной лук нового типа, что определило все последующее развитие тактики дистанционного боя в кочевом мире. Широкое распространение получили железные трехлопастные наконечники стрел, на древко которых нередко крепились костяные шарики-свистунки, у кочевников появляются и получают распространение железные ламеллярные доспехи, в том числе и конские.

Хунны были преимущественно легковооруженными всадниками, однако у них имелось и защитное вооружение. Голову воина защищал шлем — «бронированный венец», покрой которого восходит к одному из типов хуннских головных уборов, образцы которых сохранились в курганах Ноин-улы, в Монголии. Хунны использовали и другие типы боевых оголовий. Для защиты тела использовали широкие пояса с железными и костяными бляхами, раса, состоящая из наспинника и нагрудника или так называемый нагрудный доспех. Такой панцирь, датированный III-V вв. н.э. был обнаружен в кургане могильника Чендек (Горный Алтай). Панцирь состоял из 27 кованых пластин, расположенных тремя вертикальными рядами. Его размер — 45 x 26 см. Он носился на ремнях или пришивался к одежде, пластинки соединялись между собой и пришивались к основе сыромятными ремнями. Ученые предполагают, что хунны могли использовать кожаные или войлочные доспехи и деревянные щиты. Для защиты рук применяли бронзовые наручи, крепившиеся с помощью кожаных ремней к запястью. Ноги защищали железные поножи-наголенники на войлочной подкладке. Как поножи интерпретируется находка плоской продолговатой пластины из железа, длиной 28 см, шириной с одного конца 6,5 см, с другого — 3 см, толщиной 3 мм. На закругленных концах предмета имеются остатки либо петелек, либо шпеньков для прикрепления к чему-нибудь. Защитное вооружение, вероятно, было не у всех, а имели их только знатные воины.

В китайской хронике «Ши-цзи» говорится, — «Когда происходили рукопашные бои, они использовали свои мечи, короткие копья с железной рукоятью и кинжалы так же хорошо, как и луки».

Татарские кони. В те далекие времена конница решала исход любой битвы, поэтому для любой армии нужны были подготовленные для войны кони. Таких коней требовалось, как правило, до сотен тысяч. Табуны татарских скакунов выпасались издревле на берегах Енисея, предгорий Монгольского Алтая, в лесо-

степной зоне Маньчжурии, в районе Хинганских гор, в Ордо-се — современной территории Внутренней Монголии КНР. Только не надо их путать с низкорослыми монгольскими, которые не были пригодны ни к облавной охоте, ни к военным учениям, ни кавалерийским сражениям. На длиннохвостой монгольской лошади обычно перегоняли скотину и овец на пастбищах и перевозили домашнюю утварь, продукты, юрты, одежду, детей и т.д. Татарские кони заметно разнились от других пород того времени, прежде всего, необычной мастью. Кобылицы обладали светло-булатной (золотой) мастью, белой гривой и белым хвостом и черной полосой идущей по спине от гривы до хвоста. Жеребцы обладают темно-буланой мастью, точнее светло-гнедой с золотистыми отливами на туловище и черной полосой на спине от гривы до хвоста. Эти лошади, прежде всего, отличаются высокой плодовитостью, устойчивые к жаре и холоду. По европейским меркам они считаются низкорослыми в холке 135-145 см. Татарские кони по природе иноходцы, быстроходные и способны на протяжении 7-8 часов находиться в непрерывном движении, поэтому на длинных дистанциях им нет равных соперников. Кони приучались только к своему хозяину. Они в основном применялись как боевые кони. Самое главное, несмотря ни на какие природные трудности, они, пройдя через тысячелетия, сохранились, не изменив своего вида, нрава и способностей. Эти устойчивые признаки породности, сохранились по сей день. В силу того, что кровь татарских коней, как говорят коневоды, в себе, т.е. в чистоте. В силу этих причин они относятся к чистокровной татарской породе, называемой еще и башкирской, и тувинской, и еще какой-то на огромных просторах современной России.

Хотя кочевники были в материальном отношении беднее, чем оседлые народы, однако они обладали поразительной военной мощью. Величие и могущество кочевников было в том, что они были лучниками на коне. Техническое оружие, которое дало им большое преимущество над оседлыми людьми, было невероятно подвижная кавалерия опытных лучников. Китайцы, персы тоже не пренебрегали этим оружием. С третьего века до н.э. китайцы приспособили свою одежду для верховой езды и в войне применяли кавалерию. И Персия со времен парфян знала цену дождя стрел, доставляемого вихрем отступающих конников. Однако китайцы, персы, русские, поляки или венгры никогда не смогли сравняться с татарами и монголами в этой области. Обу-

ченный с детства ездить на коне галопом через обширное раздолье степи, привыкший к терпеливому выслеживанию добычи и ко всем уловкам охоты, от которой зависела его пища, то есть его жизнь, он был непобедим. Кочевники старались по возможности не вступать в прямые столкновения даже будучи внезапно атакованными. Они могли исчезнуть, появиться вновь, преследовать врага горячо, без шансов быть схваченными самим, гнать противника, утомить и, наконец, свалить его обессиленного, подобно поставленной игре. Обманчивая подвижность и вездесущность этой кавалерии приобретала коллективный интеллект. В этом и заключалось техническое превосходство кочевников. Веками продолжавшееся положение вдруг переменилось в 17 веке н. э. В мире появилась артиллерия. В 1696 году император Шэнь-чжу лично возглавил китайское войско, оснащенное артиллерией западного образца, и в решающем сражении возле г. Урги (г. Улан-Батора) он разгромил монгольское войско. Впервые и навсегда военная техника изменила лагерь. В течение нескольких часов традиционное превосходство кочевника ушло в нереальное прошлое.

Помимо полевых действий хуннам была известна и крепостная война. На территории Монголии и Забайкалья известно немало хуннских фортификационных укреплений. В Монголии хуннские крепости имели квадратный в плане двор, обнесенный земляными валами и внешними рвами. Встречаются крепости с одним рядом стен без башен, или с двумя рядами стен и угловыми башнями. Ворота располагались в центральной части стен с двух или со всех четырех сторон. Постройки внутри двора ограничиваются остатками одного-двух строений. В таких крепостях не жили подолгу, это были военные лагерь, ставки военачальников или крепости-убежища, куда уходили на время нападений неприятеля. За стенами находились жилые и хозяйственные постройки, мастерские, административные здания. В непосредственной близости от большого городища располагалось малое городище, окаймленное валом с напольной стороны. Его двор не имел культурного слоя.

Южная Сибирь являлась северо-западной провинцией Хуннской державы. На левом берегу р. Абакан в Хакасии был построен городок, окруженный глинобитной стеной. Посреди города возвышался глинобитный замок. Он имел мощные стены сложной планировки из четырех рядов комнат и перегородок. Хуннские крепости были опорными пунктами власти тэнрекота. Поселенцев, живших в этом городке, китайцы называли гяньгунь (т.е. во-

енные поселенцы на Енисее, Гянь — Енисей, гунь — военное поселение).

В державе Хунн жило много разных народов и племен. Все они входили в федерацию, а затем и в империю Хунн. Соответственно они так же призывались в имперскую армию на войну и из них комплектовались воинские подразделения. Из кочевых народов и племен комплектовались преимущественно легковооруженных всадников. Из оседлых народов земледельцев, охотников, рыбаков формировались пешие воины, военспецы, охранники крепостей, снабженцы, обозники и т. д.

Земледелие и ремесло. Для того, чтобы была мощная держава, которая могла противостоять или быть равной Китаю, нужны три обязательных условия. Нужна самодостаточная и себя обеспечивающая промышленность, сельское хозяйство. Второе — сильная армия. И третье — объединяющая всех жителей державы общая идея, а это обычно всегда было мировоззрение или религия. Без мощной промышленности, выплавки железа в промышленных масштабах нельзя было и мечтать о равности с Китаем. Вооружить сотни тысяч воинов мечами, кинжалами, а для лошадей изготовить седла, стремена, уздечки и т. д., такая работа ремесленникам не под силу. А Китай не будет продавать железо и сельскохозяйственные продукты своему противнику, особенно во время войны. Поэтому у хуннов были шахты для добычи угля и железной руды. Была развита и металлургия. Металлургия и земледелие требует оседлого образа жизни — ближе к сырью и топливу, к посевам. Плавильные печи, горны и кузны — это оборудование стационарное, шахты для добычи залежов руд для металла и т. д. Земледелием, промышленностью, охотой, рыбной ловлей, занималась какая то часть хуннов, но в основном этим занимались оседлые народы, проживающие в Хуннской державе. Хунны подчиняли себе оседлые народы, не ассимилируя их, и управляли ими на основе военной демократии.

Труд кочевника отличался от образа жизни земледельца. Если земледelec работал на земле и земля его кормила, то кочевник большое время проводил на хребте коня. Основная работа земледельца была весной, когда надо было сажать, и осенью, когда нужно было собирать урожай. Летом большое время уходило на заготовку дров на зиму. Для земледельца — зима это время отдыха.

У кочевника отсутствовало сезонное время работы и отдыха. Скотину надо кормить и поить днем и ночью, весной и осе-

нью и т. д. Особенно тяжелым временем для кочевника была зима, когда начинались холода и глубокие снега. Если в это время не хватит кормов, то скотина умрет от холода и голода. Да и самим кочевникам пережить зиму считалось большой радостью. Постоянно на коне в лютый мороз и в знойную жару, в дождь и в ветер, такой обычный повседневный образ жизни превращал кочевника в выносливого воина на войне. Привыкшие к суровым условиям жизни, они способны были выносить всяческие неудобства и лишения и с мужеством переносили все тяготы походной и военной жизни.

Кочевники по обычаю ели мясо домашнего скота, пили лошадиное молоко, одевались в одежды из кожи и шкур. Кожаная одежда их была прочна и удобна. Продукты были в изобилии, так как стада были огромны. Поэтому у кочевников за многие века сложился своеобразный образ жизни, в основе которого лежало скотоводство. Основное стадо кочевников состояло из лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, в меньшей степени — из верблюдов и ослов. При военных столкновениях лошади и овцы являлись основной добычей победителей. В хозяйстве кочевников лошадь играла первостепенную роль. Она была необходима не только как средство передвижения, но и для охраны скота, для облавных охот и военных предприятий. При экстенсивном скотоводческом хозяйстве, когда на зимнее время не заготавливалось кормов, лошадь имела еще и то преимущество, что она могла сама себе добывать пищу. Вместе с тем, кочевники специально разводили лошадей «лучших высокорослых, легкоаллюрных пород». Крупный рогатый скот кочевников состоял преимущественно из быков, но у них были и яки, или сарлыки. Из продуктов животноводства кочевники кроме мяса, потребляли сыр и молоко. Делали они и кумыс.

Использование лошади для передвижения послужило тому, что кочевники могли оторваться от привычной почвы. Ему открылась свобода передвижения, осознание новой, превосходящей прежнюю боевой техники, появлению людей, способных приучить лошадь и подчинить ее своей воле. Эти качества оседлые люди оценили на себе. Татарское слово ир-ат — переводится дословно на русский как мужчина — конь. Видимо было немислимо представить татарских мужчин в старину без коня. Такое схожее слово есть только в греческом мифе — кентавр.

В хуннском государстве занимались не только скотоводством, но и земледелием и охотой. Наряду со скотоводством большую

роль играла охота. Облавная охота требовала специальной выучки загонщиков и охотников. Это было очень полезным потому, что охота воспитывала воинскую доблесть, учила тактике и стратегии боя.

Ссылаясь на китайских авторов, Н.Я.Бичурин писал: «В северных странах стужа рано настает, и хотя неудобно сеять просо, но в земле хуннов сеяли». Причем, как показывают археологические данные, земледелие было плужное. Хунны хранили зерно в больших зернохранилищах с тем, чтобы его хватило надолго. Железо, хуннам было хорошо известно, они плавили руду и изготавливали различные железные предметы. Это связано с тем, что на территории современной Монголии, в Саяно-Алтайском регионе — большие запасы железной руды и угля, они и дали развитие этой отрасли. В современной Хакасии железо добывалось во многих местах. Благодаря железу, которое выплавлялось в больших объемах, хуннская имперская армия была хорошо вооружена. Для воинов, а особенно в период войны, железо в больших количествах использовалось для кинжалов и мечей, боевых доспехов, наконечников стрел и копий, конских уздечек, стремян, упряжек для лошадей и скота и т.д. Гуннская держава справлялась не только с количеством выпуска железа, но и с производством оружия соответствующего качества и количества. Железо много использовалось в сельском хозяйстве, для изготовления сельскохозяйственного инвентаря, делали железные плуги, лемехи и т.д. Металл использовался для изготовления кухонной посуды. Ремесленники были искусственными мастерами, чинили даже лопнувшие котлы. В быту широко использовалась бронза.

Мировоззрение хуннов. У древних хуннов были свои религиозные представления. Наиболее почитаемым божеством у хуннов было Кён Тэнре — Небесное Солнце (по-татарски хён, кён, кун, кояш). Именно поэтому хунны приняли самоназвание Кунны, то есть Солнцепоклонники. Со временем Кунны трансформировались в Хунны, Гунны. Многие арабские и персидские летописцы IX — X веков, сообщают о вере татар, что они Солнцепоклонники. Почитание Кён Тэнре (Небесного Солнца) сохранилось и у современных татар. Во многих деревнях на воротах, на фронтонах и окнах домов до сегодняшнего дня встречается орнаментация — Солнце. Преобладающий цвет в окрасках ворот, заборов, домов у татар и сегодня остается голубой и жёлтый. В декоративно-прикладном искусстве татар часто встречается изоб-

ражение Солнца. Хотя в научной истории они остались как хунны, нельзя сказать, что это их настоящее название. «Кун», «хун», «гун» так переводили с китайских летописей, которое обозначал «солнцепоклонник».

С течением времени культ Неба, которого татары называли Тэнре (Ган на татарском языке переводится — рассвет, восход солнца), окончательно вытеснил культ Солнца (Кён) в главной функции верховного божества. По представлениям хуннов, все сущее на Земле подвластно Кюк Тэнре — воплощению небесного начала, создателю вселенной Духу Неба. Именно Кюк Тэнре выступил, прежде всего, как верховное божество, находящееся в небесной зоне Вселенной, распоряжающееся судьбами, как целых народов, так и их правителей — тэнрекотов.

Кюк Тэнре (Голубое небо) — это небо не материальное, противопоставленное обычному, видимому небу. Облик Тэнре никому неизвестен. Понятие о нем было отвлеченным. Тэнре — дух. Его не представляли в виде человека или животного. Слово «Тэнре» и «Небо» для хуннов были синонимами. Тэнре был свободен в своих поступках, но справедлив, он награждал и карал. От его воли зависело благополучие людей и народов.

Концепцией Неба являлась вера в космические моральные силы, направленные на поддержание всеобщей гармонии. По представлению хуннов управление Вселенной происходит по многоступенчатой иерархии. На высшей ступени управления — это божества, затем хозяева местности и последние духи. Хунны считали, что Вселенной правят 17 божеств — Земля, Солнце, Луна, Умай, Огонь, Воздух, Звезды, Ветер, Дождь и т.д. Особо почитались духи Гор, Рек и т.д. Им приносили в жертвоприношение животных. У кочевников человеческие жертвоприношения категорически отвергались мировоззрением их традиций.

При этом на Небо перешло представление о прямой связи божественных сил с правителем: хуннский правитель (царь, император) стал считаться сыном Неба и называться тэнрекот (тэнрикут). Кот (Кут) — зародыш, двойник, жизненная сила, сама суть жизни, приходящая с космоса, счастье, удача. В державе существовал институт выборности тэнрекота. К выборам относились со всей ответственностью. Тэнрекот должен был быть храбрым, справедливым, умным, честным и во время выборов, беки в душе чувствовали и говорили, что на него указывает сам Тэнре. Законный выбранный вождь мыслился как тэнреподобный, возникший в Тэнре. Претендуя на родство с Небом, хуннские правители стали

именовать свою империю Тэнрекотством — Поднебесная империя. Для хуннских правителей отождествление с Небом Тэнре — означало принятие на себя ответственности за всю хуннскую державу. Он не должен был обогащаться, сев на трон. Власть тэнрекота основывалась не на узурпации прав народа или защите одних слоев населения, а в его обязанность входило быть справедливым представителем интересов всего своего народа. Забота тэнрекота заключалась не только в том, чтобы кормить и одевать свой народ, его главная задача — поднимать величие державы и национальную славу. По отношению к покоренным народам тэнрекот был справедливой владыкой, а по отношению к своему народу — добрым, справедливым отцом. Кочевники оценивали надежность власти по благородности вождя, которую он демонстрировал своему народу за верную службу. С помощью таких качеств тэнрекот объединял все подчиненные ему народы, племена и рода в единый народ-войско, и становился во главе их.

Поэтому в хуннской державе не было резкого социального неравенства. Народ смотрел на тэнрекота не как на паразита, а как на своего покровителя. Но хунны считали, что милость Неба не гарантирована правителю навсегда, что быть достойным ее нелегко. В хуннской державе действовала доктрина, которая на протяжении тысячелетия сохраняла доминирующее положение в тюркском политическом мышлении. Согласно доктрине царская власть обусловлена Мандатом Неба. Правитель заслуживает этот мандат своей добродетелью: если он перестанет следовать добродетели, перестанет представлять интересы народа и государства, то мандат Небом будет у него отобран. Поэтому тэнрекот стремился уделять самое пристальное внимание своей добродетели, интересам государства и народа. Если же он забывал свое предназначение, то тогда говорили, что Тэнре лишает его разума, требует его переизбрать. Главным инструментом свержения власти, если не получается мирно, является оружие. Если тэнрекот случайно погибал, т.е. отправлялся к Тэнре, тогда говорили, что он потерял Небесный Мандат.

Концепция поклонения Небу Тэнре, стала распространяться на все оседлые, лесные, охотничьи племена и народы, живущие в хуннской державе. Концепция поклонения Небу Тэнре устраивали все народы, живущие в державе, поэтому эту концепцию можно было назвать имперской. Концепцию поклонения Небу Тэнре современные ученые-исследователи назвали тэнгрианство.

«В функции тэнрекота входило не только управление державой, но он был одновременно и главным священнослужителем в государстве. По татарскому обычаю, три раза в год совершали общественные моления у родовых гор на высшей ее точке, где при 1, 5 и 10-й луне приносили жертвы духу Неба. В летописи «Чжоушу» сказано: «В течение 5-го месяца хунны имеют обыкновение убивать овец и лошадей, чтобы принести жертву Тэнри». Дата моления, зафиксированная китайским источником, приходится по современному календарю на срок между 5 и 10 июнем. В начале лета, в указанное тэнрекотом время, в столицу — в город Дракон на Великий религиозный праздник джиен (сбор), съезжались все племенные, родовые вожди всех народов, беки, знатные полководцы и т.д. Судя по письменным источникам, если родовой святыней для хуннов был Ордос — Иньшань, то после переноса столицы на новое место Багадуром, святая гора Ланьшань (восточные отроги Хангая) и город Аждахарбалык — Дракон (Лэвкен) стали почитаемыми всеми хуннскими, монгольскими, маньчжурскими народами и всеми племенами, входившими в состав империи, от которых на религиозные церемонии общегосударственного характера прибывали лишь вожди и знатные люди. Горный тракт Хангая. — вторая крыша мира, откуда всегда генерировались татарские народы (тюркский и монгольский). Здесь взяли начало шесть империй и десятки государств. Открывался джиен. Собравшиеся обсуждали государственные дела. По окончании совещания на следующий день вместе с тэнрекотом они отправлялись на священную гору, чтобы принести белого жеребенка в жертву Великому Тэнре и духам предков. Отправление этого культа не сопровождалось мистическим трепетом или кровавыми человеческими жертвами. В почтительном отношении к высшему началу обычно проявлялся отчетливо осознанный сыновний долг правителя, понимавшего необходимость отчитаться перед высшей божественной инстанцией и воздать небесному отцу, хранителю мирового порядка, необходимые почести.

Моления Тэнре в этот день проходили по всей империи. На священные горы, долины, речки, озера и источники съезжались тысячи людей изближающих кочевий и поселений. Возле берез на священных землях горели десятки тысяч костров, где в жертву приносили лошадей, овец, ягнят. Это было впечатляющее зрелище. Целью моления было испрашивание урожая благополучия на скот, хороших удоев молока, здоровья, разума людям и державному народу, помощи в справедливом деле. После моления

начиналось общее праздничное пиршество, веселье, различные игры, состязания. Поощрялись конные скачки, схватки на конях и борьба. «Самые сильные наездники и борцы приезжали в город Аждахарбалык (Дракон) и под предводительством тэнрекота проводили состязания»³³.

У современных татар остались сегодня только материальная часть праздника. В советское время в 50-х годах XX столетия джиен переименовали в название сабан-туй. Ритуалы жертвоприношения Великому Кюк Тэнре пронесли через века и сохранили восточные тюрки и часть бурятов.

Хунны проводили два больших и один малый курултай в году, где, кроме обсуждения государственных дел, одновременно проводились жертвоприношения. В первой луне каждого года все начальники съезжались на малое собрание в ставку тэнрекота и приносили жертвы духам предков и Небу. Осенью, устраивалось другое великое моление, когда лошади откормлены, съезжались на большое собрание, где подсчитывали и проверяли число людей и домашнего скота, для налогообложения собственности и крупного рогатого скота. Обсуждали государственные дела. Преступлений в государстве было мало, они суммарно провозглашались на одном или обоих этих крупных джиенах (собраниях). Затем начинались развлечения — скачки лошадей и бег верблюдов.

Хунны дважды в год приносили жертву солнцу — свету; осенью и в конце января, когда первые отблески солнца показывались на вершинах гор. Свое поклонение солнцу они объясняли тем, что Тэнре и его помощник Көн (Кун) (Солнце) руководят созданным миром; лучи солнца — нити, посредством которых духи растений сообщаются с солнцем.

В концепции Неба большое значение имело место обитания духов предков. Поэтому тэнрекот и представители высшей знати имели в столице империи храмы духам своих предков. В столице был еще один «главный храм», посвященный великим предкам, а, следовательно, и всей нации, где обряды совершал сам тэнрекот. Помогавшие ему главные советники-помощники «ункул белекхан» и «сулкул белекхан» присматривали за храмом, были сведущи в ритуалах и составляли молитвы.

К духам относились со всей строгостью и приносили жертвоприношения. Хунны в повседневной и обрядовой практике особое значение придавали волосам. У них запрещалось выходить с распущенными волосами ночью, так как злые духи могли схватить и унести человека. «Женщины, особенно замужние, обяза-

тельно покрывали голову платком. Они избегали стричь волосы, выпавшие же, собирали и копили в течение всей жизни. Затем их сплетали в косу и клали в могилу — это была подушка покойного на том свете. Волосы никогда не выбрасывали. Их сжигали или прятали, чтобы не унесли духи. Иначе человек может заболеть.»³⁴

Хунны признавали и обожествляли пять стихий, воплощенных в пяти личностях. Это — земля, металл, воздух, огонь и вода. Их воплощениями были пять цветов: желтый, синий, красный, белый и черный. Оно отразилось и на татарской музыке, представлявшей собой пентатонику.

Жрецов в собственном смысле этого слова хунны не знали, как не знали они и великих персонифицированных богов и храмов в их честь. Те же высшие божества, которым поклонялись хунны (Небо, Земля), не нуждались в специальных жрецах, ибо обязанности первосвященника в ритуалах в их честь исполнял сам правитель, а функции ассистировавших ему жрецов выполняли служившие правителю чиновники. Эти жрецы-чиновники, имеющие государственное мышление, были, в первую очередь, чиновниками государственного аппарата, помощниками правителя, а их собственно религиозные функции оставались на втором плане. Жреческие же, ритуальные функции они обычно выполняли в дни обрядов и жертвоприношений, отправление, которых входило в систему управления и обеспечения порядка, который был необходим для нормального существования общества и за соблюдение и укрепление которого отвечали перед Небом правитель и все его приближенные. В основном, вся деятельность жрецов-чиновников была направлена, прежде всего, на выполнение необходимых административных обязанностей, призванных сохранять устойчивость санкционированной Небом общественной структуры. Даже в том случае, когда основной функцией жреца-чиновника были, казалось бы, чисто ритуальные обязанности (календарно-астрологические подсчеты, забота о сохранности ритуальной утвари, подготовка жертвоприношения), он никак не считал себя кем-то вроде священника.

Если Культ Неба (по современному он называется тэнгрианство) был имперским мировоззрением, то наряду с ним у кочевников, земледельцев, охотников существовало множество местных культов и суеверий. Активно действовали наследственные предсказатели «камы», «багучелар» в современной терминологии их называют шаманы. Они занимались предсказаниями, лечени-

ем. Главный участник шаманских камланий — кам облачался в свои одежды, впадал в транс, исполнял иступленные пляски, пророчествовал, изгонял злых духов и вызывал дождь. Были еще гадатели, толкователи снов, определители счастливых дней, определители благоприятных для строительства мест и т.д., все они обслуживали текущие потребности населения. Те камы, которые имели государственное мышление, занимали значимое положение в органах власти, и в то же время они пользовались большим уважением среди народных масс.

Традиционный хуннский обряд захоронения. По установившимся древним традициям тэнгрианства, обряд захоронения был двух видов. Один, когда усопшего предавали земле. Умершего хоронили в гробу в своей обычной одежде. Рядом с умершим клали его бытовые вещи, оружие и т.д., все, что могло пригодиться ему на том свете. Такой обряд, в основном, производили бедные слои кочевников или во время военных действий, когда не было возможности хоронить путем сожжения. Второй вид захоронения — через сожжение. В основном, так хоронили элиту хуннов. Они считали, что их дух через дым костра поднимется на Небо, и они там станут небожителями. Обряд захоронения через огонь делился на три стадии. Первая: жертвоприношение умершему. Вторая: сожжение тела умершего, его коня и вещей, нужных для жизни в ином мире, на костре, в последующем собирание пепла в кувшин. Третья: захоронение кувшина с пеплом весной или осенью. На месте захоронения знать строила сооружения постоянной гробницы, а простой люд ставил надмогильный камень с изображением человека или с надписью.

Наличие такой традиции было связано с существованием представления о необходимости подготовительного периода перед окончательным переселением духа умершего в мир духов. Обряды, исполняемые в это время, были призваны обеспечить умиротворение духа умершего, чтобы заручиться его поддержкой в будущем и гарантией благополучия живых.

Согласно китайским источникам, похоронный обряд хунну в эпоху Хуннской империи делился на три последовательных стадий:

1. Установление юрты с умершим и принесение жертв. «Тело покойного ложат в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткой, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом перед входом в палатку ножом над-

резают себе лицо и производят плач; кровь и слезы совокупно льются. Таким образом, поступают семь раз и оканчивают».

2. Похоронный обряд. «Потом, в избранный день, берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают; собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу. Умершего весной и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начинает желтеть или опадать; умершего осенью или зимой хоронят тогда, когда цветы начинают раскрываться. В день похорон, так же как и в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезают лицо».

3. Строительство храма при могиле. «В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжении своей жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже тысячи. По принесении овец и лошадей в жертву до единой, вывешивают их головы на вехах».

Эти сведения подтверждаются китайскими династийными хрониками. Так, по сведениям «Су-Шу», «у могилы из дерева ставят дом. Внутри него рисуют облик покойного, а также военные подвиги, совершенные им при жизни». Или: «Затем они погребают пепел и устраивают на могилу деревянный столб в качестве памятного знака. На могиле они сооружают помещение, в котором рисуют облик покойного.»³⁵ По маскам обликам, найденными археологами, в курганах Хакасии, Тувы, Монголии, видно, что по внешности эти люди были, в основном, больше европеоидные, чем монголоидные и они мало чем отличаются от современных татар.

Был еще у хуннов такой обычай: после сожжения умершего на костре его родственники изготавливали символическую куклу, похожую на умершего. Куклу наряжали в платье, а сверху надевали панцирь или кольчугу, а на голову — шлем. Эта кукла находилась в юрте до захоронения пепла умершего. Ее называли тол (тул). Перед этим толем мать, жена и дочери умершего, кроме мужчин, каждое утро и вечер при заходе солнца, стоя на коленях, оплакивали умершего, вспоминая и похваляя его храбрость и домовитость. Причем жена более всех прочих повторяла оплакивание почти при всяком приезде стороннего человека. В таких случаях говорили: «Она тул хатун» — Она жена тул. Во время

захоронения пепла умершего тол сжигали, и все вместе хоронили в могилу. Сегодня слово «тол» обозначает у татар — вдова. Захоронение весной и осенью мыслилось хуннами как наиболее подходящее время для ритуальных обрядов, обращенных к просыпающемуся или засыпающему миру. Такие захоронения в больших количествах обнаружили археологи на территории современной Монголии, Туве, Хакасии, Алтая и т.д.

Хунны имели тотемистическое отношение к Волку-предку. Поклонению этому животному являлось почитанием своих предков. В понимании хуннов Волк — это символ доблести, справедливости, честолюбия и бесстрашия. Волк — символ преданности семье, ума и силы.

Таким образом, в концепции духа Неба Тэнри или по-современному тэнгрианство, причудливо и удивительно органично переплетены единобожие, поклонение духам предков, пантеизм (поклонение духам Природы), магия, шаманизм и даже элементы тотемизма.

Письменность. Если создается государство, то само собой встает необходимость иметь письменность. Письменность необходима не только для издания государственных актов, но она определяет жизнь и быт народа. Письменность служит средством накопления знания и выполняет консолидирующую генетическую функцию. При федеративном татарском государстве стоял острый вопрос о письме. Можно было позаимствовать китайские иероглифы, которые со временем доказали свою эффективность при объединении многих народов и создании империи. Но она таила в себе страшную опасность, так как Китай в будущем без труда мог поглотить кочевников. И тогда видимо, решили разработать свою письменность, которая соответствовала консолидирующей функции для широкого спектра диалектных различий присутствовавшим в хуннском государстве. Сегодня эту письменность называют тюркским алфавитом, другие руны. Есть разные мнения о происхождении этого алфавита. Например, по мнению крупного британского лингвиста сэра Джерарда Клосона, руническое письмо было специально изобретено в конце VI века нашей эры по приказу кагана Истеми. Доктор филологических наук Алтай Аманжолов (Алмата) придерживается мнения на основе своих собранных материалов, что тюркская руника сложилась не позднее I-го тысячелетия до н.э. Конечно, из всех мнений ближе всех к истине происхождения этого алфавита стоит Алтай

Аманжолов, так как исследования Сымя Цяна и археологические раскопки утверждают об образовании в этот период кочевого государства.

Это письмо имеет свою уникальность и универсальность. Раздельное начертание письма без соединения друг с другом позволяет любое написание — как слева направо, так и справа налево, а также в виде столбцов сверху вниз. Письмо воспроизводится без особых затруднений на всех видах материала: на бумаге, камне, кости, тряпичной материи, шелке и т.д. Исследователь этой письменности, известный востоковед академик В. В. Бартольд сказал: «Здесь мы имеем сложное письмо, которое приспособлено к тюркскому языку гораздо лучше, чем все другие алфавиты. Число гласных букв незначительно, но согласные разделяются на две категории согласно закону звуковой гармонии, таким образом, получается алфавит, вполне соответствующий тюркскому языку». Это письмо позволяет писать слова с сокращенным экономическим принципом с частичным и полным отсутствием гласных и со своей спецификой двух начал («инь» и «ян»). Последнее особенно важно для международного общения и сохранения в них всего спектра диалектных различий, т.е. выполнения консолидирующей генетической функции. Издавна генетически существующие у татарского народа слова «инь» и «ян» тесно переплетенные и сливающиеся в их речи получили в вышеуказанных двух началах свое специфическое графическое генное закрепление. Это уникальное свойство позволяет строго соблюдать закон гармонии звуков, закон сингармонизма гласных, чего нет и не может быть ни в одном из существующих алфавитов для тюркских языков. Кроме того, руни имеет магическое свойство. Алфавит можно с уверенностью назвать татарским, если исходить из того, что слово «тюркский» на сотни лет образовалось более позднее, чем «татарский».

В последствие уйгурская верхушка (которая всегда отличалась своей недалёковидностью), а так же монгольские и маньчжурские правители, чтобы показать свою значимость и отличиться от традиции принимали разные религии и алфавит, один в форме арамейского письма, назвавшийся в последствии уйгурским. Но отказавшись от национального мировоззрения и национального алфавита, участь этих народов окончилась плачевно. Уйгурские и маньчжурские земли завоеваны китайцами. Уйгуры сегодня постоянно борются за свои права, а маньчжуры как народ уже не существуют.

В начале I века нашей эры кочевое племя из прикаспийских степей, пройдя Азию и Европу, поселилось в Скандинавии. Вождь племени по имени Сигом научил скандинавов этой письменности. В благодарность за это, он был возведен на высокий уровень древнего божества Одина и до сих пор потомки скандинавов чтят память о нем, сохранив в Швеции в неприкосновенности место его захоронения. Из Скандинавии письменность распространилась на территорию современной Германии, Англии, Исландии, Гренландии и до Старой Ладogi. В северной Европе, с течением времени алфавит менялся и подгонялся под язык и менталитет скандинавов. Но основа оставалась прежней. Этой уникальной и универсальной татарской (тюркской) письменностью пользовались до позднего средневековья не только тюркские народы, но и народы северной Европы. В позднее средневековье в Европе и в Евразии началось внедрение латиницы, арабицы и кириллицы и поэтому началось жесткое преследование на эту письменность. Тогда в Европе начали тайно пользоваться татарскими (тюркскими) знаками для магических целей, создания различных талисманов и амулетов (оберегов). Наивысшее развитие тайных знаков было получено в конце XIX века в Германии и было названо «Руны» (в переводе с древнегерманского — готского «Тайна»), а письменность стала таинственной, т. е. рунической.

Если в Европе пользовались тайно этой письменностью и в конце XIX века, откуда она взялась, то в Евразии тюркские народы вообще не имели представления об этой письменности. В научном мире в XIX веке, основываясь на китайские источники, считали, что у хуннов и тюрков никогда не было своей письменности. Никому тогда и в голову не приходило, что китайские ученые в древние времена, да и в настоящее время всегда считали себя пупом земли. Китайцы ощущают себя в центре (чжун), тогда как все другие составляют окраину (вай). Окраину их мира заселяют варвары, которые в силу своего происхождения недостойны сравнения с жителями Поднебесной. Да и сегодня китаицы европейцев, англичан, американцев и т. д., считают бледнолицыми варварами. Раз хунны-кочевники не знают китайской письменности и пользуются услугами чужих людей при общении с китаицами, значит они безграмотные люди. Так считали китайские ученые и так они записывали в летописях. А то, что у хуннов своя письменность, это их не интересовало. У китаицев всегда было чувство презрения к иностранцам и использование иностранцев в китайских целях. Эти стереотипы и сейчас присущи китаицам. Есте-

ственно, достижения культуры соседей если и упоминались, то обязательно с указанием ее незавершенности. Такое отношение к своим ближайшим соседям у китайцев возникло уже во времена первой китайской империи.

Второе рождение татарской (тюркской) письменности произошло в начале XVIII века. Сначала нашли камни с надписями, а затем через 170 лет был расшифрован европейскими учеными, древней алфавит. Алфавит называли орхоно-енисейским, по месту найденных камней.

Прошло еще 200 лет, но возрождения татарской (тюркской) письменности среди татар и других тюркских народов до сих пор нет. Все они пользуются разными заимствованными алфавитами, хотя татарская письменность — самая удобная для всех тюркских языков. Как будто это неестественно. Но этот факт объясним. Учеными уже доказано, что если человек меняет свое национальное мировоззрение на чужое, то он становится другим. Становится понятно: татары и остальные тюркские нации поменяли свое традиционное мировоззрение на пришлые мировоззрения и, став другими, они не воспринимают уже свое истинное национальное письмо. Поэтому ясно как день — у татар и других тюркских наций нет и не может быть будущего, так как консолидирующий генетический код через письменность отсутствует.

Календарь. В традиционной культуре хуннского народа значительное место всегда занимали календарные обычаи и обряды. Это были обряды, отмечающие изменение природного цикла, переход от одного времени года к другому. Но, прежде всего это были обряды, связанные со скотоводством. Снежные, суровые зимы, с резкими ветрами, жаркое, засушливое лето, малочисленность естественных водных источников — все это в совокупности с другими факторами оказало огромное влияние на жизнь татар-кочевников. От капризов природы зависело не только благополучие, но и само существование людей. На основе тесного сосуществования с природой и сложилось национальное тюркское мировоззрение — тэнгрианство и календарные праздники. Большое число татарских обычаев и обрядов взяло свое начало в тэнгрианстве. Это связано с тем, что сама религия состояла из двух различных направлений: веры и поклонения. Вера была обращена к обожествленной природе, источнику жизни. Поклонение — к духам предков, присутствие которых потомки продолжали ощущать в этом материальном мире.

У татарского народа есть легенда о возникновении «календаря животного цикла». В одной татарской легенде рассказывается о том, что животные — верблюд, лошадь, корова, собака, курица, мышь и другие — услышав однажды, что люди хотят назвать годы летоисчисления именами животных, поспорили о том, именем какого животного следует назвать первый год цикла. Условились на том: кто первый увидит восход солнца, его именем и будет назван первый год. Хитрая мышь забралась на горб верблюда и первой увидела приход нового года. Поэтому ее именем был назван первый год. А непонятливого верблюда вовсе исключили из списка претендентов. Поговорка «Верблюд, надеясь на свой рост, остался без ничего», возможно, является отголоском этих событий. Данный вариант с небольшими изменениями известен кыргызам, казахам, крымским татарам, бурятам и другим тюркским и монгольским народам.

Тюркский календарь 12-летнего животного цикла, основывается на трех естественных показателях: месячном обращении Луны вокруг Земли, годичном обращении Земли вокруг Солнца и периоде обращения Юпитера вокруг Солнца. Татарские астрономы древних веков установили, что Юпитер делает полный оборот примерно за 12 лет. Разделив круг Юпитера на 12 равных частей по 30 градусов, каждой из этих частей дали наименование определенного животного.

Календарь 12-летнего животного цикла вначале относился к солнечному календарю, по которому велись годовые подсчеты. В дальнейшем в 12-летний солнечный цикл были введены лунные месяцы по 29 и 30 дней в каждом, а всего в каждом 12-летнем цикле насчитывается по 148—149 лунных месяцев. Год начинался с периода весеннего равноденствия, который носил определение — ел сырты — хребет года. В результате этот лунный год расходился с солнечным календарем на одиннадцать дней. Для соответствия через каждые три года добавляли 13-й месяц. Поэтому 12-летний календарь стал лунно-солнечным.

Единицей измерения месяца служило время между двумя новолуниями. Месяц делился на два периода: «ай назы» (новая луна) и «ай карты» (старая луна). Серп месяца появляется на третий день новолуния. На восьмой — луна видна точно наполовину и ее называли «лук с натянутой тетивой». На 14-й день, когда она появлялась полностью, называли ее «ак толы» — белое полнолуние. Пятнадцатый день назывался «кызыл толы» — красное полнолуние. Начиная со следующего дня, при медленном умирании

луны, счет вели в обратном порядке. Согласно четырем фазам Луны, месяц делили на четыре недели. У каждого дня недели существовали свои приметы, поверья и запреты.

Тюрки делили год на четыре цикла: весна, лето, осень и зима. Кроме того, год делился на 24 сезона по 15 дней в каждом. Каждый сезон состоял из трех малых сезонов, в каждом из которых было по пять дней. Это деление еще более подробно детализировало погодные приметы. День определялся по солнцу и назывался «кён» — солнце. Часами у тюрков служили юрты, двери которых были строго ориентированы на восток, а внутреннее убранство располагалось в определенном порядке. «Когда солнце поднималось на длину повода коня», его первый луч освещал внутренний круг дымохода. В это время скот выгоняли на пастбища. Далее солнечный луч, медленно передвигаясь, к обеду достигал женскую (северную) сторону. К четырем часам луч уходил из женской стороны. В это время надо было пригонять домой телят. Наконец, луч скользил по верхней части дымохода и исчезал из юрты. Это означало, что солнце опустилось на длину повода коня, «и наступила пора загонять скот в хлева и доить коров.»³⁶

Все тюркские и монгольские народы до принятия мировых религий пользовались календарем двенадцатилетнего животного цикла. На Алтае он был полностью вытеснен в XVIII — XIX вв. православным календарем. В Поволжье, после принятия татарами ислама, ввели летоисчисление по мусульманскому календарю. Но даже по прошествии нескольких столетий, еще и в XVIII в., татары, параллельно с мусульманским, пользовались и татарским календарем.

Таким образом, в первом тысячелетии до н.э. у хуннов-кочевников была своя цивилизация. Ядро любой цивилизации состоит из трех компонентов: язык, национальное мировоззрение и алфавит.

Для управления государством нужны грамотные чиновники, которые знали письменность. Это — государственная необходимость, поэтому нужны школы, где обучались бы не только письменности, но изданию и пользованию государственных актов. Для любого государства нужны ученые философы, астрологи, строители, военные специалисты, дипломаты, разведчики и т.д. Поэтому в хуннской державе обучались этим профессиональным направлениям. Не имея таких специалистов, невозможно было быть равным Китайской империи. Кочевники-хунны (татары, кыргы-

зы, хакасы, кыпчаки, уйгуры и т. д.), тунгусо-маньчжуры (туда входили и предки современных монголов), угорские народы, живя более тысячи лет по соседству, а затем сотни лет совместно в хуннском государстве, имели общее мировоззрение, алфавит, культуру. Даже музыка у всех народов, живших в хуннской державе (татар, тунгусо-маньчжур, финоугорских народов), слагалась на основе пентатоники. Такая же музыка была и у китайцев, живущих на северных границах Китая. В последующем эта музыка распространилась через маньчжуров на корейцев и японцев.

Так как в Китае и в Хунны мировоззрение было почти схожее, то и без всяких летописных источников видно, что между китайскими учеными и учеными из Хунны были тесные контакты, как в науке, культуре, так и в традиционной мировоззренческой философии.

9.2. Усиление Восточной Хуннской империи

Мир между китайцами и хуннами был непрочным. Военные действия периодически вспыхивали с новой силой. Гао-цзу лично участвовал в сражениях и в 195 г. до н.э. император Гао-цзу был смертельно ранен хуннской стрелой и погиб. Поскольку его сын-наследник был малолетним, страной стала управлять императрица Люй-хоу — жена Гао-цзу.

Именно в этот период на исторической сцене появилась первая из череды женщин, игравших видную роль в китайской истории. Еще в молодости Лю Бань женился на женщине из рода Люй, происходившей из провинции, которая теперь называется Шаньдун. В старые годы своего правления Гао-цзы почти поддался на уговоры своей очаровательной содержанки и решил устранить законного наследника трона в пользу ее собственного сына. Однако императрица-вдова решила все по-своему. Документы этого периода обычно изображают Люй-хоу развратной и жестокой женщиной: она приказала отравить любимого сына императора от второй жены-наложницы и убить его мать, а затем по ее приказу умертвили трех других сыновей Лю Бана, которые пытались помешать ей. Так она проложила своему сыну дорогу к трону.

В 192 г. до н.э. Багадуру, очевидно, один из многочисленных китайских ренегатов в составе своих служащих посоветовал написать письмо и отправить гонца доставить его императрице Люй-хоу. В письме говорилось: «Я одинокий и находящийся от

этого в возбуждении государь родился среди низин и болот, вырос в краю степных волков и лошадей. Несколько раз подходил к границам, желая подружиться с Китаем. Вы, Ваше Величество, сидите одна на престоле, а я, одинокий и возбужденный, не имею никого рядом. Обоим нам скучно, мы лишены того, чем могли бы потешить себя. Хотелось бы променять то, что имею, на то, чего не имею». По его понятиям это означало, что Китайская империя должна пойти в приданное за супругой, и он надеялся таким образом приобрести весь Китай.

«Люй-хоу пришла в ярость, вызвала своего главного помощника и генералов и стала обсуждать с ними вопрос о казни гонца и отправке войск для нападения на Багадура. Разгорелся спор, в котором все генералы, которые не хотели испытывать гнев императрицы, возмущенные наглостью и грубостью Багадура, поддержали намерения императрицы. И лишь один старец — близкий советник императора Лю Бана сказал, что это небезопасно и об этом никто не забыл, даже на улице до сих пор поют песни, как ее покойный муж Лю Бан чудом спасся с 300-тысячной армией от войск Багадура... «К тому же, — добавил старец, — у него много жен, и это предложение не больше чем предложение. Татары есть татары и их мало волнуют последствия, даже если они могут быть очень опасными...» Люй-хоу сказала: «Превосходно». Она составила письмо с отказом, сославшись на то, что состояние зубов вдовы и волос на голове неадекватны задаче обеспечения ее любви. В то же время Багадуру с покорностью были предложены два царских экипажа и табуны лошадей. Вопреки опасениям китайских министров, татарский владыка удовлетворился ответом и не обрушил на Китай свои грозные войска. «Похоже, Багадур даже почувствовал себя пристыженным и вместе с подарками, состоящими из татарских коней, послал ей извинения за проявленную невежливость. Между странами по-прежнему продолжались отношения, установленные договором о мире, основанном на родстве.»³⁷

В те далекие времена китайцы и хунны Западным краем называли земли Тибета, Восточного Тюркестана (современный Сян-зянская автономная область — Китай), Джунгария (Китай), Средней Азии и Современного Казахстана. В Западном крае существовало несколько десятков городов-государств. Наиболее большими городами Восточного Тюркестана были Кашгар и Яркен, Давания, так называли китайцы, город Коканд и его владения. К Давании относилось до 70 больших и малых городов. В них про-

живали оседлые народы. Занимались земледелием, скотоводством, ремеслом, торговлей. Этнически они были ближе к фарсам, индусам и т.д. Армии этих государств были слабы.

В степи, в Джунгарии и Семиречьи жили народ юечжи. Они имели свое кочевое государство со столицей по-китайски Гяньши. Народ юечжи были родственен татарам. Жители в основном занимались кочевым скотоводством. Юечжи имели 100000 войско, и они были соперниками хуннов. По источникам «Шицзи», которая гласит, что в области Гуачжоу — западная часть современной провинции Ганьсу — до Дуньхуана» в период Циньской и Ханьской династии обитал народ усунь, потом юечжи, потом хунны. Кочевой народ усунь был родственен хуннам и юечжи. Л.Н. Гумилев считал, что «усунь произошли от жунов.»³⁸ Владения Кангюй занимало степи от Сырдарьи к северу (территория современного Казахстана). Кангюйцы были кочевым народом и родственны хуннам, юечжи и усуням. Они имели до 120000 войско и были равны с государством Юечжи.

Многие владетели городов-государств Западного края были вассалами Юечжи и Усунь. Они платили им подати сельскохозяйственными продуктами и ремесленными изделиями. А за это кочевники охраняли их от нападения соседних государств.

Приблизительно в 202 году до н.э. произошла война между юечжи и усунями. Видимо юечжи решили, что они должны одни править над владетелями государств Западного края и под натиском юечжи, усунь отступили из долины реки Данхэ. По мнению Грум-Гржимайло усунь бежали в Западную Халку. Они пересекли границу гуннской империи, и дальнейшее передвижение вглубь империи было остановлено приграничными войсками. Произошел бой, где глава усунь был убит. Хунны отнеслись к Суням милостиво. «Они не были разогнаны. Сына убитого главы племени Багадур взял в ставку и воспитал, а затем вручил ему управление его народом. Усуней поселили на западной границе империи, и им была поручена охрана западной границы Родоса.»³⁹

Императрица Люй-хоу умерла в 180 году до н.э., успев перед смертью назначить одного из своих родственников главным управляющим империи, другого — верховным военачальником. Семья Люй отважилась на попытку уничтожения императорского дома Лю, но сама пала под ударами союза князей, которые были потомками Гао-цзу. Старший из его оставшихся в живых сыновей был избран императором и взял себе имя Вэн-ди. Выбор определили такие его качества, как обостренное чувство долга и

благородство характера, что, в свою очередь, гарантировало его от превращения во вторую императрицу Люй.

При Вэн-ди в 177 г. до н.э. произошел конфликт между Китаем и Хунну. Китайские пограничные чиновники оскорбили вассала — Чжуки-князя, и он, не доложив об этом в столице, вступил в конфликт с китайскими чиновниками. Хуннские воины вторглись на территорию Китая и разорили приграничные области, убили много китайцев и увели много добычи. Тем самым западный — Чжуки-князь нарушил договор между двумя государствами. Император Вэн-ди мобилизовал конницу и колесницы (85 тыс.) для отражения кочевников, но хунны, не приняв боя, отступили. Вэн-ди собирался перенести войну в степь, однако восстание пограничного воеводы Син Гюя на юге Китая заставило его отказаться от немедленного выступления.

В это время Багадур предложил Юечжи войти добровольно в Хуннскую империю и, конечно, получил отказ. Тогда Багадур начал мобилизацию в армию всех народов со всей империи. В 177 г. до н.э. огромная хуннская имперская армия двинулась на Западный край. Юечжская армия была разгромлена, остатки отступили в свои родные степи, к северу от Тяньшаня. Результаты победы были ошеломляющие: хунны захватили все княжества территории современного Восточного Туркестана, Джунгарские земли тангутов и тибетцев. Кангюйцы не стали подвергать себя опасности и добровольно вошли в состав хуннской империи. Ключом для Хунну, так и для Китая обладание горными районами верховьев Желтой реки, где было Тангутское и Тибетское государство, имело больше стратегического значения, чем экономического. В то время тангуты и тибетцы предпочитали лучше войти в состав хуннской империи, чем быть завоеванными китайцами. Поэтому сопротивление их хуннской армии было незначительное.

Далее, развивая успех, хуннская имперская армия двинулась на Среднюю Азию (китайцы его называют Давань). Захватив Среднюю Азию, передовые отряды армии Багадура двинулись дальше и дошли до Каспийского моря. Так огромная территория вошла в состав хуннской империи. Багадур разрешил усуням, вернуться на свои земли, оставленную юечжами — Западную Джунгарию и Семиречье. Оставив в каждом западном государстве своего представителя, Багадур повернул армию домой.

Вот какую характеристику дает Багадuru Эдвард Парке своей книге «Тысяча лет из истории татар»: «Багадур был одним из величайших завоевателей в мировой истории и справедли-

может быть назван Ганнибалом Татарию. Является обычным делом даже среди просвещенных людей Европы наделять события звонкими словами, как то, «владыке мира», «доставка всех народов земли к ее оси» и так далее, но в действительности события касались лишь некоторого уголка Средиземного моря или шла речь о кратковременной вылазке в Африку, Персию или Галлию. Сириус и Александр, Дарий и Ксерос, Цезарь и Помпей — все совершали очень интересные походы, однако они были не такого крупного масштаба и не были выполнены с таким людским интересом, как те кампании, которые шли в восточной части Азии ... Когда мы презрительно выкидываем из нашего внимания потрясающие события, которые происходили на просторах Татарию, нам не следует обвинять китайцев за то, что они были склонны интересоваться более самими собой, чем, как им казалось незначительными, государствами вокруг Средиземного и Каспийского морей, которые, как мы знали в Европе, практически составляли весь мир.»⁴⁰ Таким образом, на арене истории появилась Великая Хуннская империя, которая простиралась от Каспийского моря до Кореи и Тихого океана.

В 176 году, по возвращении из похода, Багадур послал письмо китайскому императору Вэнь-ди следующего содержания: «Поставленный небом хуннский Великий тэнрекот почтительно желает здравия Вэнь-ди. Китайские пограничные чиновники оскорбляли западного Чжукм-князя, и он без представления ко мне по совету Илу-хэу Наньчжи и прочих вступил в ссору с китайскими чиновниками, нарушил договор, заключенный между двумя государями, разорвал братское родство между ними, поставил Дом Хань в неприязненное положение с соседственной державой. Получено от Вэнь-ди два письма с выговорами, но посланный с ответным письмом еще не прибыл, а китайский вестник не возвратился, и это было причиной взаимных неудовольствий между двумя соседственными державами. Как нарушение договора последовало от низших чиновников, то западного Чжуки-князя в наказание отправили на запад на Юечжы. По милости Неба, ратники были здоровы, кони в силе: они поразили Юечжы. Предав острию меча или покорив всех, утвердили Лэулань, Усунь, Хусе и 26 окрестных владений. Жители сих владений поступили в ряды Хуннских войск и составили один дом. По утверждении спокойствия в северной стране желаю, прекратив войну, дать отдых воинам и откормить лошадей, забыть прошедшее и возобновить прежний договор, чтобы доставить покой пограничным

жителям. Как было вначале. Пусть малолетние растут, а старики спокойно доживают свой век, и из рода в род наслаждаются миром. Отправляю письмо с чиновником и осмеливаюсь с ним представить одного верблюда, двух верховых лошадей. Если не угодно Вэнь-ди, чтобы хунны не приближались к границам, то надобно предписать чиновникам и народу селиться подалее от границ.»⁴¹ По получению этого письма при китайском Дворе держали совет: что выгодно, война или мир или родство? Государственные чины были такого мнения, что с торжествующим неприятелем, недавно победившим Юечжы и других, трудно воевать. Вэнь-ди согласился с мнением чиновников и послал письмо с большими подарками. В письме к Багадuru император признал Хуннскую державу равной Ханьской империи, а тэнрекота называл братом. Для хуннов это было большим достижением. До сих пор ни один вождь кочевых племен не мечтал сравниться с Ханьским императором.

В течение более тысячи лет до Туманя — Дом Хуннов то возвышался, то упал, то распадался. При Багадуре-тэнрекоте Дом Хуннов чрезвычайно возвысился, покорив и присоединив все кочевые племена на севере и западе. В имперское войско в случае необходимости можно было собрать до 300 тысяч лучников. Конечно, Сыма Цян и его летописцы прибавляли и разукрашивали численность хуннской имперской армии, но главное, видимо, было верно, что Багадур объединил 24 хуннских рода и создал сильную державу. Империя, созданная тэнрекотом Багадуром, стала настолько сильна, что китайцы сами сравнивали ее с Ханьской империей. Хуннская империя стала равной китайской империи Хань. Эта империя была впервые письменно зафиксирована китайскими летописцами. Багадур теперь полностью признавался собственным народом как очень великий человек.

В историю прославленных тюркских правителей и полководцев Багадур вошел и как мудрейший политик. Его деятельность в масштабах государства была тщательно обдумана, планомерна, подготовлена. Из уважения к Багадuru, правящая элита хуннов нарекла его новым именем Билги (туг), что по-русски переводится «мудрый», «праведный». Переписка Багадура с китайским императором считается золотым фондом искусства тюркской дипломатии.

Во II веке до н.э. решалась судьба хуннского народа. Если бы не ум и энергия Багадура, хунны истратили бы свои силы в родовых распрях или в бессистемных грабежах и истребитель-

ных войнах с соседями, а земли их были бы захвачены. Поэтому реформы, проведенные Багадуром, имели огромное значение. Он консолидировал весь знатный хуннский род, превратив Хуннскую державу в родовую империю. Создать такую сложную, оригинальную систему было нелегко, для этого требовалось не только высокое происхождение его основателя, но и большой военный талант личности. Именно этим обладал Багадур, который спас свой народ, стесненный врагами, и увеличил силу привычного уважения к старшим военной дисциплиной. Реформы Багадура, такие как поголовная воинская обязанность, безусловное подчинение начальникам и создание системы чинов, а самое главное, что земля рассматривалась как основа создания государства, — все это консолидировало хуннов. Хунны стали единым народом, состоящим из 24 родов.

Тэнрекот Багадур умер в 170 г. до н.э. Его потомки преумножили славу Великого Хуннского тэнрекотства. Политическое и военное искусство, унаследованное от тэнрекота Багадура, еще долго и успешно служило хуннам. Великая Хуннская империя была первая известная нам крупное государство тюрков. Она просуществовала с 209 г. до н.э. до 216 г. н.э.

9.3. Возобновление войны с Китаем

Сын Багадура Каяк, вступивший на престол под именем Ага, получил в наследство великую державу. У него было прозвище «Высокий старый тэнрекот». Узнав о его восшествии на престол, император Китая Вэнь-ди прислал ему одну из принцесс, в сопровождении дворцового евнуха Чжунхин Юе, уроженца страны Янь. Этот человек не любил кочевой образ жизни и энергично протестовал против его отправки. Император настоял на своем. Однако были слухи о ворчании евнуха о том, что он является «занозой в боку Китая». Как только он достиг хуннской столицы, то сразу отказался от китайского гражданства и задолго перед тем, как стать большим доверенным тэнрекота, обратился к нему следующим образом: «Ваша полная орда едва ли равна в численности населению пары китайских провинций, однако секрет вашей силы заключается в вашей независимости от Китая по всем вашим потребностям. Я заметил все возрастающую любовь к китайским товарам. Подумай о том, что одна пятая китайского богатства будет достаточна для того, чтобы купить всех твоих людей вместе. Шелка и сатины являются даже не половиной того,

что так хорошо устраивает войлок в вашей суровой жизни, скоропортящиеся китайские деликатесы не так хорошо потребны как ваши кумыс и сыр». Затем евнух посоветовал, чтобы в своем ответе китайскому императору он должен использовать дощечку на одну пядю длиннее, чем он использовал до сих пор и что конверт должен быть впечатляющего размера. Тэнрекот также получил совет, чтобы он именовал себя «Великий тэнрекот хуннов, рожденный Небом и Землей, поставленный Солнцем и Луной» и т. д.⁴²

Тэнрекот Каяк продолжил борьбу на западе в Восточном Тюркестане в Семиречье с племенами юэчжей и в 165 г. до н.э. окончательно разбил их. Каяк-тэнрекот по старой традиции из черепа их вождя сделал винный кубок. «В 165 г. до н.э. остатки юэчжей перешли Сырдарью и на берегах Амударьи столкнулись с населением Греко-Бактрийского царства — остатками народа, оставшегося от Александра Македонского.»⁴³ Юэчжи без особого труда захватили Бактрию и больше не помышляли о возобновлении войны с хуннами. Последний греческий правитель Бактрии Гелиоклис умер. И тогда греки и юэчжи, по-видимому, разделили царство между собой. Юэчжи постепенно расширили царство до Памира, Кашмира и Пунжаба и, освободившись от своего кочевого образа жизни, скоро образовали мощное государство, известное на Западе как Империя Хайталов, Абдалов, Евталитов или Гефталитов. Европейские, персидские и китайские исследователи единодушны по этому поводу. Территорию — Семиречье, оставленную юэчжами, заняли усунь — вассалы хуннской империи, с саками и остатками юэчжний.

Для управления государством Багадур-тэнрекот широко пользовался услугами китайских специалистов-перебежчиков. Они составляли для него дипломатические послания к китайскому двору. Ага-тэнрекот пошел по пути отца. Принимая и хорошо обеспечивая жизнь китайских специалистов — перебежчиков, с их помощью он усовершенствовал государственное делопроизводство. Начали регулярно вести перепись населения, упорядочилось обложение налогами вассальных народов и т. д. Правильный сбор налогов увеличивал богатство и престиж государства. Хуннская империя стала еще мощнее и богаче. От торговли с Китаем у хуннов появились китайские товары. Хуннские женщины сменили одежду из шерсти на шелковые платья. Наряду с мясными и молочными продуктами на столе появились китайские лакомства и хлеб. Но торговля была ограничена. Хунны хотели

торговать с китайским населением непосредственно, видя выгоду от прямого обмена. Этого же хотели и китайцы. Но правительство Китая держало внешнюю торговлю в своих руках, так как она давала ему нужные доходы. Недостаточное количество тканей и хлеба, получаемых от торговли с Китаем, толкало хуннов к войне.

Покончив с юэчжами, Каяк-тэнрекот пошел войной на Китай. В 166 г. до н.э. он с 140-тысячной конницей вторгся на территорию Китая со стороны северо-западных границ. Захватив множество пленных и имущества, он заодно сжег летний дворец императора и со своей добычей покинул Китай. Император объявил мобилизацию. Пока его 100-тысячная конница подошла к западным границам, хунны из Иньшаня разграбили всю восточную границу. Наконец, в 162 г. до н.э. император Вэнь-ди обратился к тэнрекоту Каяк с просьбой о заключении мира. Для Китая этот мир был тяжелым и позорным. Китай и Хунну признавались двумя равными государствами, причем Китай, «из сочувствия» к холодному климату в стране своего соседа, обязывался ежегодно отправлять на север «известное количество проса и белого риса, парчи, шелка, хлопчатки и разных других вещей»⁴⁴. Это была завуалированная дань.

В 160 г. до н.э. умер Каяк-тэнрекот. На престол сел его сын — Көнджин (Көн). Евнух остался на своем посту советника и для нового тэнрекота. Көнджин-тэнрекот сохранял мир с Китаем. В 157 г. до н.э. умер император Вэнь-ди. На престол вступил император Цзин-ди. С его вступлением на престол началась война за власть. Восставшие обратились за помощью к хуннам, которые не поддержали их. В 154 г. до н.э. восстание было подавлено. В 152 г. до н.э. был заключен договор, по которому пограничные рынки открывались для свободного обмена и, сверх того, тэнрекоту была отдана в жены китайская царевна с большой данью. 152 г. до н.э. был кульминацией хуннского могущества. Такое благоприятное состояние дел, возможно, продолжалось бы бесконечно, и две империи научились бы жить в мире друг с другом, если не новая политика с воцарением нового императора Китая.

В 141 г. до н.э. на китайский престол сел император У-ди. Император стал себя окружать ореолом таинственности и святости и жил в своих дворцах, отгородившись от мира и появляясь лишь на важных аудиенциях, советах и церемониях, а также во время жертвоприношений богам. Произносить его имя было запрещено. С приходом к власти У-ди начал готовиться к войне.

Численность китайцев за последние тридцать спокойных лет выросла. Экономика и мощь Китая возросла. В сельском хозяйстве основная земля была в руках помещиков. У простых крестьян были проблемы с нехваткой сельской земли, что привело к хронической бедности крестьян, постоянному их голоду и исключительной дешевизне крестьянских работников. Появился огромный процент избыточного сельского населения. Он способствовал быстрому росту преступности. Не исключалось, что в будущей империи Хань грозили восстания и гражданские войны за перераспределение сельских угодий. У-ди и его правительство считало, что экономика и армия достаточна сильна для длительной войны, и поэтому можно начать войну за расширение территорий за счет соседних государств. Такой политикой У-ди хотел достичь сразу две цели. Во-первых, расширить территорию Ханьской империи, и второе, «сжечь» крестьянские массы и преступников в горниле войны. Во время войны, всех преступников мобилизовали в армию и отправляли на войну. Вновь взоры китайского правительства, обратились на север. Военная машина пришла в действие. Китайцы с древнейших времен предрерживались такой доктрины: захватив чужую землю, они начинают считать ее своей. И если их из оккупированной территории изгоняли, то они готовились к войне как за возвращение свои утерянных территорий. Такая доктрина была и к вассальным государствам. Оно сохранилось и по сегодняшний день.

Хунну получила выгоду от многолетнего мира, положительно это сказалось в сельском хозяйстве и экономике. Быстро начала подниматься культура, философия, ремесла. Но так как в Хунну основное занятие было кочевое скотоводство, а это связано с имением хороших пастбищ, погодными условиями, суровыми условиями жизни и т. д., то численность населения кочевников возросла очень мало, по сравнению с теплым земледельческим Китаем. Хуннской державе, война абсолютна была не нужна.

У-ди начал войну согласно китайской военной тактике. Заключение договор с дальними соседями и напасть на ближних. Эта тактика трактуется так, что необходимо нападать не на всех противников сразу, а по очереди, либо сначала на ближнего, а потом на дальнего, либо сперва на дальнего, потом на ближнего, тем самым обезопасив себя от ведения войны на два фронта. Поэтому во второй год царствования У-ди послал своего приближенного Чжань Цяня с заданием отыскать юэчжей и убедить их напасть на хуннов одновременно с китайскими войсками. Од-

нако У-ди выступил, не дождавшись Чжань Цяня. Другой лазутчик Ние И, родом из города Ма Чен по приказу императора буд-то бы тайно доставлял хуннам китайские вещи и, вкравшись в доверие к тэнрекоту, предложил ему разграбить свой родной город Ма Чен или «Конь-город». Город «Конь-город» много столетий был наиболее спорным на границе: он был недалеко от места, где шестьдесят лет тому назад основатель династии Хань едва не был схвачен Багадуром. Тэнрекот соблазнился богатствами города и в 133 г. до н.э. с войском в 100 тысяч человек прошел через Великую стену и был на расстоянии 48 км от Конь-города. Этого и ждали китайцы: 300 тысяч солдат, готовых к бою, спрятались в окрестностях Ма Чена. Только чистая случайность спасла хуннов — китайский командир, проезжавший по границе, попал в плен, и его притащили в ставку. Там он, спасая свою жизнь, рассказал о готовящейся засаде. Тэнрекот повернул войско назад. А пленник был освобожден, получил вознаграждение и увезен в Хунну для работы на высшей службе.

После этих событий о мире не могло быть и речи, но первые четыре года было пока затишье. В 129 г. до н.э. китайский двор запретил свободную торговлю, а к границе Хунну были направлены войска. В ответ хуннские войска вторглись в китайские северные провинции, разбили войско и, разграбив провинции, увели с собой пленных.

В 128 г. н.э. четыре генерала во главе талантливого генерала Вэй Цин, каждый из которых командовал армией из десяти тысяч воинов, на протяжении шести лет сражались с хуннами и вытеснили кочевников из северных и северо-восточных приграничных районов, в том числе из Ордоса в большой излучине Желтой реки (Яшель-огюз, так называли татары Хуанхе), куда впоследствии переселили 100 тысяч ханьских колонистов. Чтобы усилить Ордос, китайцы восстановили старые крепости по берегам Желтой реки и построили новую крепость Шофан. Великая Китайская стена была не только отремонтирована, но продолжена на запад, охватывая новые земли, ставшие областями империи. В ответ на это татары захватили область Цзаоян — восточный участок Великой стены.

Зимой в 126 г. до н.э. умер Көнджин-тэнрекот, внук Багадура. Он не уронил достоинства державы, созданной его дедом, выдержал шестилетнюю войну с противником, который был во много раз сильнее. На престол сел его брат Ичильсэ-тэнрекот.

Он удачливыми набегами разрушил и разграбил северные провинции и области Китая, а в 125 г. до н.э. Ичильсэ-тэнрекот ворвался в Ордос, но не смог его удержать.

Император У-ди решил перенести войну в хуннские степи. Для этого начали создаваться конные легковооруженные войска, снабженные провиантом. Предводителем конной наступательной армии был назначен тот же Вэй Цин. Весной 124 г. до н.э. китайская армия численностью в 100 тысяч человек выступила из Ордоса и напала на западные кочевья хуннов, застав их врасплох. Внезапным нападением ставка была разгромлена, сам князь с трудом спасся бегством. В плен попало более 15 тысяч человек.

В ответ хунны напали на западные границы, ворвались в Дайгюнь, разбили китайские пограничные войска и увели с собой тысячи пленных.

В 123 г. до н.э. Вэй Цин совершил еще два набега на восточные кочевья, но успеха уже не имел. Теряя убитых и раненых, а также большое количество пленных, он отступил, оставив хуннские земли. Борьба ожесточилась, пламя войны разгоралось с каждым днем.

Император У-ди не останавливался ни перед чем. Он, не считаясь с затратами на войну, с потерями в войсках, начал готовить новое крупное наступление. Для этого была собрана большая конная армия в 100 тысяч человек (это 140 тысяч заводных лошадей с обозами с продовольствием). В задачу этой армии входило перейти Гоби и захватить ставку тэнрекота. В 119 г. до н.э. китайская армия выступила в поход двумя отрядами под командованием Вэй Цина и Хо Цюй-Бина.

Пока китайские войска переходили пустыню Гоби, Ичильсэ-тэнрекот отправил свою кочевую столицу далеко в тыл, а сам с отборным войском стал ожидать врага на северной окраине пустыни. Вэй Цин встретился с ним, и начался бой, который длился целый день, но не дал результатов. Поднялся сильный ветер, который нес густую пыль, слепящую глаза. Китайцы, имея огромный перевес в людях, смогли окружить хуннов, и тогда начался рукопашный бой в глубоком мраке ночи. Затем тэнрекот, прорвав окружение, с большей частью воинов ушел от противника. Вэй Цин пытался продолжить наступление, но его потери были огромны. Бесперывные нападения летучих отрядов хуннских воинов наносили ему урон, и он решил повернуть назад.

Действовавший на востоке Хо Цюй-Бин достиг несколько больших результатов. Он разбил восточного князя и захватил став-

ку. После чего хунны оставили Иньшань и отступили за песчаную пустыню.

Ухуани вышли из подчинения и поселились вдоль китайской границы (в Маньчжурии). Китайское правительство немедленно перевело на захваченные земли 60 тысяч военнопоселенцев. Для орошения полей стали проводить каналы. Местных кочевников выселяли, отбирая у них лучшие земли. Границей между Китаем и Хунны стала пустыня Гоби.

9.4. Завоевания и политика императора У-ди

Китайцы, учитывая важность одержанной победы, поспешили укрепиться на завоеванной территории. Император У-ди вновь начал набор войска и лошадей для нового похода на хуннов.

Победа китайцев и захват ими предгорий Алашаня и Наньшаня были для тибетцев столь же неприятны, как и для хуннов. В 112—111 г. до н.э. китайским войскам удалось отогнать тибетцев за Желтую реку и ее приток Хуаншуй, но тибетцы, объединившись с хуннами, перешли в контрнаступление. Китайцам понадобилась новая огромная армия, чтобы разбить их, но покорить тибетцев не удалось. Они отошли на запад, новая граница легла по горному хребту — одной из южных цепей Наньшаня. Война закончилась в 107 г. до н.э.

В 114 г. до н.э. умер Ичильсэ-тэнрекот, и власть перешла к его сыну Увэю. Пока хунны оправлялись от поражений, война с китайцами временно была остановлена. Китайский император У-ди, воспользовавшись затишьем на севере, перебросил войска на юг. Императорские армии маршировали на юг, покоря племена, жившие на таких далеких землях, как территория современного Вьетнама. Только в Бирме китайцев постигла неудача. Войнственные племена в непроходимых джунглях остановили китайское продвижение.

Победы на юге открыли императора У-ди и он послал две армии в Халку, но обе армии вернулись, даже не встретив хуннов. В 110 г. до н.э. император У-ди устроил смотр своей северной армии. В крепости Шофан были собраны 180 тысяч конницы. Эта демонстрация военной мощи должна была, по мнению У-ди, устрашить тэнрекота и заставить его признать себя вассалом Китая. У-ди отправил посла Го Ги известить об этом тэнрекота. Когда Го Ги прибыл к хуннам, то церемониймейстер тэнрекота спросил его

о цели прибытия. Го Ги с вежливой уклончивостью сказал, что он желает лично открыть это тэнрекоту. Тэнрекот допустил его к себе. Го Ги сказал ему: «Голова владетеля южного Юе уже висит перед северными воротами китайского дворца. Если тэнрекот в состоянии предпринять поход и воевать с китайской державой, то Сын Неба с войском сам ожидает тебя на границе, а если не в состоянии, то должен стать лицом к югу и признать себя вассалом Дома Хань. Зачем удаляться и скрываться на севере песчаных степей? В холодной и бесплодной стране нечего делать». Только Го Ги кончил речь, как тэнрекот в сильном гневе отрубил церемониймейстеру голову, а посланника Го Ги отправил в северное море (озеро Байкал). Вместе с тем хунны не возобновляли войны; боевые лошади отдыхали, воины занимались охотой.

Тэнрекот послал посольство к У-ди о мире. Посольство императором было задержано в Китае. В следующем году император послал посольство к тэнрекоту о принятии его вассалом. Это посольство было задержано и отправлено на север. На каждое посольство, отправленное китайским Двором к хуннам, хунны также отвечали посольством. Если китайский Двор задерживал хуннских послов, то хунны задерживали китайских посланников, притом в равном числе против своих задержанных в Китае. Если китайцы не задерживали послов, то и хунны не задерживали таковых.

Не сумев принудить хуннов к вассалитету У-ди направил свою армию на восток. В 109 г. до н.э. он направил против Чаосяни (так называлась в то время Корея) войско и флот. Корейцы разбили китайцев на суше и на море. В следующем году война возобновилась. Усиленные подкреплениями китайские войска обложили столицу с суши и моря, но успеха не имели. Наконец, китайцам удалось переманить на свою сторону некоторых корейских вельмож. С их помощью был предательски убит чаосянский князь, и Чаосянь подчинилась Китаю, отсюда китайское влияние распространилось и на Японию. Наступление на Маньчжурию была отбита хуннами. Успехи, достигнутые на юге (Индокитай) и на востоке (Корея), окончательно окрылили императора У-ди. При этом У-ди признавал, что главнейшая проблема — хуннская — отнюдь не решена. Колоссальным напряжением сил была создана полевая армия, она одерживала победы, захватывала пленных, покоряла земли, но Хуннская держава была по-прежнему неуязвима. Но У-ди все равно решил победить Хунну.

Военные компании, увеличение территории и последующие увеличение чиновничьего аппарата обходилось недешево. Отказ

У-ди от расчетливой политики своих предшественников тоже не способствовало экономии: к украшению своей столицы он добавил пышную церемонию приема почетных гостей, причем многие из тех, кого он желал поразить могуществом и богатством империи Хань, были вожди кочевых племен, с которыми он искал союза или хотел подчинить. Поэтому огромные запасы зерна и денежные резервы, доставшиеся ему в наследство, вскоре иссякли. Правительство озаботилось получением дополнительных доходов.

Были введены новые налоги на любые сделки на рынке — прообраз налога с продаж или налога на добавленную стоимость, — на транспортные средства и на недвижимость. Жизнь населения ухудшилась. Возросло количество преступников, которых под названием «молодые негодяи» отправляли служить в армию. Государство запретила чеканить монеты частными лицами, и эта функция перешла к вновь созданным государственным монетным дворам. После жарких споров между сторонниками национализации и теми, кто предлагал приватизацию, правительство предприняло шаги по национализации не только железных рудников, но также производства и продажи изделий из железа. Национализация коснулась и всего производства соли независимо от метода добычи. Торговля солью тоже была поставлена под жесткий контроль государства.

Однако процесс на этом не закончился. Специальным уполномоченным вменялось в обязанность следить за состоянием сельского хозяйства и облагать налогом продукцию этой отрасли. Государство объявило о монополии на производство алкоголя и создало специальные органы для стабилизации цен на товары и для управления транспортной системой. С целью развития транспорта и ирригации были развернуты широкомасштабные работы по возведению плотин и прокладке каналов. Новые уполномоченные назначались для наблюдения за сельскохозяйственными поселениями на недавно завоеванных западных территориях, куда в период правления У-ди переселилось до трех миллионов колонистов.

В правительстве У-ди было много скрытых лигистов, которые продвигали идеи централизации власти. Они верили, что процветание Китая связано с сельским хозяйством, а не с промышленностью. Еще в период управления императора Вэн-ди были отменены привилегии ванов — феодальной аристократии, и власть была сосредоточена в руках государственных чиновников. А в период У-ди начали поговаривать о налоге на богатых, но У-ди

не решился их осуществить. Как только ощутилась необходимость в мобилизации народа, были запрещены многие философии, и китайское правительство обратилось к философии знаменитого Кун-цзы, известного в Европе под именем Конфуция. Дело было в том, что кадры чиновников набирались из людей образованных, но нужны были чиновники не только образованные, но и нравственно воспитанные в духе священного долга служения государству и своему народу. Поэтому вместо астрологии начала развиваться история. Проводились поиски старых книг, комплектовались библиотеки, для них составлялись обширные каталоги, началось критическое изучение и сличение текстов. История — краеугольный камень конфуцианства, ибо она воспитывает национальную гордость, патриотизм.

В этот период жил величайший мыслитель этой эпохи Дун Чжун-шу (179-104 гг. до н.э.). Именно по его предложению конфуцианство было провозглашено официальной религией ханьской династии. Кроме того, он первым выдвинул идею экзаменов, которые одновременно проводились правительством по всей стране и посредством которых люди любого ранга получали возможность поступить на государственную службу. Эта система, впоследствии дополненная и модернизированная, просуществовала до 1905 года.

На основе конфуцианства Дун Чжун-шу стремился объединить идею инь-ян с теорией пяти первоэлементов, чтобы обосновать политический и общественный порядок своей эпохи и объяснить устройство мира. Важное место в его воззрениях занимала концепция Неба. Сущность человека, настаивал Дун чжун-шу, это не зло, как утверждали представители некоторых философских школ, и не добро, как считал исследователь Конфуция Мэн-цзы. А способность к добру. Для достижения этого состояния человек должен практиковать пять конфуцианских качеств — гуманность, добродетельность, (соблюдение ритуалов и достойное поведение), мудрость и честность. Каждое из этих качеств, подобно направлениям компаса, было связано с пятью первоэлементами (например), мудрость находилась в связи с водой, которая в свою очередь, была связана с почвой). Тем же законам подчиняются пять видов человеческих взаимоотношений — властелина и подданного, отца и сына, мужа и жены, старшего и младшего брата, друзей, — и этика общества заключается в их обязанностях по отношению друг другу.

Ориентируя людей на добро, правители должны руководствоваться принципом поощрения и наказания. Если правитель-

ство ведет себя неправильно, то в результате взаимозависимости между Небом и Человеком это искусственное явление приведет к природным катастрофам — землетрясениям, затмениям, засухе, наводнениям. Следует помнить, что властитель управляет подданными по Мандату Неба и не надо испытывать терпение Неба.

В эпоху Хань был составлен подробный свод этих правил внешней учтивости и церемониала — трактат «Лицзи», книга церемоний, сборник норм и обрядов, имевший обязательную силу на протяжении двух тысяч лет. Все записанные в этом трактате правила следовало знать и применять на практике, причем с тем большим тщанием, чем более высокое положение в обществе человек занимал. Так, учение Конфуция, модернизированное и приспособленное к потребностям огромной империи с ее мощным бюрократическим аппаратом, явилось одной из основ, на которых держалось и по сегодняшний день держится гигантское здание китайского государства.

Таким было мировоззрение образованных людей, но подавляющее большинство населения страны продолжало поклоняться умершим предкам, а также множеству других духов. Несмотря на то, что У-ди следил за современными философиями доктринами и сохранял верность духам предков, он чувствовал необходимость поддерживать веру в связь императора с божественными силами, которые защищали народ. Это достигалось поддержкой, какую мог оказать только сам император — существующих государственных культов и учреждением новых. Так, например, он унаследовал обязанность совершать обряды поклонения в часовне пяти первоэлементов и основал культ Царицы Земли и Высшей Гармонии, учредив Палату Музыки, которая отвечала за музыкальное сопровождение религиозных служб. Одна из самых впечатляющих церемоний, введенных императором, — это пышная процессия к священной горе тай, где он праздновал победы своей династии, принося жертвы Небу и Земле.⁴⁵

До возвышения династии Хань и в начале его правления китайцам была известна весьма ограниченная территория: собственно Китай от Тибетского нагорья до Желтого моря, прилегающие степи и пустыни Гоби, джунгли к югу от реки Янцзы и Корея. Толчок к открытию новых земель дала внешняя политика: в поисках союзников для борьбы против Хунну китайское правительство вспомнило о юэчжах, и к ним был послан чиновник Чжан Цянь. Он отправился с одним рабом по имени Тяньи и по выходе за границу немедленно был схвачен хуннами. Десять лет прожил

Чжан Цянь у хуннов и, улучив время, бежал на запад в Давань (Фергану). Там он был хорошо принят, так как слава о богатстве и могуществе Китая докатилась до Средней Азии. Ему дали проводника, и он проехал через Согдиану во владения юэчжи. Его дипломатическая миссия не имела успеха, так как юэчжи не собирались воевать с Хунну.

Рассказы Чжан Цяня открыли китайцам новый неизвестный мир. Чжан Цянь рассказал о горных скотоводах-усунях, о кочевом государстве Кангюй, расположенном в Голодной степи, о Яньцае — государстве, расположенном на берегах большого моря (Каспий) и об Аньси — большом, многолюдном, оседлом государстве (Парфия). Понаслышке Чжан Цянь узнал о богатой западной стране Тяочжи, лежащей на берегу Западного моря (Месопотамия), и о чудесной стране Шеньду или Инду (Индия).

Китайский император У-ди был в восхищении и щедро награждал путешественника. Богатства западных стран сулили огромные возможности для китайской торговли, а храбрость иноземцев была приятна императору, так как их можно было использовать против хуннов.

В период между 122 и 140 годом до н.э. неутомимый Чжан Цянь вновь отправился в путешествие — на этот раз с целью заключить союз с царствами, которые не признавали бы хуннов. Его усилия помогли установить регулярные связи с тридцатью шестью небольшими государствами-городами. За заслуги перед империей ему был пожалован высокий титул аристократа.

Согдийские владельцы несравненно приветливее принимали татарских послов, чем китайских. Для того чтобы воздействовать на них, Китаю необходимо было продемонстрировать военную мощь.

В степи возле Лобнора было маленькое тангутское княжество. Жители княжества иногда занимались грабежом караванов. Они ограбили и китайское посольство, направлявшееся в Согдиану. У-ди принял меры против них. Один китайский военный отряд, направлявшийся в Согду, по дороге захватил правителя этого тангутского княжества. В Китае владельцу княжества сделали выговор и отпустили с тем, чтобы он отдал сына в заложники и заплатил дань. Хунны, узнав об этом, поставили там гарнизон и взяли в заложники другого сына владельца. У-ди вызвал к себе для объяснений злосчастного владельца, а тот сказал: «Небольшое государство, находящееся между двумя сильными державами, если не будет подчиняться обоим, не сможет наслаж-

даться спокойствием». У-ди посмеялся и отпустил его, не сочтя нужным завоевывать это княжество.

Чжань Цянь представил императору остроумный план борьбы с хуннами: он предложил привлечь на сторону Китая тюркские племена усуней (поселившиеся в Восточном Тюркестане), опираясь на них, склонить к подданству Данхая (Бактрию) и другие владения на западе и этим отсечь «правую руку у хуннов»⁴⁶.

В 107 г. до н.э. китайцы отправили специальное посольство, которое привезло в жены усуньскому йабугу китайскую княжну (которой был пожалован титул царевны) с туалетами, евнухами, чиновниками и служанками. Престарелый усуньский йабугу взял ее младшей женой. Он приходил к ней раз в три месяца попить у нее, а затем выдал замуж за своего внука. Но китайка время даром не теряла и с помощью интриг со своими служанками создала прокитайскую группировку. Родив новому супругу дочь, китайская царевна умерла. Но и после ее смерти продолжала существовать образовавшаяся прокитайская группировка, которая поддерживала планы У-ди.

Китайская лошадь, малорослая, слабосильная, тихоходная и маловыносливая, не могла тягаться с крепкой неприхотливой татарской выносливой лошадей. Чжан Цянь рассказал императору У-ди, что в стране Давань (Фергана) есть «добрые лошади» (аргамаки), которые происходят от небесных лошадей. У-ди решил, во что бы ни стало добыть из Давани жеребцов-производителей и развести в Китае «небесных коней». В 105 г. до н.э. китайский посол в г. Давани в Средней Азии Че Лин попытался приобрести несколько породистых жеребцов, но получил отказ. Он обругал даваньских старейшин и решил уехать в Китай. Оскорбленные даваньцы напали на караван, вырезали посольство и захватили товары. Тогда У-ди перешел к решительным действиям. Он в 101 г. до н.э. послал в Среднюю Азию китайскую армию. Армия не была подготовлена к длительному походу. По дороге войско занялось грабежом, и многие были перебиты местными кочевниками. Небольшая часть, так и не дошедшая до Давани, вернулась в Китай. У-ди был разгневан неудачным походом. Через год на запад Согдиану выступила 60-тысячная армия, хорошо снабженная оружием и продовольствием. Запасы армии везли на 100 тыс. быков, 30 тыс. лошадей и 10 тыс. ослов. В армию также были взяты мастера для осадных работ и коневоды для отбора жеребцов. А чтобы хунны не помешали этому походу, 180-тысячная армия начала военные действия против хуннов. Гуйлику-тэнрекот, ко-

нечно, узнал о попытке китайского императора проникнуть в Согдиану, находившуюся в сфере хуннского влияния. Он не мог с этим примириться и стремился помешать вторичному западному походу. У-ди со своей стороны предугадал планы хуннов и заблаговременно к ним подготовился. По предписанию китайского двора была выдвинута в степь укрепленная линия протяженностью в 500 км, она состояла из земного вала с крепостями и караульными помещениями, с башнями (в форме усеченной пирамиды) для сигнальных огней. Это не помешало хуннам осенью в 101 г. до н.э. провести в Китае ряд операций с грабежами. Война вновь разгорелась.

Размах войск так поразил воображение владельцев княжеств, расположенных на пути армии, что они предпочли, не вступая в конфликт, пропустить ее. После этого китайцы спокойно добрались до Давани, разбили выступивших им навстречу согдийцев и осадили их столицу. После сорокадневной осады китайцы проломли внешнюю стену и ворвались в город. Многие горожане были перебиты и взяты в плен. Назначив даваньским правителем китайского вельможу, войска пошли обратным путем. Напуганные китайским походом владетели западного края признали власть Китая, и сразу же там появились китайские земледельцы, несшие воинскую повинность, и чиновники. Их-то уж там никто не ждал. Многих перебили, хотя политически продолжали признавать Китай. Огромные потери — погибли пятьдесят из шестидесяти тысяч воинов, выступивших в поход, — не погасили военных амбиций империи Хань. У-ди не стал вновь посылать войска в Среднюю Азию. Главным врагом Китая по-прежнему оставались хунны.

В 99 г. до н.э. полководец Ли Гуан-ди выступил в поход с 30 тыс. конников. У восточных отрогов Тяньшаня, около озера Баркуль, он напал на ставку западного князя и захватил множество пленных: стариков, женщин, детей. На обратном пути хунны окружили его войско. Ему пришлось бросить добычу, пробиваться сквозь окружение. Во время отступления Гуан-ли потерял 7 тыс. человек убитыми, едва сам спасся. Другой полководец, вышедший в степь, вообще не нашел хуннских кочевий и вернулся ни с чем. Третий — Ли Лин — с 5 тыс. отборной пехотой дошел до гор Сюньги и попал в окружение. Сам тэнрекот с 30 тыс. конных стрелков атаковал Ли Лин. В рукопашной схватке «молодые негодяи» одержали победу, хунны были отброшены, но тэнрекот подтянул новые войска. Ли Лин начал с боями отступать на юг.

После нескольких дней изнурительных битв Ли Лин, видя невозможность дальнейшего сопротивления, отдал последний приказ: «спасайся, кто может», а сам попал в плен хуннам. Ли Лин решил не возвращаться в Китай. На родине его ждала казнь, потому что потерпевшие поражение военачальники приговаривались к смертной казни — им отрубали голову.

Тэнрекот не убил Ли Лина, женил его на своей дочери, дал ему в управление область. Ли Лин стал служить хуннам. Капитуляция произвела в Китае удручающее впечатление. Император распорядился произвести расследование и покарать виновника. Суд приговорил мать, жену и сына Ли Лина к смерти.

С 140 по 110 год до н.э. должность главного астролога при императоре занимал Сыма Тань. В его обязанности входило составление календарей и наблюдение за звездами. По своему рангу он следовал сразу за предсказателями, и к нему благодворил император, ценивший его таланты певца и актера. Тем не менее, именно он заложил основы первого великого труда по китайской истории «Исторических записок». Сыма Тань начал собирать материал для книги и завещал его своему сыну Сыма Цяню, завершившему составление этого труда, который считается классическим уже на протяжении двух тысяч лет. Но случилось трагедия. Генерал Ли Лин сдался в бою хуннам: семью военачальника, попавшего в плен, ждала смерть. Несмотря на просьбы Сыма Цяня, мать, жену и сына Ли Лина казнили. Заступничество Сыма Цяня было рассмотрено как клевета на императора. Он был осужден и приговорен к кастрации. Ученый не обладал ни богатствами, ни влиянием, которые позволили бы избежать ему наказания. Однако через два месяца Сыма Цяня освободили из тюрьмы и назначали правителем императорской канцелярии, с правом входить в любое время с докладом к императору. Это было большое повышение. Несмотря на увечье, он продолжил работу над трудом, «Исторические записки» завершил за четыре года до своей смерти и умер в возрасте 41 года в 86 году до н.э. До конца жизни он страдал за свое унижение и жизнь калеки. Его великий труд охватывал почти три тысячелетия китайской истории и состоял из полумиллиона слов, записанных палочкой на бамбуковых дощечках. Но как увидим ниже, Китай дорого заплатит за унижение и оскорбление ученого.

Семь лет готовился император У-ди к новой войне. Семь лет изнемогала империя под тяжестью налогов. Наконец, в 90 г. до н.э. вновь сформированные войска выступили за границу. Главная армия вышла из Ордоса и двинулась на север, чтобы ударить

по центру хуннских кочевий. Во главе с Ли Гуанли шли 70 тысяч конных ратников и свыше 100 тысяч пехоты, а также обозы с оружием и продовольствием. Из Яймыня — крепости, расположенной на востоке Великой стены, выступила армия в 30 тысяч конницы и 10 тысяч пехоты. Из области Цзюциань (степь между Ордосом и Лобнором) выступило 40 тысяч конного войска и двинулось к Тянь-Шаню. Это было генеральное наступление, которое должно было решить, на чьей стороне окажется победа.

В 101 г. до н.э. талантливый и энергичный хуннский вождь тэнрекот Гуйлику неожиданно умер. Наследником престола оказался младенец — внук покойного. Но время требовало энергичного правителя, и хуннские старейшины вернулись к старой системе выборов. На курултае был избран один из низших принцев крови — младший брат восточного дуюя Чэтку. Но через четыре года умер и он, и на престол без осложнений был выбран его старший сын Кулугу. Все окружение понимало нависшую над народом опасность и гибельность смуты во время войны.

«Кулугу-тэнрекот получил от своей разведки сведения о готовящемся наступлении китайцев. Он отправил в тыл женщин и детей и вызвал с Саянских гор и из забайкальских степей вассальные племена для решительной схватки с исконным врагом.»⁴⁷

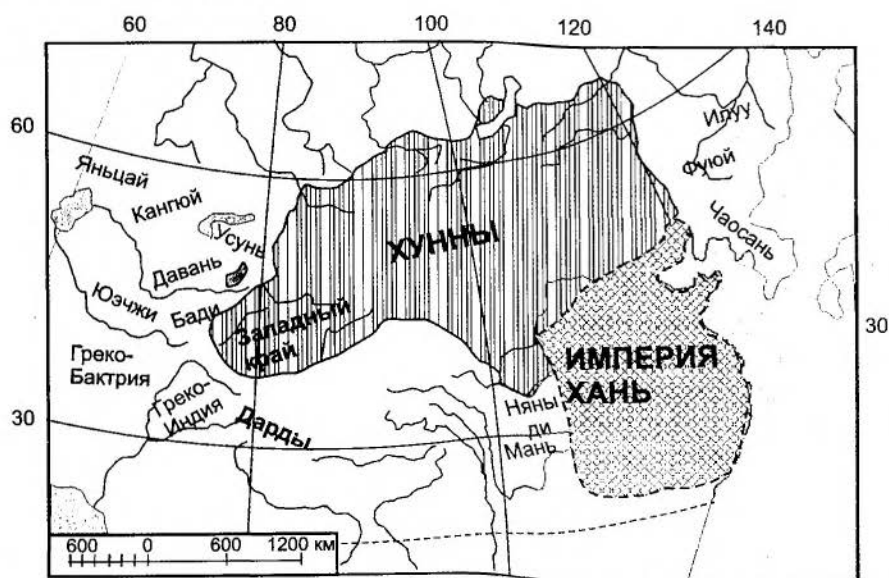
В Хуннской империи началась тотальная мобилизация. Все народы и племена, входившие в хуннскую империю — хунны, тунгусы, фино-угоры, на Западе — тангуты, тибетцы и т. д. — всех призвали на войну. Несмотря на тотальную мобилизацию, хуннская армия в численности намного уступала китайцам. «Однако малочисленность искупалась высоким боевым духом кочевников, с которыми не могли равняться «молодые негодяи» (китайское войско пополнялись преступниками, которым смертная казнь заменялась военной службой), находившимися в строю.»⁴⁸

Китайский полководец Ман Тун двинулся с запада в Джунгарию, но хуннское войско, которое было направлено против него, не приняло боя. Предводитель войск хуннов Янькюй, отступая, водил китайскую армию по пустыне. Наконец, китайцы решили отступить. На этом закончились действия западной армии. Китайский удар ничего не достиг.

Восточная армия углубилась в степь и в горы, не встречаясь с хуннами. Припасы кончились, воины изнурились, и китайская армия двинулась в обратный путь. Тут-то ее атаковали хунны и

хакасы. Девять дней пробивались китайцы без отдыха, теряя людей и обозы. Наконец, отбивая последние хуннские атаки, изможденное китайское войско вошло на территорию Китая. Так закончилась восточная операция.

Навстречу главной армии тэнрекот направил отряд хуннов и динлинов. Китайские пограничные конники разбили их и стали успешно преследовать противника до берегов Селенги. У реки Чжигуй китайцы встретились с 20-тысячной хуннской армией. Имея огромный перевес, потеснили ее. Тэнрекот подтянул свежее подкрепление, а китайское войско выбилось из сил. Китайцы стали отступать. Пользуясь их усталостью, Кулугу-тэнрекот лично с 50 тысячами всадников преградил китайскому полководцу Ли Гуан-ли путь у горы Яньжань. В развернувшемся сражении обе стороны понесли очень большие потери убитыми и ранеными. Ночью хунны выкопали перед китайскими войсками глубокий ров, а утром стремительно напали на них с тыла. Среди китайцев началась паника. Ли Гуан-ли сдался, а вся его армия погибла. Китай потерпел небывалое поражение, которое перечеркнуло все достигнутые до этого успехи в борьбе против хуннов. От этого разгрома Китай долго не мог оправиться. Новое войско взять было неоткуда. Хунны рассчитались сполна и вновь стали хозяевами Восточной Азии. От завоевания Китая хуннами, могло спасти только чудо. И это чудо произошло. Хунны сами развалили свою империю.

Китайцы не сумели покорить хуннов, и вынуждены были отказать от завоевания Великой Степи. Победа хуннов над китайцами оказала влияние на ход развития мировой истории, так как хунны не допустили заселения китайцами Великой Степи. Победы хуннов стали возможными только благодаря мужеству, отваге, любви к своей земле. Народ объединяла вера в Великого Тэнре и в то, что они являются любимыми Сынами Неба. Это имело обратную связь: Дух Неба Великий Тэнре покровительствовал им и даровал победу над противником, превосходящим в численности и более совершенным в вооружении.

В 89 г. до н.э., т.е. через год после одержанной победы, Кулугу-тэнрекот отправил к императору У-ди посла с письмом, в котором говорилось: «На юге есть великое государство Хань, а на севере могущественные хунны. Хунны — это любимые Сыны Неба (Тэнре), поэтому не обременяю себя мелкими правилами приличия. Ныне я хочу открыть вместе с Хань большие заставы для торговли, взять в жены дочь из дома Хань, хочу, чтобы мне ежегодно посылались 10 тысяч даней рисового вина, 5 тысяч ху проса, 10 тысяч кусков различных шелковых тканей, а также остальное согласно прежнему договору, и в этом случае на границах не будет больше взаимных грабежей.»⁴⁹

Ответ императора неизвестен, но война не возобновилась. Китайцы не могли воевать, так как вся полевая армия погибла. После этого поражения У-ди пришлось отказаться от внешней завоевательной политики и обратить внимание на внутреннее положение страны. Было заявлено о необходимости стремиться к запрещению жестоких притеснений своего народа, прекращению случаев самовольного установления податей, усиленно заниматься земледелием как основным занятием. У-ди говорил, что война с хуннами была начата им по неразумению, дабы показать свое величие; поражение Ли Гуан-ли постоянно вызывает в его сердце скорбь: «Теперь я понимаю, что хуннов трудно покорить и управлять ими».

В 87 г. до н.э. император У-ди умер. Император У-ди почти выполнил все поставленные перед собой планы. Во внешней политике он завоевал и расширил империю Хань на всех четырех направлениях: востоке, западе, юге и севере. Хуннскую державу он не смог покорить, но захватил хорошие огромные хуннские земли. Во внутренней политике, на завоеванные земли, он переселил несколько миллионов крестьян, тем самым разрядил напряженность в сельском хозяйстве. Сотни тысяч преступников,

направленные в армию, погибли в войне за процветание и интересы империи Хань, тем самым сделали пользу и очистили генофонд Китая. У-ди внедрил экзамены для приема на работу чиновников. Притом, что будущих чиновников экзаменовали, не только на хорошее знание конфуцианство, но, самое главное, при приеме экзаменов, проверяли их моральные качества. При У-ди конфуцианство стало государственным мировоззрением и идеологией Китая, тем самым сохранив китайскую цивилизацию по сегодняшний день.

9.5. Мышление хуннов

Затяжная китайцами жестокая война, которая длилась с 133 г. по 97 г до н.э., унесла много хуннов и других народов, входивших в империю. Очень много было искалеченных и раненых. Погибли и искалечились, в основном, самые здоровые и удалые бойцы. Они отстаивали свободу своему народу, но народ потерял лучший генофонд. Для восстановления здорового генофонда надо было не менее двух поколений. Но разве Китай позволил это сделать?! В такой кровопролитной войне Хуннская держава подорвала экономику. Народ бедствовал. Китайцами были захвачены лучшие хуннские земли (современная внутренняя Монголия), так как они находились на юге страны в теплом и умеренном климате. Хунны были так надорваны, что даже уничтожив китайскую армию, не смогли воспользоваться тем, что границы никто не оборонял и можно было дойти до столицы Китая, не смогли отвоевать свои потерянные земли. Конечно, в такое суровое время было не до культуры.

Война закончилась. Вокруг тэнрекота Кулугу быстро появились новые люди. Это были не воины (их быстро оттеснили), а искусные придворные, увеличилась власть женщин, колдунов. Ставка хуннского тэнрекота стала походить на дворец восточного владыки. Начались заговоры. Первым пал от заговора китайский плененный генерал Ли Гуан-ли, которого тэнрекот благоволил и, несмотря на это, поддался интригам и приказал его принести в жертву. Перед закланием Ли Гуан-ли крикнул: «По смерти моей я погублю Дом Хунну!», — кровь его потекла на могилы хуннских батыров.

Огромный снегопад, последовавший за казнью, и связанный с ним падеж скота, эпидемия, прошедшая по хуннским кочевьям и погубившая людей, голод, возникший из-за холодного лета, так

как не вызрело посеянное просо, — все это подействовало удручающее. Тэнрекот пришел в страх и поставил храм для жертвоприношений Ли Гуан-ли. О нападении на Китай нечего было и думать, и это определило пятнадцатилетний перерыв в военных действиях.

В 85 г. до н.э. умер Кулугу-тэнрекот. Перед смертью он завещал престол своему сыну — западному князю, отказав законному наследнику — сыну восточного княжества, так как считал его непригодным для управления. Но его распоряжение не было выполнено.

Прокитайская придворная клика, скрыв завещание и заключив союз со старейшинами, которые уважали традиции и волю тэнрекота, возвели на престол молодого сына восточного князя Куянди, чтобы проводить свою политику от его имени. И в 85 г. до н.э. Куянди официально стал тэнрекотом.

Сохранить в тайне обман не удалось: об этом узнали и западные князья. Опасаясь, не без основания, за свои головы, они решили откочевать подальше и перестали являться в Аждахарбалык — город Дракон (Лунчен) — место ежегодных ритуальных жертвоприношений. Единство хуннского общества на некоторое время нарушилось.

Китайцев, захваченных в плен, хунны использовали в земледелии. Вместе с пленными привлекались и китайские перебежчики. Количество китайского населения, таким образом, увеличилось. Среди пленных было много разбойников, воров и разных преступников, набранных на войну. Находясь в тесном контакте с хуннами, они оказывали на них негативное влияние. Постепенно и у хуннской молодежи разрушались основы нравственности.

Наряду с китайским населением, которое воздействовало на умы хуннов, стали появляться прокитайские группировки среди хуннской знати. Женившись на китаянках, хуннские дети получали китайское воспитание, тяготели к китайской культуре и больше думали не о войне, а о дружбе с Китаем. Так, постепенно вокруг тэнрекота с помощью интриг стали появляться новые люди. Это были не воины, а искусные придворные. Увеличивалась власть женщин. Китайское правительство внимательно следило за политической ситуацией внутри Хуннской державы, а также его союзников и вассалов. Посылались агенты для сбора и записи сведений о виднейших лицах государства. Они должны были дать точную информацию об их низменных человеческих слабостях и образе мыслей. На основе полученных сведений строилась ки-

тайская дипломатия, исходившая из принципа «обуздать варваров руками варваров». Одним из дипломатических приемов стало разложение правящей аристократии путем разжигания низменных человеческих инстинктов. Подкупая и обещая выгодные сделки, китайская дипломатия всегда старалась сгруппировать прокитайское движение в пользу союза с Китаем против тэнрекота и хуннского правительства, проводившую независимую политику.

Но это нормальная политика любого государства стремящего ослабить противника. Вопрос стоит в другом — как на это реагирует сторона, против которой ведется информационная война. Ведь методы информационной войны известны, поэтому должны быть и методы защиты от него. Но в Хуннской державе с этим было плохо. Это было не столько в недостатке средств или плохого качества разведки, сколько в самом мировосприятии и мышлении хуннов. Психология татар и китайцев была противоположной. Китайцы любят копаться в сложно-переплетенных и запутанных тонкостях жизни, а татары постоянно выбирают ясную, четкую, без разнообразных деталей линию поведения, отбрасывая все наносное. Поэтому в открытой войне в Степи татары побеждали, а в дипломатической и информационной войне проигрывали.

Главная отличительная черта татар и китайцев — это мышление. Речь идет о правящей элите и интеллигенции. Большая часть китайской элиты имеет стратегическое мышление. Поэтому они свою государственную политику строят на стратегии будущего. Это касается экономики, промышленности, финансов, военной деятельности, идеологии, внешней и внутренней политики и т.д. Китайцы не одно важное решение не принимали, не опираясь на историческое прошлое. Благодаря стратегическому мышлению китайцы создавали структуры власти так, что устои государства, китайской цивилизации не мог поколебать даже самый самодурный император и его династия. Даже в самые смутные времена, когда страна разваливалась, благодаря китайской цивилизации и имеющейся структуре управления государством через определенное время Китай вновь возрождался. И все из-за того, что китайцы никогда не отказывались от своего мировоззрения, иероглифов.

Вся история показывает, что татары не дальновидны, живут одним днем. Китайцы бежали к татарам и говорили: «Они весело

живут». У основной массы интеллектуальных татар отсутствует стратегическое мышление. Татары построили десятки империй и ханств, но система государства строилась не на стратегии будущего, а из тактических соображений. И все эти империи и ханства самими же были развалены. Их не интересовала история. Из истории они не делали выводы. Вот почему татары не писали летописей и не старались сохранить ее потомкам. По этой причине так легко меняли и меняют алфавиты, ведь при смене алфавита потомки не могут прочитать историю предков. Этот стиль мышления не изменился и спустя две тысячи лет, существует и поныне. Татары и сегодня не интересуются своей историей. Пока у власти талантливый вождь, он собирает вокруг себя стратегически мыслящих людей, да и жизнь народа относительно справедлива, с перспективой на будущее. Но стоило вождю умереть, и если к власти приходил некомпетентный человек, то его быстро начинали окружать интриганы и казнокрады, и империя или государство быстро гибло. У татар сильно развито тактическое мышление. Из-за тактических выгод меняли свою религию. Конечно, в тот период правящая элита в чем-то выигрывала, но в последующем это заканчивалось потерей государственности и порабощением. А если и рождались люди со стратегическим государственным мышлением, то тактики (живущие одним днем) притесняли и не допускали их до властных структур. А если кто и попадал во власть, то слушать их речи и мысли тактически мыслящим людям в правительстве было непонятно, а вследствие этого и неинтересно. Интриганы во власти всегда их выживали. Вот почему, если татары китайцев в тактической войне выигрывали, то с течением времени китайцы брали реванш и обыгрывали. Татары в стратегическом плане проигрывали и другим народам, например: персам, арабам, евреям, европейцам. Из-за тактических и практических соображений тюркская верхушка принимала ислам, чтобы халиф признал их государство, затем женились на китайках, персиянках, еврейках и т.д. из богатых и влиятельных семей и не замечали, что их дети начинали служить народам, которых их родители завоевали. Так было с империей Газневидов, империей Сельджуков, империей Хорезмшахов, Османской империей и т.д. Так было и с империей Чингиз-хана. Чингиз-хан и его сыновья завоевали огромное количество государств и народов. Чингиз-хан не оставил в завещании стратегического государственного плана развития империи. Были только семейные наказания. Поэтому, не имея стратегического плана управле-

ния империй на будущее, его внуки из-за тактических соображений стали принимать веру завоеванных народов. Они отказались от Великого Синего Неба Тэнре, на которого молился их дед Чингиз-хан и Тэнре ему помогал. В дальнейшем они женились на женщинах из влиятельных и богатых местных аристократов, ассимилировались и стали служить завоеванным народам. В конечном итоге, чингизиды потеряли не только завоеванные государства, но свои исконные земли. Вчерашние завоеванные народы, в конечном счете, захватили все тюркские и монгольские государства и земли. Тогда возникает такой вопрос: зачем татарам (тюркам) и монголам, так как у всех у них одинаковое мышление, надо было завоевывать столько много народов и государств (видимо из-за необузданной жадности), если они не могли впоследствии управлять этими империями. Ради чего кочевая верхушка, вела свой народ на смерть?

У татаров менялась внешность, женились на фино-угорках, персиянках, арабках, еврейках и т.д., но стиль мышления все равно не менялся. Свои размышления о татарском (тюркском) народе оставил приемник Билге-кагана сын Йоллыг-тегин, который был талантливым писателем, мыслителем и историком. На обелиске, выбитом татарским (руны) буквами, Йоллыг-тегин объясняет причину мятежей и восстания тюркских племен по отношению к собственному государству. Китайской имперской дипломатии удалось привлечь к союзу против каганата беков тюркских племен — басмалов, киданей и татабов. Обычная китайская дипломатия по принципу «обуздать варваров руками варваров». Йоллыг-тегин высказал свое мнение по этому поводу так: «Народ, желающий сохранить свою индивидуальность, не должен превращаться в карателя, сколько бы за это ни платили». Таких «сподвижников» хозяин дальше передней не пускает, и ни золотом, ни шелком им не прикрыть своей подчиненности. Он констатирует, что беки «склонны впадать в ошибку, то есть к измене», а народ неразумен. «Тюркский народ..., когда ты тощ и голоден, ты не понимаешь причин состояния сытности, и, раз насытившись, ты не понимаешь состояния голода».

Татары даже в бытовой жизни из-за тактических соображений поступают практически: без выгоды ничего не сделают. Не имея стратегического мышления, им легче подчиняться, выполнять приказы беспрекословно и без обсуждения.

Есть у татар еще одна черта, которая мешает им возвыситься. В татарском характере преобладает честолюбие, параметры которого — самомнение, хвастливость, зависть. Постепенно у некоторых татар из-за мании величия хвастливость переходит в стадию болезни. Зависть приносит много бед татарам. Из-за завистливого характера татары зажимают талантливых соплеменников, а это приводит к тому, что никчемные люди приходят к власти и тогда у основной массы жизнь становится унижительной. Из-за зависти татарские племена ведут между собой соперничество, интриги, которые в древних и в средние века выливались в кровопролитные войны, и это не давало им объединяться.

9.6. Междоусобица среди усуней

Усуни — родственны хуннам — вассалы хуннов вдруг неожиданно начали ориентироваться на Китай. Хотя Китай и был далек, влияние его в Усуни возрастало. В основном оно шло через женщин. Если первая китайская царица, выданная замуж за усуня, умерла, то вторая, Гяй-ю, княжна, выданная за усуньского вождя под именем царицы, была особа энергичная. Она приспособилась к обычаям страны, переходила по наследству после смерти вождя, рожала детей и возглавила в Усуни группу прокитайской ориентации. Она сделала для китайской политики больше, чем многотысячное китайское войско. Сыновья ее стали во главе кочевий, а дочь она выдала за знатного князя рода усуней. Вождь усуней Унгюйми стал во всем слушаться свою жену.

У хуннов в это время шла ожесточенная борьба. Оппозиция родовых князей против захватившей власть прокитайской группировки росла и крепла. В этой борьбе прокитайская группировка даже решилась опереться на китайцев, поселившихся на хуннской земле. В 80 г. до н.э. поставленный тэнрекотом Куянди и его мать китайка Чжуанькюй-яньчи были свергнуты и к власти вновь пришли хунны. Они потребовали от своих вассалов из Восточного Тюркестана усуней выдачи царицы и прекращения связей с Китаем. Царица и ее муж направили в посольство Китая предложение о военном союзе и совместном согласованном нападении на хуннов. Новый император Сюаньди с восторгом согласился на это предложение.

Китайцы подготовились к походу очень тщательно. Было мобилизовано 160 тысяч легких конников. В 72 г. до н.э. они выступили из Ордоса. Хунны заблаговременно откочевали и, не

принимая большого сражения, в мелких сражениях водили их по пустыне. И если хунны хорошо подготовились против китайцев, то против 50 тысяч усуней, напавших с запада, не устояли. Усуни разгромили ставку западного князя, захватив в плен хуннских князей и тысячи воинов, а также увели с собой много скота.

Собрав все силы, хунны ударили по усуням. Зимой 71 г. до н.э. они ворвались в усуньские кочевья и уничтожили всех, в живых остались те, кто успел убежать в горы. На обратном пути хуннское войско застиг сильный снегопад, ударили морозы, кони остались без корма. Почти все войско погибло от холода и голода.

Пока хунны терпели поражение на всех фронтах, Чжуань-кюй-яньчжи терпеливо выжидала. Она сошлась с западным князем Туцианом. Вновь возродился блок прокитайской ориентации. Их политический лозунг был — мир с Китаем, а также изменение порядка престолонаследия. После странной и неожиданной смерти тэнрекота они совершили дворцовый переворот и под именем Уянь-Гюйди объявили тэнрекотом Шуручансу. Хунны думали, что наступит мир. Новый тэнрекот послал своего брата послом в Китай. А затем начались репрессии, казни знатных вельмож, а когда дело дошло до предводителей родов, то всколыхнулись все хуннские племена. Тэнрекот направил против восставшего рода Гуси войска. Однако битвы не произошло, войска тэнрекота отказались воевать. Тэнрекот обратился за помощью к своему младшему брату. Но тот отказал ему, мотивируя тем, что он погубил много родственников и старейшин. Покинутый всеми, тэнрекот покончил жизнь самоубийством.

После его смерти началась борьба за престол. Нарушение традиций и законов государства, разгоревшиеся страсти, междоусобицы — все это невозможно было быстро остановить. Борьба антикитайской и прокитайской партий не затихала.

«В Хуннской империи объявили себя сначала тэнрекотом две вельможи. Из восточного крыла Хуханье и из западного — Чжичи. Впервые хунны стали вести войну друг против друга. Некоторые роды, чтобы не участвовать в братоубийственной войне, откочевали поближе к китайской границе. В такой междоусобице появились новые претенденты, которые стали себя объявлять тэнрекотами. Но, усилившись в ходе междоусобной войны, западный князь Чжичи напал на Хуханье и обратил его войско в бегство, захватив его ставку в Хангае.»⁵⁰

«Положение Хуханье было тяжелым и один его соратник представил Хуханье план, убеждая его признать себя вассалом, явиться к императорскому двору и служить Хань (китайской империи), а за это просить у китайцев помощи, что дало бы возможность восстановить спокойствие среди хуннов. Хуханье стал обсуждать план с сановниками. Все сказали: «Нельзя этого делать. Обычай хунну выше всего ставят гордость и силу, а ниже всего — исполнение повинностей. Хунну создают государство, сражаясь на коне, а поэтому пользуются влиянием и славой среди всех народов. Смерть в бою — удел сильного воина. Сейчас между братьями происходит борьба за власть в государстве, и если она не достанется старшему брату, то перейдет к младшему. Пусть один из них будет убит, влияние и слава сохранятся, а наши сыновья и внуки будут вечно главенствовать над всеми владениями. Как бы Хань ни был силен, он не состоянии завоевать и ассимилировать. Почему должны быть позабыты наши древние обычаи, оказывая почтение Китаю, и можно ли в нарушение древних обычаев служить династии Хань в качестве вассала, позорить имена умерших тэнрекотов и делая самих себя посмешищем в глазах других народов? Пусть даже воцарится спокойствие, но как мы будем главенствовать в будущем над всеми народами?!»

Соратник, предложивший план, возразил: «Это не так: и для могущества, и для слабости — свое время. Ныне династия Хань достигла расцвета, а поэтому все усунь (родственные племена) и все владения, в которых есть города, окруженные внешними и внутренними стенами, являются ее слугами; в то же время хунны, начиная с тэнрекота Цзюйдихоу, день ото дня слабели, не в силах отомстить за обиды, хотя и стремятся к этому, не имеют ни одного спокойного дня. Если мы станем служить Хань — обретем спокойствие и жизнь, не станем служить — подвергнем себя опасности и погибнем. Какой план может быть лучше предложенного мною?»⁵¹. Сановники еще долго спорили между собой. В конце концов, Хуханье последовал предложенному плану и повел народ на юг к укрепленной линии.

В 53 г. до н.э. Хуханье отправил своего сына в Китай, официально на службу, а на самом деле — в заложники. Так же поступил и Чжичи.

В 52 г. до н.э. тэнрекот приблизился к укрепленной линии округа Уань и выразил желание представиться императору в первой луне 3-го года. Император направил Хань Чана, воеводу, колесниц и конницы встретить тэнрекота, а также приказал семи

округам, через которые должен был проезжать тэнрекот, выставить каждому по две тысячи всадников и построить их вдоль дороги.

«В первой луне тэнрекот представился во дворце Ганьцуань. Император Хань Сюань-ди милостиво удостоил его особым церемониалом, поставив выше правителей пожалованных владений. Во время представления он был назван вассалом, без упоминания имени. Ему пожаловали убор и пояс, верхнее и нижнее платье, золотую печать на зеленом шнуре, украшенный яшмой меч, лук, четыре комплекта стрел, десять алебард в чехлах, колесницу с сиденьем, седло и уздечку, 15 лошадей, 200 тысяч монет, 77 комплектов одежды, 8 тысяч кусков шелковых тканей с затканым и вышитым узором и т. д.»⁵² Через месяц Хуханье отпустили и поселили около крепости Шеусяньчен. Кроме подарков тэнрекот, китайские власти направили покорившимся хуннам изрядное количество проса и риса.

В 50 г. до н.э. в Китай приехал посол от Чжичи. Он был поставлен ниже посла Хуханье, а в 49 г. до н.э. окончательно выяснилось, что китайское правительство будет оказывать поддержку только Хуханье.

Народ разделился на две части, но в ставках обоих тэнрекетов было неблагополучно. Большая часть хуннов оказалась в подданстве Чжичи. Все желавшие покоя перебрались на юг к Хуханье и умножили его силы.

Учитывая, что Хуханье получает помощь хлебом, но может получить и войском, Чжичи не вернулся на восток. Он перенес свою ставку в Джунгарию. В 48 г. до н.э. Чжичи потребовал вернуть своего сына из Китая. Китайцы отпустили сына, а вместе с ним отправили посла. Посол был убит при невыясненных обстоятельствах в ставке Чжичи. Когда об этом узнали в Китае, решили готовиться к походу.

Опасаясь Хуханье и китайцев, Чжичи пошел походом против усуней в Восточном Тюркестане. По пути его застали пурга и морозы. Много людей замерзло. Только 3 тысячи хуннских воинов привел Чжичи в Среднюю Азию. Соединившись с кангюйскими племенами, он стал грабить усуней и совершать набеги на Ферганскую долину.

Награбленная добыча требовала места для хранения. В долине реки Талас Чжичи выстроил для себя и своего отряда крепость. Китайский двор негодовал и горел желанием наказать Чжичи. Один опальный офицер по имени Чэнь Тан, чтобы услу-

жить и добиться реабилитации, воспользовавшись болезнью западного наместника, собрал огромное войско из китайцев и местных жителей. С этой армией он выступил в Среднюю Азию против Чжичи. Пройдя спокойно через территорию усуней, китайская армия совершила марш без всяких помех до Таласской долины. Началась осада крепости. После долгой осады китайцам все-таки удалось штурмом овладеть ею. Раненому Чжичи отрубили голову и отправили ее в Китай. После взятия крепости началась расправа и тысячи людей были обезглавлены. Китайцы не стали закрепляться в Средней Азии и вернулись в свои земли.

После гибели Чжичи Хухань завладел всей территорией хуннов. В Хуннской державе, оставшейся под покровительством Китая, воцарился мир. Мирный договор, заключенный в 47 г. до н.э., гласил, что «дома Хань и Хунну равноправны».

Трагедия усуньского народа. В 64 г. до н.э. скончался вождь усуней, враг хуннов и верный союзник Китая — Унгюйми. Перед смертью он попытался укрепить свои позиции браком старшего сына Юань-Гюйми с китайской царевной и передать ему престол. Но в разгар сватовства Унгюйми умер, и старейшины возвели на престол, согласно прежнему условию, его племянника Ними.

Ними был сыном хуннской царевны, и хуннофилы, которых среди усуней было немало, возлагали на него большие надежды. Однако положение хуннов стало столь бедственным, что ориентироваться на них было бессмысленно. Ними принял титул Куян-ван (китайский титул «царь»), женился на китайской царевне Гяй-ю, которая родила ему сына, но между супругами не было согласия.

В 52 г. до н.э. в Усунь приехали послами китайские вельможи Вэй Хо-и и Жень Чан. Царевна договорилась с ними убить мужа. На пиру китайский ратник ударил Ними мечом, но промахнулся. Раненый князь успел вскочить на коня и ускакать. Старший сын Ними поднял народ против мачехи-изменницы и несколько месяцев толпы усуней осаждали дворец в городе Чигу, где жили царевна и китайское посольство. Только подкрепление, посланное наместником Западного края, вызволило их. Царевна вернулась в Китай с тремя детьми. Она получила земли, дворец, хорошее содержание. Скоро она умерла, но дело ее рук не погибло: распри продолжали раздирать Усунь. Усуни уже не были опасны для китайского господства в Западном крае. Так постепенно один из родственных народов хунн — усунь потеряли го-

сударственность и растворились среди других народов из-за своих междоусобиц, доносов, измен, предательских убийств и т. д., а их земли захватили китайцы.

9.7. Империя Хань после окончания затяжной войны

«Эпоха правления У-ди завершилась усиливающим кризисом экономики, истощением ресурсов, вызванным значительным расширением империи, и ожесточенной борьбой за власть между семью женами императора. В 88 году до н.э. покушение на императора провалилось, но то, что не удалось убийцам, через год сделала болезнь, и беспрецедентное правление У-ди завершилось. За три дня до смерти вышел императорский указ, объявлявший законным наследником его семилетнего сына и назначавший триумвират регентов. После смерти отца мальчик взошел на трон под именем Чжао-ди. И началась вокруг самого трона нескончаемая сеть интриг, заговоров и убийств целых сто лет, испытывая терпение Неба.

В 86 году до н.э. страну объехала специальная комиссия, которая должна была оценить тяготы жизни простых людей. Вслед за этим самые обездоленные слои получили помощь государства. В 81 году до н.э. восемьдесят видных ученых-конфуцианцев, назначенных провинциями, собрались в столице, чтобы доложить о нуждах страны и предложить средства исправления ситуации. Жаркие споры, разгоревшиеся на этом собрании, были увековечены в трактате, составленном несколько лет спустя и озаглавленном «Спор о соли и железе».

Название это отнюдь не исчерпывает содержания дискуссии, поскольку словесные баталии развернулись по гораздо более широкому кругу вопросов, затронув не только проблему государственной монополии на производство соли и железа, но и философию, действия правительства, а так же экономическую и международную политику. Спор шел между сторонниками двух точек зрения, так называемыми «реформистами» и «модернистами». Обе стороны часто обращались, как это было принято в Китае, к историческим прецедентам: тени Чжоу-гуна и Шан Яна незримо присутствовали в дискуссиях. Если на Западе говорят, что все доказательства можно найти в Библии, а на Ближнем Востоке говорят, что все доказательства можно найти в Коране, то в Китае эту функцию выполняет история и мифы. Искать в истории ключ к истине — в этом состоит самая характерная чер-

та мирозерцания китайцев. А исторические примеры имеют для китайцев большее значение, чем поучения мудрецов.

Обе стороны рассматривали мир как место действия извечного ритма пяти сил (первозлементов или фаз), но если реформисты считали, что каждая последующая сила, приходящая на смену предыдущей, вырастает из нее, то модернисты были убеждены, что каждая сила побеждает предшественницу. Более жесткий и свободный от идеализма модернистский подход нашел отражение в приверженности к легистским принципам управления, опирающимся на силу закона, на поощрение и наказание, а также в идее государственного управления экономикой, сочетавшего национализацию с поощрением торговли, производства и развития транспорта; в международной политике упор делался на активные действия против хунну. Таковы были взгляды правящих кругов, подвергавшиеся жесткой критике со стороны реформистов.

Реформисты утверждали, что моральные уроки и моральный пример важнее наказания и что законы несправедливы по отношению к людям и лишь способствуют росту преступности. Государственные монополии и государственное регулирование, которое, по утверждению модернистов, перераспределяли прибыли в пользу государства и способствовали стабилизации цен, на самом деле лишь приводили к появлению некачественных товаров и усиливали расслоение между богатыми и бедными — роскошь одних соседствовала с нуждой других, причем это наблюдалось не только в столице. Реформисты сожалели об использовании трудовой повинности в промышленном производстве, поскольку, как и их предшественник Шан Ян, верили, что процветание Китая связано с сельским хозяйством, а не с промышленностью — именно такого мнения придерживался Цицерон во времена Римской республики. Что касается международной политики, то они утверждали, что расширение империи ослабило страну, не гарантировав безопасности. Реформисты и модернисты также спорили по поводу подготовки министров и государственных чиновников — модернисты во главу угла ставили практические потребности правительства, а не теорию, тогда как реформисты настаивали на повсеместном применении системы экзаменов с их упором на моральные качества, поскольку чиновничий аппарат был непомерно раздут и коррумпирован.

Жаркие споры не привели к немедленным результатам, но указали на перемены в политическом мышлении. Последующие

годы были отмечены императорскими указами, реформистскими по своему характеру. Новое мышление находило опору и в неблагоприятных природных явлениях, посредством которых Небо реагировало на земные события. В 74 году до н.э. после подозрительной смерти императора Чжао-ди в возрасте двадцати двух лет и двадцатисемидневного правления внука одной из жен У-ди, который был низложен за незнание этикета, новый император Сюань-ди дал истолкование таким знамениям, как неурожай, землетрясение и резкая перемена климата. Они интерпретировались в императорских указах, как признак недовольства Неба жесткой политикой правительства. В этом случае снижались расходы двора, цены на соль и налоги.

В международной политике новое мышление привело к отказу от агрессии по отношению к варварам. Вместо этого возобладала идея расширения сельскохозяйственных колоний в захваченных западных и северных районах, также налаживания дружеских отношений с окружающими Китай мелкими княжествами, чтобы они не искали союза с хуннами. В процессе этого перехода сформировался институт «дани», в котором выразилось отношение китайцев к иностранцам.

Считалось, что Сын Неба имеет дело с низшими по рангу, то есть вассалами. Их правители или послы знатного рода должны были являться к императорскому двору в день новогодней аудиенции, принести дары и, в свою очередь, получая подарки от императора. Вассалы также были обязаны присылать императору одного из юных князей в качестве заложника, который содержался при дворе за счет государства и воспитывался в духе уважения к китайской культуре.

Правление Сюань-ди знаменательно и вторым большим собранием ученых. С самого начала было признано, что для слаженной работы государственного аппарата и обеспечения спокойствия в стране, а также социального прогресса и экономического процветания жизненно необходим класс высокообразованных чиновников. Сословие образованных людей, из которых состояла администрация империи, были одновременно чиновниками, занимающимися практической деятельностью, и затворниками, сидевшими в своих тихих садах и беседовавшими с друзьями или практиковавшими в таких искусствах, как каллиграфия, музыка, поэзия и литература, и поднявшими живопись от ремесла до высокого искусства. Нередко, пребывая под влиянием философских и религиозных воззрений, они отличались глубоким

уважением к воспитанию интеллекта и духа, и о них говорят как о самом многочисленном сословии покровителей науки, искусства за всю историю человеческой цивилизации.

После указа императора У-ди от 136 года до н.э. о создании академии для изучения пяти классических произведений, когда пять канонов стали основой экзаменов на государственные должности, споры и дискуссии по поводу этих текстов не прекращались. Эти вопросы представляли не просто академический интерес, но имели важное практическое значение: в посланиях из прошлого содержались не только нормы и правила, определяющие поведение человека в быту, но и наставления правителям. Многочисленные дебаты завершились собранием, на которое по приглашению императора прибыли лучшие ученые со всей страны и которое состоялось в 51 году до н.э. в Павильоне каменного канала главного дворца. Больше двух лет они вели дискуссии и работали над различными вариантами текстов, прежде чем опубликовать официальные версии и интерпретации, которые с тех пор изучались в «Высшей Школе» и знание которых было обязательным для кандидатов на государственные должности, хотя альтернативные интерпретации не были запрещены. Обязательным требованием было знание истории и конфуцианской этики.

Весь процесс сдачи экзаменов представлял собой строгий церемониал и, будучи чрезвычайно важен для карьеры и даже для возможности вступить в брак, вызывал массу эмоций. Так, в 1002 году, когда 14500 кандидатов собрались в столице для сдачи экзаменов и подавляющее большинство не прошли предварительный отбор, они направили свое негодование на директора экзаменационной комиссии: его критиковали в песенках, а вдоль дорог висели высмеивающие его плакаты. Через двести лет в одной из южных районов кандидаты на должности взбунтовались, ворвались в экзаменационный зал и бамбуковыми и деревянными палками жестоко избили принимавших экзамены чиновников. Страсти накалялись до такой степени, что давка возникала даже тогда, когда претенденты входили в зал и пытались найти себе место, причем людей могли затоптать насмерть. Экзамены проводились один раз в три года осенью и зимой, и каждый кандидат должен был доказать отсутствие преступников в роду и представить поручительства, доказывающие, что он безгрешен, не запятнан преступлением или непочтительным отношением к

родителям. Кроме того, он не мог быть буддийским или даосским священнослужителем.

Древние верования настолько прочно укоренились в китайском сознании, что новые законы основывались на классическом принципе инь-ян, а также представляли собой компромисс между философией конфуцианства и представлениями легистов. В соответствии с принципами инь-ян и теорией пяти первоэлементов законы были направлены на достижение гармонии с природой, частью которой является человеческое общество, и если преступления оставались ненаказанными, это вызывало природные катастрофы, такие, как наводнения и засухи. Поэтому в части наказаний китайский кодекс был очень жестким, причем наказания предусматривались за широкий круг проступков. От невнимательной проверки документов чиновником до предупреждения врага о готовящемся нападении.

Иногда преступление наказывалось штрафом или увольнением с должности, но в общем случае кодекс предусматривал пять видов наказания чиновников: от десяти до пятнадцати ударов легкой палкой, от шестидесяти до ста ударов тяжелой палкой, каторжные работы сроком до трех лет, пожизненная ссылка и смертная казнь путем отсечения головы или удушения.

Таким образом, поведение и действия чиновников, воспитанных на принципах конфуцианской этики, определяли все стороны жизни Китайской империи. Вне всякого сомнения, среди них было много высокомерных, коррумпированных, глупых, жадных, трусливых или просто некомпетентных, но не меньше честных, талантливых, разумных, мужественных и преданных своему делу. Именно благодаря последним правительство Китая служило верной опорой династии на протяжении многих веков, и его можно без преувеличения назвать одной из самых эффективных администрации той эпохи. Система экзаменов в течение тысячелетий усвершенствовалась и она сохранилась и действует в Китае по сегодняшний день.

В 50 годах до н.э. преобладающей идеологией стали взгляды Дун Чжун-шу, а ее мистические и космологические аспекты привели к появлению так называемой апокрифической литературы. Эти работы, пользовавшиеся большой популярностью, отличали особый подход к классическим произведениям, и особенно к «Книге Перемен». Смесь старых неконфуцианских представлений, истории, мифологии, а также манипуляций с предметами и числами использовались для объяснения мира. В центре внима-

ния оккультизма также находилось понятие времени, а взаимозависимость между Небом, Землей и Человеком требовала пристальных наблюдений за звездами, движением планет и их расположением по отношению к двадцати восьми созвездиям, за солнечными и лунными коронами, затмениями, кометами и метеоритами. Так появилась наука о катастрофах, предмет, который охватывал и небесные явления, и земные бедствия, такие, как наводнения, засухи и нашествия саранчи.

В 49 году до н.э., когда на трон вззошел император Юаньди, реформистские тенденции усилились. Странники этих взглядов утверждали, что виной роста преступности стали такие факторы, как непомерная суровость наказания, чрезмерные налоги и коррупция. Поэтому на протяжении следующих сорока лет были объявлены восемнадцать всеобщих амнистий, а жесткая легистическая политика несколько смягчилась: число судебных процессов сократилось, а наказания стали более мягкими. «Император ввел эти послабления тремя указами, объявил, что прислушался к предостережениям Неба и намерен восстановить равновесие, нарушенное его неверной политикой.»⁵³

Реформистам удалось значительно сократить государственные расходы, объявив о начале эры скромности. Были упразднены специальные ведомства, занимавшиеся предоставлением повозок и лошадей, принадлежащие государству, а также охраной некоторых парков и озер. Численность дворцовой стражи была сокращена, а чиновникам предписали сократить свои расходы. Экономия коснулась государственных приемов и транспорта, а игры, устраивавшиеся для развлечения знати, были отменены. Закрылись охотничьи домики, а также фабрики, снабжавшие дворцы шелковыми одеждами. Сократили Палаты музыки и упразднили 829 певцов и музыкантов, служившие во дворце.

В столице и провинциях насчитывалось 343 храма для поклонения предкам императора, что требовало 25 тысяч жертвоприношений ежегодно, а на обслуживании этих храмов было занято более 60 тысяч человек — стражников, жрецов, поваров, музыкантов, служителей, ухаживающих за жертвенными животными, и так далее. Императорский указ предписывал закрыть более двухсот храмов.

Другим неблагоприятным экономическим фактором были все возрастающие трудности сбора налогов. Чиновники нарушали законы, заставляя крестьян платить налоги вместо них. Более того,

высшие сановники и министры становились крупными землевладельцами — в неурожайные годы они по дешевке скупали земельные наделы и использовали любую возможность, чтобы скрыть новые приобретения от сборщиков налогов.

Знать, чиновники и богатые торговцы сосредоточивали в своих руках все больше земли, обеспечивая себе экономические преимущества по отношению к крестьянству, что приносило вред правящей династии. Попытки справедливого распределения сводились на нет заинтересованными кругами. Землю обрабатывали наемные работники, которыми руководил либо собственник, живущий на доходы от своего поместья, либо, если владельцем был чиновник, занимающий государственный пост, арендатор, деливший прибыль пополам с владельцем.

Владение землей и прислугами являлось одним из аспектов роскошного образа жизни богачей. Они хвастались своим богатством — ездили в двухколесных колясках, носили дорогие халаты с длинными обшлагами и разноцветными тюрбанами, прогуливались по дорожкам парков и берегам озер в своих поместьях, где устраивались бега, соревнования лучников, игры в мяч и пикники. Гостей на роскошных пирах развлекали певцы, музыканты и танцоры, бродячие артисты, борцы, акробаты и фокусники.

Чтобы поставить заслон беспределу, были ужесточены законы к коррупционерам и взяточникам. Было создано цензурное управление. Инспекторы из столицы тщательно проверяли деятельность властей на местах, став «глазами и ушами» императора, который позволял тайным агентам искушать чиновников взятками, и приговаривал к смерти всякого, кто не устоял перед искушением.

9.8. Восстановление независимости хуннами

Прошло 30 лет жизни хуннов под протекторатом Китая. Умер Хуханье-тэнрекот, за это время его сменили несколько тэнрекотов. Хунны еще помнили о тысячи отважных воинов-богатырей, погибших в бесславных междоусобных войнах. Росло новое поколение и потеря богатырей постепенно стала возмещаться.

Тэнрекотом у Хунну в 8 г. до н.э. стал Учжулю. Вскоре, по возведении Учжулю на престол, китайское правительство попыталось урезать земли хуннов. В 8 г. до н.э. китайский посол потребовал у Учжулю-тэнрекота землю, которая вклинилась в пределы Китая. Тэнрекот ответил: «Мой отец и старшие братья уже

пять раз передавали престол друг другу, но Китай никогда не требовал этих земель. Почему же он требует их, когда престол перешел ко мне, Чжи? Я узнал от Вэньоуту-вана, что все хуннские пастухи, живущие на западе, при изготовлении юрт и повозок пользуются лесом с гор, лежащих в этих землях, кроме того, эти земли принадлежали моему покойному отцу, поэтому я не смею лишаться их»⁵⁴.

Тэнрекот отказал и обратился к императору, на что ему ответили, что посол превысил свои полномочия.

Отношения хуннов с китайцами были стабильными. На границах было спокойно. Китайцы старались приобщить хуннов к китайской культуре и за хорошую оплату привлекали к военной службе.

В армиях Китая обязательно полагался штат доносчиков, а хунны, находившиеся на китайской службе, этого не терпели и раскрытых доносчиков убивали. У хуннов основная пища была мясная и молочная, а у китайцев — больше рисовая. Разными были семейные обычаи и традиции. Поэтому хунны не воспринимали китайскую культуру. Китайцы и хунны считали: надо стараться жить мирно, но порознь. Китайское правительство медленно не торопясь прокладывало путь к ассимиляции и старательно поддерживало мир. Но в 1 г. до н.э. император Ай-ди умер и на престол вступил малолетний Пин-ди. Регентшей была объявлена императрица — бабка, а фактическим правителем стал ее фаворит Ван Ман. Он был преисполнен чувства собственного величия и резко изменил внутреннюю и внешнюю политику Китая.

Ван Ману исполнилось пятьдесят четыре года, и он решил, что настало его время и в 9 г. н.э. он объявил о конце династии Хань и сам занял императорский трон, основав династию Синь — Новую. Не подозревая, что Небо не простит ему ложь, Ван Ман начал проводить жесткие законодательные реформы. Смысл издаваемых законов был следующим. Ван Ман хотел ограничить рост богатства в частных руках и за счет этого увеличить государственные доходы, но под эти законы больше подпадали простые люди. Заслушание законов много народа попало в тюрьму. Ван Ман в проведении своих реформ пренебрегал поддержкой широких слоев населения, а для поддержания власти он предпочитал набирать в войско осужденных на смерть преступников, беглых рабов и бродяг. Но когда его реформы ударили по интересам чиновников и офицеров, он понял, что без них нельзя, и в

12 г. н.э. вышел его указ в интересах крупных землевладельцев, рабовладельцев и чиновников. Большие государственные деньги Ван Ман начал направлять на постройку дворцов-храмов, где работали рабы и согнанные со всей страны ремесленники и рисовальщики.

Ван Ман захватил неограниченную власть внутри и вне Китая. Такой власти до него никто не имел, даже китайские императоры считались с законами своей страны.

«В отношениях с хуннами Ван Ман повернул так же резко, как и внутри страны. Преисполненный высокого мнения о своей власти, он задумал перевести тэнрекота Чаяжут в ранг пограничного вассального князька. Для этого нужно было сменить государственную печать тэнрекота, где вырезаны слова: «Государственная печать хуннского шаньюя». По распоряжению Ван Мана тэнреготу сделали другую печать, которая давалась в Китае удельным князьям и высшим чиновникам. Приняв ее, тэнрегот перестал бы быть независимым государем. В 9 г. н.э. китайский посол явился к тэнреготу, известив его о смене династии, и предложил сдать старую печать и принять новую. Восточный князь Су посоветовал тэнреготу посмотреть новую печать, а потом менять, но китайский посол настоял, и доверчивый тэнрегот, отдав старую, принял новую, не посмотрев ее. После этого начался пир, тянувшийся до поздней ночи. Ночью же китайские послы, опасаясь, что тэнрегот потребует возврата старой печати, разбили ее.» Действительно, утром явились хунны и потребовали печать, так как переводчики разобрали новую надпись. Посол твердо ответил, что смена печати — воля императора и что тэнрегот обязан принять новое назначение. Видя, что дела не изменить, тэнрегот принял подарки и сделал вид, что он на все согласен. Обрадованный успехом посол уехал. Тэнрегот послал 10 тысяч всадников на границу.»⁵⁵

В это время в Западном крае взбунтовались кочевые племена. Тэнрегот принял их вождей, дал свое войско им в подмогу, и хунны напали на гарнизоны Западного края. Началась война. Летучие отряды хуннов опустошили и угнали огромное количество скота и пленных. Богатые области, 80 лет не выдавшие врага, за один год опустели.

Умер тэнрегот Уеяжут и на трон сел Ужулжут. Ван Ман был возмущен, но привыкший подкупать китайских вельмож и чиновников, он решил подкупить и хуннских старейшин, тем более во главе хуннов новый правитель. Он пригласил к себе князей —

родственников покойного Хуханье с тем, чтобы отобрать из 15 человек одного и поставить его тэнрекотом. Ван Ман надеялся разделить силы хуннов. Однако князя не пошли на измену. Узнав об этом, Ужулжут-тэнрекот сразу «вспомнил», что Ван Ман не потомок Сюан-ди и отказался признавать его императором.

«Разгневанный Ван Ман приказал мобилизовать 300 тысяч ратников и загнать хуннов в Саянские горы. После чего разделить державу Хуннов на пятнадцать частей и во главе их поставить тэнрекотов из Хуханье-тэнрекотов. Опытные полководцы предлагали вести борьбу мобильными отрядами, громить хуннские кочевья и угонять стада — материальную базу противника, и не стоит вторгаться глубоко на их территорию. Ван Ман ничего не слушал. Сбор войск и провианта продолжался, а хунны тем временем нападали, грабили, срывая возможность похода.»⁵⁶ Огромная армия так и не смогла собраться и от долгих приготовлений разложилась, деморализовалась и стала непригодной к дальнему походу.

В 13 г. н.э. умер Ужулжут-тэнрекот. После его смерти подняли голову сторонники примирения. Во главе них стоял Сюйбудан. Он был женат на китайке. Вместе со своим шурином он возвел на престол Хяня, бывшего ставленника Ван Мана, чтобы покончить войну с Китаем. Хянь принял титул Улэй-жоди-тэнрекот и послал своего сына заложником в Китай. Под угрозой вторжения на Китай хуннов, Ван Ман казнил заложника — сына Хяня — в полном соответствии с законами того времени. Ван Ман считал, что хунны испугаются его суровости, считал войну конченной и распустил войско, поручив охрану границы наемникам из хуннов и уханей.

Однако когда Хянь-тэнрекот узнал, что Ван Ман казнил его сына, который был заложником в Китае, он устранился от переговоров с Китаем и не стал мешать войне в Степи, вспыхнувшей с новой силой. Хуннские князья и их родичи, не сдерживаемые больше тэнрекотом, обрушились на китайскую границу. В 8 г. н.э. умер Хянь и на престол сел его брат Юй. Юй пытался договориться с Ван Маном о мире, но тот вернулся к своему плану разделения Хунну. Он захватил Сюйбудана, приехавшего для переговоров, и возвел его в тэнрекоты. Но Сюйбудан умер от болезни, а внутренние дела отвлекли Ван Мана от Хунну.

9.9. Восстание в Китае и гибель Ван Мана

Семена недовольства, посеянные законодательной деятельностью Ван Мана, до поры до времени не проросли, и императору удавалось контролировать ситуацию. Большая часть чиновников поддерживала его, и очень важно отметить то обстоятельство, что на жизнь Ван Мана не было ни одного покушения, хотя даже сам великий император У-ди становился мишенью наемного убийцы. Его падение стало делом рук Природы — вероятно, Небо не забыло, каким бедствиями привели его реформы. В 4 году н.э. случилось сильнейшее наводнение. Русло Желтой реки в нижнем течении разделилось на два широких рукава, и вода затопила южную половину Великой равнины на востоке. С такой невиданной катастрофой Ван Ман справиться не мог.

Те, кому удалось спастись, бежали в соседние районы, где для них не хватало запасов продовольствия. Начался голод, сотни и тысячи крестьян покидали Великую равнину к западу от Шаньдуна и медленно двигались на юг, по дороге объединяясь в банды, которые грабили местных жителей. Сам Шаньдун, переполненный беженцами, был практически отрезан от остальной страны двумя рукавами реки. Банды крестьян превратились в огромную неорганизованную армию, которая грабила, убивала и похищала людей на всей территории полуострова. На ее усмирение Ван Ман отправил сильное войско, но оно потерпело поражение. Для борьбы с повстанцами Ван Ман собрал войско из освобожденных рабов, помилованных убийц и других, которое назвал «бросок кабана». Через четыре года, в 22 году н.э., повстанцы наголову разбили армию императора. К 22 г. н.э. весь восток Китая был охвачен восстанием, а северная граница начисто разграблена хуннами. Среди восставших появились талантливые полководцы, такие как Ван Куан, Ван Фын, Фань Чун. Восставшие выкрасили брови в красный цвет, чтобы отличать своих от воинов Ван Мана.

Зимой 23 г. н.э. вспыхнуло восстание старой знати во главе с царевичем Лю Сю из дома Хань. Сторонники Лю Сю имели свою военную организацию, издавали приказы, сформировали правительство, действовали в союзе с «краснобровыми», но не смешивались с ними.

Когда театром военных действий стал Шаньси, Ван Ман махнул рукой на хуннов, снял войска с северной границы и послал их на повстанцев. Но после первых успехов войско было наголо-

ву разбито. Это случилось в июле 23 года н.э. Армия потомков ханьских императоров наступала на столицу Чаньань и она была взята. Повстанцы ворвались во дворец, нашли спрятавшегося там Ван Мана и отрубили ему голову. Все высшие сановники Ван Мана были убиты — погибли в бою или покончили жизнь самоубийством. Император Гэн-ши захватил город.

«Краснобровые» во главе с Лю Пен-цы в начале 25 г. н.э. начали новую гражданскую войну против знати. Хуннский тэнрекот оказал помощь «краснобровым». Благодаря хуннам Лю Пен-цы одержали победу, столица была взята, а император Гэн-ши убит. Но его младший троюродный брат Лю Сю возглавил своих сторонников, и гражданская война возобновилась. С большим трудом ему удалось разбить Лю Пен-цы. Затем Лю Сю принял императорский титул Гуан У-ди и начал новую династию — Восточную (или Младшую) Хань. Гражданская война потрясла государственную систему китайской империи, но Китай по-прежнему оставался силен.

Восстановление старой границы Хунну. Оказывая поддержку повстанцам, хунны захватили заодно все приграничные районы Китая. Хунны восстановили границу, установленную Багадуром-тэнрекотом. В 30 г. н.э. император Гуан У-ди (Лю Сю) попытался вступить в переговоры с Юй-тэнрекотом. Когда посол предложил Юю возобновить договор, заключенный Хуханье в 47 г. до н.э., тэнрекот возразил, что времена переменялись: тогда Хунну было слабо, а Китай силен, сейчас же хунны заняли все пограничные места и восстановили границу, установленную первыми тэнрекотами. Тэнрекот напомнил про гибель Ван Мана, которая произошла при его вмешательстве, и на основании этого от возобновления договора категорически отказался. Он предложил императору признать Хунну империей, равной Китаю. Переговоры из года в год повторялись, а война между хуннами и Китаем продолжалась. В 33 г. китайское войско двинулось против хуннов и потерпело полное поражение. Хунны усилили набеги. В 37 г. они прорвались за границу и загнали китайские войска в крепости. Китайское правительство, будучи не в силах организовать отпор, перевело пограничных жителей внутрь Китая, и хунны заняли свои старые земли. В 44—45 гг. хуннские набеги стали тревожить уже внутренние области Китая. Даже внутри Китая появились хуннские кочевья. В результате этих войн крестьяне покидали северные и западные приграничные районы Китая и мигрировали на юг. Вместе с «исходом», вызванными силь-

ными наводнениями, которые привели к падению Ван Мана, миграция с севера на юг затронула около восемнадцати миллионов человек. Такое масштабное переселение оказало огромное влияние на демографию Китая. До этого южная часть страны была заселена немногочисленными местными народами, которые назывались «ман». По мере того как китайцы с севера расселялись среди этих народов, проникая вглубь территории вдоль речных долин с плодородной почвой и основывая новые поселения, местные жители должны были либо ассимилироваться, либо уходить в горы, развязывая партизанскую войну. Конфликты возникали часто, и императорский двор причислял непокорные народы к мятежникам: в эпоху династии Поздняя Хань в этом регионе было отмечено пятьдесят три таких «мятежа». Все они были подавлены, но колонизация юга приостановилась, возобновившись лишь через несколько столетий.

Народность тай, которую вытеснили или подчинили китайские мигранты, выращивали рис на заболоченных равнинах и в узких долинах рек, а также разводили свиней и буйволов. Этими навыками пришлось овладеть китайцам, привыкшим выращивать пшеницу, разводить овец и коров.

9.10. Распад государства Хунну

Юй-тэнрекот был человеком с сильной волей и ясной головой. На протяжении всей своей долгой жизни он стремился возродить державу Хунну во всем ее прежнем блеске. Он сравнивал себя с тэнрекотом Багадуром. Несмотря на то, что Юй получил престол от брата, который стал тэнрекотом в результате узурпации, власти у самого Юя никто не оспаривал. Хотя Ханя возвели на престол китаефилы, чтобы возродить соглашательскую политику, Юй пошел другим путем и восстановил независимую политику Хунну. Порядок престолонаследия у хуннов, начиная со II в. до н.э., менялся несколько раз. Багадур и его потомки передавали престол по завещанию своим наследникам, которых утверждал совет князей и старейшин. Цзюйдхэу пришел к власти в 101 г. до н.э. в результате выборов, и с этого времени установился новый порядок престолонаследия — очередной: от старшего брата — младшему, от младшего дяди — старшему племяннику. Это изменение внесли для того, чтобы все ветви тэнрекотского рода могли прийти к власти путем выбора тэнрекота на курул-

тае, а также для укрепления союза между родственниками тэнрекота.

В данное время законными наследниками, согласно обычаю были сын Хуханье-тэнрекота — Иту-Чжясы, как старший в роде, или Би — сын Учжулю-тэнрекота. Юй опять изменил порядок престолонаследия, вернувшись к старому обычаю завещать престол сыну. Сын Хуханье Иту-Чжясы был рожден китайской царевной. В 47 г. до н.э. она была подарена Хуханье для скрепления договора и по наследству досталась его старшему сыну Фучжулею. Юй полагал, что не для того он отвоевал у Китая Царство, чтобы оставить его полукитайцам. Отступать он не мог и не хотел. Иту-Чжясы был убит. А наследником объявлен сын Юя — Удадихэу. Би, узнав об убийстве Чжясы, стал роптать: «Из братьев по старшинству престол должен был занять первый лули-ван. Из сыновей — я — как старший покойного Учжулю-тэнрекота». Сопротивляться тэнрекоту он не мог и стал просто уклоняться от поездок в ставку, стараясь не попадаться ему на глаза. Это поведение вызвало у тэнрекота подозрение, и он приставил к Би двух своих людей для наблюдения за ним и за его войском. В 46 г. тэнрекот Юй умер. Вскоре умер и его наследник Удади-хэу. Престол получил второй сын Юя — Пану. В эти годы землю хуннов постигли несчастья: засуха, саранча и эпидемия. От голода и эпидемии умерло очень много народу.

Пану решил закончить затянувшуюся китайскую войну и отправил в Китай посольство с предложением заключить договор «мира и родства». Би узнав об этом, встал на путь измены. Сначала он послал в Китай карту хуннских земель, а в 47 г. сам съездил к китайскому наместнику и выразил желание перейти в подданство империи Хань. Его поведение не укрылось от наблюдавших за ними разведчиков, которые донесли тэнрекоту об измене князя Би и посоветовали казнить его, пока он не успел произвести смятение в государстве. Младший брат Би, находившийся в это время в юрте тэнрекота и слышавший доклад, поспешил сообщить о нем Би. Испуганный Би собрал подчиненные ему кочевья — 40-50 тысяч воинов и стал ждать возвращения двух разведчиков, намереваясь убить их. Перед самым прибытием к месту назначения разведчики узнали о целях Би, бросились к Пану-тэнрекоту и рассказали ему обо всем. Пану направил против Би 10 тысяч всадников. Но они, увидев, что войска Би многочисленны, возвратились обратно.

«В 48 г.н.э. вожди восьми хуннских кочевий после совместного обсуждения решили возвести на престол Би под титулом тэнрекот Хухунье II. Они хотели, чтобы он принял этот титул, так как в свое время его дед установил спокойствие в стране с помощью Китая.

После этого Би явился к укрепленной линии в округе Уюань с выражением покорности и объявил о желании поставить вечный заслон для империи Хань, северных варваров. Император удовлетворил эту просьбу. Зимой того же года Би вступил на престол под титулом тэнрекот Хуханье II.»⁵⁷

Би заключил с императором Гуан У-ди союз и стал защищать Китай от хуннов. В преданности нового вассала китайцы не сомневались: все пути назад ему отрезаны. Китай и династия Хань были спасены.

Переход части хуннов на сторону Китая был переломным моментом в войне. И самое худшее — Хуннская империя разделилась в 48 г.н.э. надвое.

В 49 г. Би начал наступление против Пану. Он разгромил ставку северного тэнрекота и восточного князя северных хуннов. Пану отступил в Халку, оставив сопернику все земли, отвоєванные его отцом.

В 41 г. император назначил своего талантливого военачальника Цзи Юна, на должность правителя округа Ляодун. Он отличался смелостью и умом. После назначения во главе приграничных войск округа Ляодун Цзи Юн умело отражал набеги сяньбийцев и уханей.

Цзи Юн считал, что объединение трех «варварских» племен хуннов, Сяньби и уханей является источником бедствий на границе. В 49 г. он вызвал сяньбийцев и указал на богатство и выгоду, которую они приобретут, перейдя на сторону Китая. Один из вождей сяньбийских родов Пяньхэ прислал к нему послов и выразил желание перейти на сторону Китая. Цзи Юн хорошо встретил послов и раздал им награды и подарки. После этого Пяньхэ постепенно установил дружеские отношения с Китаем и подчинился ему.

«В дальнейшем все вожди других родов выразили желание служить Китаю. Цзи Юн сказал: «Если вы действительно хотите совершить подвиги и услужить Китаю, то, вернувшись обратно, должны нападать на хуннов, рубить им головы и доставлять их мне, тогда я поверю вам.» Пяньхэ и другие, подняв взоры к небу и указывая на сердце, ответили: «Непременно отдадим все силы

служению Китаю». Затем они напали на хуннское левое кочевье, вырезали более 2 тысяч человек и с их отрубленными головами явились в главный город округа. В дальнейшем сяньбийцы представляли отрубленные головы, получая за это награды. После этого северные хунны начали слабеть.»⁵⁸

Тем временем не все было благополучно и у южного тэнрекота Би. Он попал в очень тяжелое и неловкое положение. Как вассал китайского императора, он должен был, согласно китайским порядкам принять императорский указ, склонившись до земли. Это не только било по самолюбию тэнрекота, но и роняло его достоинство среди соратников. Чтобы как-то выйти из положения, он и выехал навстречу китайскому послу и учинил поклонение вне ставки, а потом со слезами просил не унижать его перед подданными. Однако утаить факты подчинения и связанного с ним унижения было нельзя. Гордые хунны были возмущены.

Зимой 50 г. войска — северное и южное — столкнулись. Южные хунны были разбиты и отброшены. Это заставило Би умерить свои претензии на самостоятельность и принять китайскую военную помощь, что весьма снизило его авторитет у собственного народа.

Глава X

Западная Хуннская держава

В 52 г. северный тэнрекот Пану (Западная Хуннская империя) обратился к Китаю с мирными предложениями. Он получил уклончивый ответ. Тогда война возобновилась. Но против Пану

Пану

начали войну сяньбийцы. В 58 г. хунны потеряли Маньчжурию. Военные действия 55—85 гг. с Китаем развивались вяло. В 64 г. северные хунны пытались добиться у китайского правительства открытия пограничных рынков, но новый император Минди предпочел войну. 10 лет хуннские летучие отряды терроризировали население Северного Китая.

В 73 г. китайцы ответили походами на Халху, но северные хунны ушли, не приняв боя.

К 83 г. положение ухудшилось. В 83 г. тэнрекот южных хуннов отправил вдовствующей императрице Доу письмо, в котором предлагал общими силами уничтожить северных хуннов. При обсуждении этого письма мнения сановников разошлись. Советник Гэн Бин сказал: «В прошлом император У-ди до крайности истощил Хунну, желая сделать хуннов своими вассалами, но не добился успеха, поскольку время не благоприятствовало ему. При императоре Сюан-ди, после того как Хуханье явился с выражением покорности, пограничное население обрело спокойствие». Империя составила одно целое с живущими за его пределами, и народ отдыхал более 60 лет. Когда Ван узурпировал престол, он изменил написание титула тэнрекота и постоянно притеснял хуннов, поэтому тэнрекот поднял восстание. Вступивший на престол по воле Неба император Гуан-у снова привлек тэнрекота лаской, и в результате в разоренных пограничных округах было восстановлено прежнее положение. Напуганные ухуани и сяньбийцы встали на правильный путь, а величие императора потрясло всех варваров. Вот какие были достигнуты результаты. «Ныне по милости Неба среди северных варваров возникли раздоры, и так как нападения одних варваров на других выгодны империи, следует согласиться с представленной просьбой».

В противоположность Гэн Бину сановник Сун И считал: «Хунны и Дунху отделены от нас пустыней и уединенно живут на северной окраине. Начиная с установления династии Хань, против них предпринимались многочисленные походы, но захваченное во время этих походов никогда не покрывало понесенных потерь».

Император Гуан-у прекратил бедствия, связанные с военными действиями, и проявил великую мудрость, великую, как Небо и Земля, поэтому они явились с выражением покорности; после этого их держали на привязи, пограничное население получило возможность спокойно жить, трудовые и военные повинности были отменены, и так продолжалось более 40 лет. Ныне сяньбийцы, проявившие покорность, убили и захватили в плен десятки тысяч северных хуннов. Китай, ничего не предпринимая и не утруждая народ, добился крупных успехов, что является наиболее выдающимся деянием из всех блестящих свершений династии Хань. Объясняется это тем, что варвары сами напали друг на друга, и не пришлось терять китайских воинов. По мнению вашего слуги, сяньбийцы нападают на хуннов, считая грабежи выгодными, а приписывают успех этих нападений нашей династии из-

за алчности к щедрым подаркам. Если сейчас позволить южным хуннам возвратиться и обосноваться в северной ставке, то придется сдерживать сяньбийцев, так как они, лишившись объекта грабежа и наград от империи за совершаемые подвиги, будучи жадными, как шакалы и волки, непременно станут источником бедствий для пограничных районов.

Ныне северные хунны, бежавшие на запад, просят заключить с ними договор о мире, связанный на родстве, а поэтому следует, пользуясь тем, что они изъявляют покорность, вынудить их поставить внешний заслон, поскольку нет ничего выше, что можно сравнить с этим действием. Посылать войска и расходовать средства, чтобы удовлетворить желание южных варваров, — значит отвергнуть мудрую политику, отказаться от спокойствия и идти навстречу опасности. Ни в коем случае нельзя соглашаться на просьбу южных хуннов.»⁵⁹

В конце концов, вдовствующая императрица Доу решила начать войну с северными хуннами. Война продолжалась три года. Объединенные китайско-южнохуннские войска нанесли сильное поражение северным хуннам. Северные хунны потеряли более 13 тысяч убитыми, среди них были известные князья. Было захвачено много пленных, а также много лошадей, крупного рогатого скота, овец и верблюдов.

В 85 г. три рода бежали в Китай, ослабив и без того подорванную мощь Северной Хуннской державы.

В 86 г. северный тэнрекот Юлю оказался в кольце врагов. С юга нажимали южные хунны и китайцы, к которым перебежали его подданные, на востоке свирепствовали сяньби, на севере восстали динлины.

Первый удар нанесли сяньби. В 87 г. они вступили в восточные земли хуннов и Юлю-тэнрекот потерпел полное поражение. Он был захвачен врагами, которые убили его. Поражение северных хуннов подтолкнуло часть хуннских старейшин вновь откочевать в Китай. Весной 89 г. китайская армия вместе с южными хуннами обрушилась на северных хуннов, и войска северных были разбиты. В руки врагов попала семья тэнрекота и все его имущество.

В 90 г. южные хунны самостоятельно вновь выступили в поход против северных. Им удалось окружить северного тэнрекота, который, потерпев поражение, все же с трудом спасся бегством. Окончательное поражение ослабевшему северному тэнрекоту было нанесено в 91 г. китайским военачальником Гэн

Куемом, который разбил северных хуннов у горы Цзыньвэйшань, а сам тэнрекот бежал неизвестно куда. После его бегства земли хуннов стали заселяться сяньбийцами.

В 93 г. объединенные китайско-южнохуннские войска нанесли поражение северным хуннам. Тэнрекот Уйчугань погиб в этой битве. Уже сто лет в империи Хунну не было внутреннего спокойствия. Дело дошло до братоубийственной войны. Гражданская война разделила империю на два государства. Но и оно не дало спокойствия. Все вассальные народы отпали, и стали воевать друг с другом и против хуннов. Все это дискредитировало династию Багадура. Все несчастья и беды, навалившиеся на государство, кочевники стали видеть в неправильном управлении государством. Среди кочевников пошли разговоры, что династия рода Багадура перестала чтить интересы народа и государства. Многие поговаривали, что Небо лишило род Багадура мандата на управление государством. Поэтому после смерти тэнрекота Уйчугана старейшины племен и родов выбрали тэнрекота из рода Хуань. Уйчуган был последним северным тэнрекотом из рода Багадура. Правление династия рода Багадура закончилось и с этого времени династия Багадура отдала правление династии рода Хуань.

Потерпев такое сильное поражение и будучи не в силах победить многочисленных врагов: китайцев, сяньбийцев, ухуаней, динлинов, перешедших в 90 г. на сторону китайской коалиции, хунны стали отступать. Часть их — 100 тысяч хуннских семей — подчинилась сяньбийцам и стала называть себя сяньбийцами. С этого времени началось постепенное усиление сяньбийцев. Этот случай показывает, насколько легко тунгусо-маньчжурь сражались с татарами. Сяньбийцы были этнически тунгусами (маньчжурь), а когда в их орду вошли хунны, вероятно от смешанных впоследствии браков и появились рода и племена предков современных монголов. Таким образом, господство над современными монгольскими степями перешло от хуннов к племенам монгольско-зычным. Еще одна часть хуннов перешла к южным хуннам. Третья часть, покинув свою родину, но спасая свою свободу, ушла в степи современного Казахстана и Аральского моря, чтобы через определенное время вновь возродиться и дать знать о себе миру.

Оставшиеся северные хунны, которые не собирались сдаваться и отступать, считавшие себя достойными сидеть на коне, сделали свою ставку в Бэй-Шане, но после сяньбийского вторжения разместились около Тарбагатая.

В 104 г. в Китай прибыло из северного Хунну посольство с предложением «мира и родства». Оно было отпущено без ответа. В 105 г. явилось второе посольство с мирными предложениями и также не получило ответа. Сразу вслед за этим вспыхнуло восстание в Западном крае (Восточном Тюркестане) — китайцы были выбиты оттуда, там укрепились северные хунны. Правительство Китая поняло, что надо спасти своих солдат и отдало приказ о полной эвакуации Западного края, ссылаясь на то, что невыгодно его удерживать.

Новая территория северного Хунну простиралась от озера Баркуль до Западного моря, т. е. до Каспийского. Власть принадлежала роду Хуян. После перехода Западного края в руки хуннов в 107 г. северо-западные области Китая стали театром пятидесятилетней войны. А на севере северным хуннам покорились все степные народы Западной Сибири.

Конец Западной Хуннской державы. Сяньби и хунны были одинаково враждебны Китаю. Пока империя Хунны была сильна, сяньбийцы подчинялись хуннам. Сяньбийцы усилились после того, как 100 тысяч хуннских семейств вошли в их орду и «приняли название сяньби». Это свидетельствует о том, что эти народы одной расы. С усилением сяньби они начали активно действовать и против Китая. В 97 г. они нанесли поражение китайской армии, а потом вдруг покорились ей. Затем начали совершать набеги на северных хуннов и ухуаней (тунгусов).

В 101 г. сяньбийцы совершили нападение на северных хуннов, но были отбиты. В 110 г. после кровопролитного сражения Китаю покорились ухуани. В 117 г. сяньбийцы напали на границу Китая, но были разбиты ухуанями, которые выступили на стороне Китая. У сяньбийцев было 120 родов и они не имели централизованного управления. Каждый род на свой страх и риск совершал ежегодные набеги на Китай. В 120 г. князь Цичжигянь возглавил тех соплеменников, которые хотели воевать с Китаем. Результаты организации сразу дали свои плоды. С 121 по 126 г. сяньбийцы громили китайцев и южных хуннов, лишь в 130 г. китайцам удалось привлечь на свою сторону ближних соседей и братьев по крови — ухуаней и с их помощью отражать набеги.

Утрата Китаем Западного края не давала императорскому дворцу покоя. В 123 г. императору был представлен план войны с северными хуннами и нападения на ставку Хуань-князя. Это поручили полководцу Бан Юну.

В 124 г. Бан Юн со своим войском вступил в Восточный Тюркестан. В долине Ихо он разбил отряды хуннского князя Юлю. Видя успех своего полководца, император послал подкрепление — 6 тысяч легкой конницы.

В 125 г. Бан Юн разбил князя Западного княжества около озера Баркуль, а зимой напал на ставку Хуань-князя и разгромил ее. После этого Хуань был вынужден перенести свою ставку на берег реки Хаву, т. е. Черного Иртыша.

Война продолжалась. В 134 г. китайцы и их союзники захватили врасплох ставку северных хуннов у Восточной Чеши, а в 135 г. князь Хуань разбил китайские войска в Западной Чеши, так как война шла с переменным успехом. Но тут вмешались сяньбийцы. В 155 г. сяньбийцы под руководством своего вождя Таншихая, нанесли сокрушительное поражение северным хуннам, от которого те уже не могли оправиться. Часть хуннов, отступая, ушла к берегам Итиля (Волги) и почти 150 лет о них никто и ничего не слышал. Так закончила существование Западная Хуннская держава.

10.1. Появление в Китае буддизма

Могущество династии Хань, поставившей Китай в один ряд с Римской империей, не подлежит сомнению. Два великих изобретения, сделанных в эту эпоху, превосходят все достижения римлян. Это компас и бумага.

Компас явился побочным продуктом геомантии. Из всех многочисленных видов гадания, на которые опирались китайцы в своих делах, геомантия имела самые глубокие корни. В ее основе лежала идея космического дыхания, видимого и невидимого, которое в форме ветра и воды пронизывает всю вселенную. Среди порожденных ею теорий наиболее известной является фэншуй — учение о правильном размещении зданий и предметов в жизненном пространстве человека для гармонизации с инь-ян и другими силами природы, а также для защиты от неблагоприятных воздействий. Именно этим объясняется пристальное внимание, уделявшееся в китайской живописи ландшафту и топографическим объектам.

На этом фоне компас был изобретен как средство для ориентировки зданий, а также использовался вместе с гадальными досками, игравшими важную роль в искусстве предсказаний эпохи Хань, и особенно в годы войны. Гадальная доска состояла из

диска, вращавшегося на квадратном поле с астрологическими и другими символами; в центре располагался магнит. Магнит имел форму ковша с ручкой — повторял очертания созвездия Большой Медведицы — и балансировал на чаше ковша. Таким образом, гадальная доска и магнитный ковш являлись прообразом всех приборов с лимбом и стрелкой. Научившись намагничивать железо, потеряв его о магнит, китайцы заменили ковш на магнитную иголку в форме рыбы или головастика, которая плавала в воде или подвешивалась на шелковой нити. Европа познакомилась с этим прибором лишь через тысячи лет.

Изобретение бумаги прошло такой же долгий эволюционный путь. Бумага состоит из растительных волокон, которые смешивают, толкут, варят, разливают в формы, промывают водой на сетке, напоминающей сито, а затем высушивают для получения конечного продукта. Бумагу изобрели в 105 году в имперских мастерских. Поначалу бумагу применяли не для письма, а для украшения и в изобразительном искусстве, также во время церемоний и праздников, для кредитных операций в торговле, в гигиенических и медицинских целях, для изготовления одежды и предметов мебели, для игр и т. д. Далеко не сразу бумага вытеснила бамбуковые и деревянные дощечки, из которых состояли книги. Однако со временем ее применение для письма стало в Китае повсеместным, хотя секрет производства бумаги открылся остальному миру лишь через полторы тысяч лет (в Европе начали изготавливать бумагу в XII веке). Бумага стала необходимым предвестником другого великого изобретения китайцев и благодаря ему сыграла такую важную роль в делах человека. Это книгопечатание, изобретенное еще через пять или шесть столетий.

В эпоху династии Поздняя Хань появились и другие замечательные изобретения, такие, как сейсмограф, водяная мельница и тачка. Больших успехов достигла астрономия, были заложены основы систематики в ботанике и зоологии, появились глазурированная керамика и предшественник фарфора, а технология производства тканей в Китае на несколько веков опережала европейскую и персидскую. В этот период началось составление библиографий, когда в одном списке приводилось до семисот работ специалистов в таких областях, как магия, медицина, военная наука, история, философия, гадания и астрономия.

«В эпоху династий Хань появился еще один мощный фактор, который оказывал на искусство Китая не меньшее влияние, чем религия. Несмотря на то, что купцы уже открыли юго-западный

путь в Индию через территорию Бирмы, основные дороги, связывавшие Китай с внешним миром, пролегал вдоль «шелковых путей», протянувшихся через Центральную Азию на восток к Персии и на юг к Индии. По ним изделия из Китая попадали на обширные территории, от Сибири до Афганистана, а шелк отправлялся еще дальше — через Крым в бассейн Средиземного моря, в Египет и Рим, где на него был большой спрос. В обратном направлении по этим путям в Китай шел самый известный — если не считать опия, который принесет столько бед много столетий спустя, — индийский продукт. Это был буддизм.

По всей вероятности, индийские буддийские монахи посещали Китай и раньше, но начало массового проникновения в страну этого учения в I веке н. э. было обусловлено распространением даосизма, в котором многое перекликалось с практикой буддизма. Постоянный рост числа приверженцев этой религии последовал после жертвоприношения, которое совершил император Хуань-ди в своем дворце в Лояне в честь основателя даосизма Лао-Цзы, которого ассоциировали с Буддой. За этой церемонией последовало официальное представление культа Будды при дворе и в столице. К концу периода правления династии Хань на востоке страны был сооружен огромный буддийский храм: многоэтажный, со шпилем, украшенным девятью дисками, и бронзовой позолоченной статуей Будды, вмещавший более трех тысяч верующих.

Постепенно под влиянием буддизма попала китайская архитектура — монастыри, храмы и пагоды. Он проник также в китайскую философию, литературу, язык и изобразительное искусство. Следует отметить что, несмотря на взаимное влияние буддизма и даосизма, между ними существовали и фундаментальные различия. Буддизм видел достижения блаженства в освобождении от телесного существования, тогда как практика даосизма была направлена на продление земной жизни. Не менее глубокими были противоречия между буддизмом и конфуцианством. Буддисты верили, что совершенствование человека и спасение его души достигается без взаимодействия с другими людьми, а приверженцы конфуцианства настаивали, что ценность личности определяется ее взаимоотношениями с семьей и обществом.

И действительно, к концу правления династии Хань характерные особенности Китая — культура, политические и духовные идеалы, традиции, уровень цивилизации, территориальные границы и сама нация — укоренились настолько, что в почти не-

изменном виде сохранились до наших дней. Если Макиавелли был прав и история всегда повторяется, но каждый раз по-новому, то всю последующую историю Китая можно считать повторением прошлого — только с новыми элементами. Буддизм в Китае плохо приживался. Для представителей высших классов китайского общества, в большинстве своем исповедовавших свою веру и конфуцианство, буддизм был непривлекателен. Он имел явную антисемейную направленность — в том смысле, что истинным буддистом считался монах, который покинул семью ради жизни в монастыре, что противоречило вековой традиции сыновнего послушания. Истинный буддист должен был отказаться от плотской любви, которая служила основной для продолжения рода. Изображения Будды, сделанные по индусским канонам красоты, изложенным в священных текстах, считались противоестественными и уродливыми, а одежда буддистов, оставлявшая оголенным одно плечо, нескромной. Что касается буддистских концепций, то самым странным считалось представление о том, что мир — это порождение нашего воображения, и также осознание греха и воздаяния за него.

Тем не менее, для простых людей буддизм имел много привлекательных черт. Так, например, притеснявшие бедняка начальники в будущей жизни займут низшее положение, а сам терпевший несправедливость человек в своей следующей реинкарнации будет иметь высокий ранг и насладится благоденствием. Некоторые крестьяне занимали долг и не возвращали, объясняя своим должникам, что вернут долг в следующей жизни после реинкарнации. Торговцы тоже благоволили к буддизму — получив разрешение использовать буддийские монастыри в качестве банков и складов, они дарили монахам деньги и земли, а от них узнавали о разнообразных финансовых инструментах, практиковавшихся в Индии, таких, как ссуда под обеспечение, аккумулярование капитала при помощи акционерных обществ, аукционеры и даже лотереи.

Но китайская аристократия, чиновничество и многие императоры практически боролись с буддизмом. Закрывали и не допускали строить буддийские храмы. Монахов держали под контролем и причисляли буддизм к иноземным религиям. Китайские чиновники считали, что в монастырях скрываются от правосудия много бродяг. В основном старались их выпроводить из страны и перенаправить кочевникам и тибетцам. Бывали времена, когда какой-нибудь император увлекался буддизмом, и буддизм начи-

нал расцветать. Но по приходу нового императора вновь начинались гонения на буддизм. В основном концепция конфуцианства прочно занимала свое главное место в Китае. Эта концепция, доказавшая свою эффективность в Ханьскую эпоху, сохранила свое влияние на протяжении всей последующей истории Китая.

«И действительно, к концу правления династии Хань характерные особенности Китая — культура, политические и духовные идеалы, традиции, уровень цивилизации, территориальные границы и сама нация — укоренились настолько, что в почти неизменном виде сохранились до наших дней.»⁶⁰

Глава XI

Южная Хуннская держава

В 48 г., после того как произошел раскол среди хуннов, пост южного тэнрекота занял Би — внук тэнрекота Хуханье. Не обладая достаточной силой, Би явился к укрепленной линии Китая с выражением покорности и заявил о желании защищать Китай от набегов своих соотечественников — северных хуннов.

В 50 г. война с северными хуннами сложилась для Би неудачно, в связи с чем император приказал ему переехать и поселиться в уезде Мэйцы (к юго-востоку от современного Джунгарского аймака в автономном районе Внутренней Монголии) в округе Сихэ.

В 55 г. тэнрекот Би умер. Его преемниками были братья Ма (55—56 гг.) и Хань (56—59 гг.), дети Ди (59—63 гг.) и Чжан (63—85 гг.). После разделения хуннов старая знать осталась на севере, а южный тэнрекот создал новую из числа своих сторонников. Важной переменной было установление очередного престолонаследия. Все восемь родов были братьями тэнрекота и его сыновьями, которые по порядку имели право на престол. Но по требованию императоров престолонаследие передавалось по наследству.

Би и его соратники китаефилы увлекли часть хуннов и пошли по пути предательства и служения враждебному для его народа государству. За ними пошли, в основном, рядовые хунны, которые строго подчинялись дисциплине старейшин, другие соблазнились на обещанный мир и сытую жизнь, не задумываясь, чем за это они будут платить.

Живя по соседству с китайцами, часть хуннов стала принимать китайскую культуру, быт. Появились любители китайской одежды, пищи, что вызывало изменения в бытовой культуре. Пища в комплексе бытовой культуры служит, пожалуй, наиболее устойчивым и характерным элементом. Классификация пищевых продуктов, их выбор для повседневного и праздничного стола, способ приготовления, порядок принятия пищи, обряды и запреты, связанные с пищей, наглядно демонстрируют этническую специфику того или иного народа. Одежда на протяжении многих веков объединяла людей одной этнической общности, противопоставляя их всем другим. Как любое явление бытовой культуры, такое противопоставление играло существенную роль в сохранении и упорядочении этнического сознания. Одежда, как паспорт, указывала на этническую, половую, возрастную принадлежность и была символом, отмечавшим социальное положение человека. Потеря своего и восприятие китайского приводили к постепенному ассимилированию хуннов.

Многие рядовые хунны, живя в Китае, ни о чем не думали. Потеря храбрых воинов и вождей, безмятежная жизнь в скором времени расслабили южных хуннов, поэтому во множестве появились люди, которых мы сейчас называем обывателями. Для обывателя главный враг не противник, который когда еще придет его убить и ограбить; чтобы это понять, необходимо было иметь воображение, способность оценить происходящее и предвидеть то, что обывателю недоступно. Врага обыватель видел в соплеменнике, который сам активен и требует от него поддержки. И соседа-богатыря он считал не своим защитником, а причиной своих бед. Когда враги расправлялись с героями, то обывателю примитивно думалось: «Погиб кто-то там, так это не я погиб, это другой погиб, вот он воевал, и ничего хорошего из этого не вышло. А я сейчас пойду, подою кобылу, сделаю кумыс, выпью опьяняющий напиток. Заколю барана — еда будет сытная. Солнце светит, трава растет, скот пасется. Чего думать-то!» Ему говорят: «Придут враги, тебя же убьют». Не верит! Приходят, убивают — защищаться поздно.»⁶¹ Таким образом нелепо гибли люди, народ, гибло хуннское государство.

Гражданская война, раскол государства, эмиграция и т. п. все вело к тому, что падало сознание хуннского единства. Единство нужно было воинам для господства над народами, простым кочевникам сильная власть обеспечивала безопасность их жизни. Рядовые хунны помогали своему правительству в меру своих

способностей и не их вина, что у них и их жен не было государственного мышления, ставившего государственные задачи и перспективы. Для того чтобы пасти скот, обрабатывать поля, работать в рудниках или изготавливать ремесленные изделия, такого мышления не надо. Они и так добросовестно выполняют свои житейские дела. Беда было в том, что у людей, управляющими простыми людьми и наделенными властными полномочиями, тоже не было государственного и стратегического мышления. Таким людям было безразлично, что гибнет государство и народ, главное для них были личные амбиции и тщеславие.

Раскол хуннов произошел не по родовому признаку, представители рода Хуян, Лань и Сюйбу были и у северных и у южных. Нельзя сказать, что все южные хунны были равнодушны к гибели хуннского государства, некоторым было больно смотреть на обывателей и окитаившихся хуннов. После раскола начались частые переходы северных хуннов к южному тэнрекоту, а южных — к северному. Так продолжалось более 30 лет, целое поколение успело смениться, и к началу решающих военных событий каждый хунн сознательно выбрал сторону, на которой хотел сражаться.

«Численность хуннов, оказавшихся на китайских землях, росла. В основном рост происходил за счет пленных, захватываемых в войнах с северными хуннами, и к 90 г. южных хуннов насчитывалось 34 тысячи семейств общей численностью 237 тысяч человек, способных выставить 50 тысяч отборных воинов.»⁶² Хотя население Южного Хунну увеличилось, но это не усилило, а наоборот, ослабило державу. Захваченные в плен и добровольно подчинившиеся северные хунны были иного склада, чем южане. Они ненавидели как победителей китайцев, которые таскали на аркане их жен и детей, так и пресмыкающихся перед ними и воюющих против своих братьев южных хуннов.

Южные тэнрекоты и некоторые старейшины, стремившиеся привлечь на свою сторону китайцев и заручиться их поддержкой, стали искать в китайских летописях свои родословные в генеалогии по материнской линии от императоров и знатных китайских вельмож. Найдя эти доказательства, они гордились своей китайской родословной линией и в то же время забывали о тех временах, когда хуннские тэнрекоты, пользуясь силой, диктовали Китаю свои условия. Гордость таких полукитайских вождей еще более озлобляла северных хуннов.

Особенно ненавидели они Шигы, получившего за свои победы над хуннами титул восточного луки — князя (в 86 г. он напал на кочевья северных хуннов и нанес им большой урон), не без основания считая его и ему подобных вдохновителями разгрома их державы и причиной их сегодняшнего бедственного положения.

Новый южнохуннский тэнрекот Сюень никаких талантов не проявлял, но его племянник Шигы «оказался способным полководцем», и если его ненавидели северные, то среди южных хуннских обывателей он пользовался популярностью и имел немалый авторитет у китайцев. Шигы был храбр, образован, решителен, умен, имел много военных заслуг, но пресмыкался перед китайцами, и поэтому многие южные хунны хотели, чтобы он стал тэнрекотом, однако законным наследником был его дядя Аньго.

Тэнрекот Туньтухэ, заменивший Сюеня, умер в 93 г., и Аньго стал тэнрекотом, а Шигы — наследником, восточным князем. Став тэнрекотом, Аньго почувствовал неприязнь южных хуннов. Тогда он стал опираться на покорившихся северных хуннов. Шигы, опасаясь за свою жизнь, откочевал к китайской границе и, притворившись больным, не стал ездить на собрания князей. Китайский наместник Ду Чун, принявший сторону Шигы, вместе с ним стал строчить донесения императору о том, что Аньго стремился убить наследника. Император Хэ-ди приказал провести расследование, которое поручил Ду Чуну. Весной 94 г. Ду Чун с китайским войском подошел к ставке тэнрекота. Аньго знал, что такое расследование не сулит ему ничего доброго и ускакал в степь. Вокруг него вновь собрались северные хунны, некоторые южные хунны, и тэнрекот пошел на Шигы, чтобы казнить доносчика. Шигы успел бежать и укрыться в китайской крепости Мансянчен.

Ду Чун увеличил свои войска и с южными хуннами напал на Аньго. Сторонники Аньго из южных хуннов пришли в ужас и решили его головой откупиться от карателей. Аньго был убит, а Шигы возведен на престол. Но воины из северных хуннов организовали ночное нападение на Шигы, которое было отбито только китайской стражей. Несмотря на эту неудачу, восстание развивалось, и к концу года пятнадцать родов поставили сына покойного тэнрекота Туньтухэ Фынхэу тэнрекотом «против воли». Перебили китайских чиновников, сожгли караульные башни, почтовые дворы и, забрав имущество, пошли на север. Против повстанцев была брошена целая армия в 40 тысяч человек, состоявшая из наемных отрядов сяньби, ухуаней, тангутов и юж-

ных хуннов. Зимой 95 г. Фынхэу пробился и ушел на север, а китайские войска не смогли его догнать.

Судьба Фынхэу сложилась неудачно. Народ его стал бедствовать от голода и нападений сяньби. В 117 г. сяньби разбили и рассеяли его сторонников, большая часть ушла к северному тэнрекоту, а сам Фынхэу в 118 г. вернулся и сдался китайцам. Его не казнили, но поселили во внутреннем Китае.

Ду Чун и его единомышленники были преданы суду за то, что «нарушив доброе согласие с хуннами, довели их до возмущения», а затем медлительны были в военных действиях. Все они умерли в тюрьме.

Во время правления Шигы через несколько лет против него вновь вспыхнуло восстание, но с помощью китайцев восставшие были разбиты. В 89 г. Шигы умер. Престол перешел к его брату Тханю. В 109 г. тэнрекот южных хуннов Ваньши, севший на престол после Тханю, совместно с вождем ухуаней поднял восстание. К нему присоединились ухуани. Против них были посланы войска из сяньбийцев. Сяньбийцы вступили в сражение с ухуаньским вождем, занимавшим у хуннов пост левого военачальника. Они нанесли поражение, обезглавив вождя и убив свыше 3 тысяч человек. Объединенные войска окружили хуннов и ухуаней, и тэнрекот сдался. Во время сдачи китайцы выстроили войска, а тэнрекот без головного убора, босой, со связанными за спиной руками прошел через строй.

Тэнрекот Хюли, покончивший жизнь самоубийством в 142 г., был последним тэнрекотом из рода Цзюйдихэу. Дэулэчу и Гюйгюйр, сменившие его, были не просто ставленниками китайского двора, а скорее чиновниками, чем правителями. Китайское правительство так мало считалось с ними, что само подрывало их авторитет среди подданных. Так, например, Гюйгюйр был арестован и умер в тюрьме, его сын правил в 172—178 гг. А другой его сын, Хучжэн (178—179 гг.), был казнен китайским чиновником, который, правда, был наказан за превышение власти. Тэнрекот Цяньцюя (170—188 гг.) был убит самими хуннами, опасавшимися, что он мобилизует их на войну против сяньби. Его сын Юйфило бежал от мятежников в столицу (Лоянь) и был утвержден тэнрекотом, но не смел вернуться в свои владения.

В последний период (142—215 гг.) южные хунны разделились надвое: одни постепенно уходили на север, а другие окитались на месте. В степь уходили повстанцы. Много хуннов перешло к сяньбийцам в 158 г. Все энергичные люди, не желавшие

менять своего образа жизни, тяготились гнетом китайских чиновников. Кочевники сяньби были им ближе и роднее, и они уходили на север. Совместная жизнь с китайцами и смешанные браки постепенно изменяли тип и психику оставшихся в Китае хуннов.

«Южные хунны утратили свою государственность в 215 г., когда тэнрекот Хучуцунь был арестован, а для управления хуннами назначен наместник.»⁶³

Войны между Китайской империей и Хуннской империей, длившиеся более трехсот лет, закончились победой китайцев. Да, китайцы измотали и обессилили хуннов, но победила не китайская техника и армия, а стратегия, политика и дипломатия. Основная китайская тактика и политика состояла в том, чтобы вести подрывную работу среди хуннов. Китайские политики считали, что хунны состоят из множества племен. Племена по природе своей весьма доверчивы, простодушны, действуют без расчета на далекое будущее, а посему их легко поссорить. «Китайцы тщательно собирали и записывали сведения об этих племенах. Они хотели иметь точную информацию об их нравах, военной силе, рельефе местности, правителях, влиятельных лицах и т. д. На основе полученных сведений строилась китайская дипломатия по принципу «обуздать варваров руками варваров». Одним из дипломатических приемов стало разложение правящей верхушки кочевых племен путем разжигания у них наиболее низменных человеческих инстинктов. Именно об этом характерном для китайской дипломатии методе, применявшемся в отношениях с хуннами и другими кочевниками, были сделаны исторические записи в китайских трактатах Ханьфэйцзы.»⁶⁴

Хуннская правящая династия не только не смогла противостоять этой тактике, а наоборот помогала осуществлению этих планов и сама фактически развалила государство. История империи Хунны показала, что хотя хунны на полях сражений даже с малыми силами побеждали, но, в конечном счете, в стратегическом проиграли. Значить у ее правящей элиты не было стратегического мышления и стратегических планов развития государства.

В китайских династиях, среди императоров и в их окружении было много самодуров, которые приводили страну к разорению и хаосу, и по этой причине их свергали и к власти приходили новые династии. Но государственная машина и культура, была построена на века, что не давала таким самодурам уничтожить

Китай. А у хуннов этого не было продуманно. И после первых некомпетентных правителей государство рассеялось в прах.

Последние императоры империи Хань долго испытывали терпение Неба, и кончилось это тем, что у них был отобран Мандат на правление. В стране началось восстание, которое вылилось в гражданскую войну. 11 декабря 220 года император Лю Се отрекся в пользу самого сильного предводителя восставших Цао Пэя, который провозгласил себя императором династии Вэй. Четырехсотлетняя эпоха династии Хань закончилась. Но на этом восстание не закончилось. Другие вожди повстанцев продолжили войну, и Китай раскололся на три части.

Китайская история постоянно повторяется, как будто подчиняясь величественному ритму времени. Из хаоса и руин возникает талантливый правитель, который основывает династию, возрождающую страну. Вводится конфуцианская система управления. Государство процветает. Все двадцать две династии, вплоть до XX века, руководствовались традицией Мандата Неба. Император получал этот мандат за свое добродетельство. Небо лелеяло и защищало династию и покровительствовало Китаю. Со временем эта династия начинала разлагаться порочностью и так продолжалось из поколения в поколение, пока один из потомков династии полностью не уничтожит ее: взойдя на императорский трон, он начинал более развратную жизнь, тратя огромные деньги на строительство дворцов, различные развлечения, потакал порочным пристрастиям своих министров и слуг, окружал себя лизоблюдами, не совершал должных жертвоприношений. Соответственно, в стране сразу начиналась и быстро распространялась коррупция и взяточничество среди чиновников. Коррупция, а не деловые качества определяла того, кто займет ту или иную должность на государственной службе. Место можно было купить за деньги. Процесс разложения охватывал все верхние эшелоны власти. Водились новые дополнительные налоги. Законы ужесточались. Крестьяне и ремесленники начинали бедствовать и страдать от поборов государственных служащих. Быстрыми темпами увеличивались кражи и разбойные нападения. Во дворце происходили интриги, заговоры, убийства и самоубийства. Начинался период упадка. Конечно, Небо не могло простить такое императору. Включались силы природы. Страну поражали природные бедствия, засуха или наводнения. Страна погружалась в хаос. Тогда в стране били в барабаны, призывая к восстанию. Этот ритм барабанов предвещал наступление новой исторической эпохи Китая. И вот среди крестьян или ремесленников

появлялся человек, который поднимал мятеж. Бывало, мятеж поднимали военные. Так разгоралось народное восстание, охватывая всю страну. В народе говорили, император потерял доверие Неба. Мятеж подхватывали новые лидеры, которые начинали бороться за то, чтобы взять под свой контроль постоянно растущие отряды мятежников. Эта гражданская война длилась много лет. В конечном итоге один из самых популярных лидеров восстания захватывал столицу и извергал императора. Лидера провозглашали императором и он становился родоначальником новой династии и Сыном Неба. Так начиналась новая династия. Поскольку предыдущий император был низложен, утрата им Мандата Неба рассматривалась как следствие отсутствия у него добродетелей. Таким образом, в исторических записях он из Сына Неба превращался в узурпатора, развратника и изображался недалеким, лицемерным и страдающим манией величия человеком. Поскольку Мандат Неба отбирался, за ним закреплялось унижительное прозвище «Губитель династии». Мандат Неба у китайских императоров отбирали не только китайцы, но и тюрки, монголы или тунгусы-маньчжуры, которые также провозглашались императорами Китая и начинали новую династию. Они сохраняли власть до тех пор, пока служили Китаю. Как только начинали плохо служить, то китайцы изгоняли чужеземцев.

После хуннов, китайцы разгромили сяньбийцев. Северные кочевники пришли в упадок и в уныние. На северных границах Китая было спокойно. Степь отдыхала и набирала силы. За время мирной жизни, увеличилась численность кочевников, возросла их военная мощь. Но как только началась гражданская война в Китае, а за ней и падение династии Хань, северные кочевники устремились на историческую родину в Ордос и на земли, именуемые сейчас Северным Китаем. Историческая справедливость восторжествовала, из Внутренней Монголии китайцы были изгнаны, а во главе территории Северного Китая был провозглашен кочевник. Но правление династии кочевников продолжалось шестьдесят лет. Его сменила китайская династия. Правление Северного Китая переходило из рук в руки. Так продолжалось тысячелетия. Такое было историческое взаимоотношение между Китаем и кочевым миром. На данном этапе тюркский кочевой мир потеснен китайцами. Тюркская цивилизация не смогла ответить на вызовы времени. Одна из главных причин всего произошедшего — несоответствие ценностных мировоззренческих установок тюркских народов, о которых упомянуто выше в предыдущих главах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. Пер. с китайского по китайским источникам. — М., 1968, с. 6.
2. *Рейн Крюге.* «КИТАЙ. Полная История Поднебесной» перев. с англ. Дмитрия Воронина, Юрия Гольдберга М. 2006 г. с. 19-25.
3. *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Гл. 1. Л., 1926. с. 69.
4. *Рейн Крюге.* «КИТАЙ. Полная История Поднебесной» перев. с англ. Дмитрия Воронина, Юрия Гольдберга М. 2006 г. с. 20-70.
5. Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая от первобытного-общинного строя до образования централизованного феодального государства. — Т.1. — М., 1958 г. с. 120.
6. *М.В. Крюков, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров.* Академия наук СССР. Институт Дальнего Востока. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М. 1978 г. с. 177.
7. *М.В. Крюков, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров.* Академия наук СССР. Институт Дальнего Востока. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М. 1978 г. с. 179.
8. *М.В. Крюков, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров.* Академия наук СССР. Институт Дальнего Востока. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М. 1978 г. с. 180.
9. Мэн Вэнь-тун Чжоу цинь шаошу миньцзу яньцзю (Изучение национальных меньшинств эпох Чжоу и Цинь). Шанхай. 1958 г. с. 64.
10. *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951. с.55.
11. *М.В. Крюков, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров.* Академия наук СССР. Институт Дальнего Востока. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М. 1978 г. с. 181-184.
12. *Лео Яковлева, И. Дубровский, А. Овсянникова.* Всеобщая История. Религий мира. М. Эксмо, 2008 г. с.462.

13. *Рейн Крюге*. «КИТАЙ. Полная История Поднебесной» перев. с англ. Дмитрия Воронина, Юрия Гольдберга. М. 2006 г. с 81.
14. *Лео Яковлева, И. Дубровский, А. Овсянникова*. Всеобщая История. Религии мира. М. Эксмо, 2008 г. с.472.
15. *Рейн Крюге*. «КИТАЙ. Полная История Поднебесной» перев. с англ. Дмитрия Воронина, Юрия Гольдберга. М. 2006 г. с 103.
16. Мэн Вэнь-тун Чжоу цинь шаошу миньцзу яньцзю (Изучение национальных меньшинств эпох Чжоу и Цинь). Шанхай. 1958 г. с. 24.
17. *М.В. Крюков, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров*. Академия наук СССР. Институт Дальнего Востока. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М. 1978 г. с. 177-178.
18. *Рейн Крюге*. «КИТАЙ. Полная История Поднебесной» перев. с англ. Дмитрия Воронина, Юрия Гольдберга. М. 2006 г. с 110-111.
19. *Рейн Крюге*. «КИТАЙ. Полная История Поднебесной» перев. с англ. Дмитрия Воронина, Юрия Гольдберга. М. 2006 г. с 119-120.
20. *Н.Я. Бичурин* (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Предисловие. Алматы. 1998. том I. с. V-LLXII.
21. *Н. Я. Бичурин* (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Предисловие. Алматы. 1998. том I.с. LXII — LXIV.
22. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Алматы, 1998. Т. I, с. 40.
23. *Паркер Э.Х.* Тысяча лет из истории Татар. перев с англ. В.С. Мирзаянова. Казань, 2003. с 9.
24. *Паркер Э.Х.* Тысяча лет из истории Татар. перев с англ. В.С. Мирзаянова. Казань, 2003. с 10.
25. *Гумилев Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, 1991, с. 3.
26. *Окладников А.П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч.III. М-Л., 1955. С.8.
27. *Паркер Э.Х.* Тысяча лет из истории Татар. перев с англ. В.С. Мирзаянова. Казань, 2003. с 15.
28. *Паркер Э.Х.* Тысяча лет из истории Татар. перев с англ. В.С. Мирзаянова. Казань, 2003. с 16.
29. *Паркер Э.Х.* Тысяча лет из истории Татар. перев с англ. В.С. Мирзаянова. Казань, 2003. с 16.
30. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Алматы, 1998. Т. I, с. 52.
31. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Алматы, 1998. Т. I, с. 59.

32. *Каргабаев М.* Атлантида кочевников. Караганда, 2007, с 49-50.
33. *Новгородова Э.А.* Древняя Монголия. М., с. 201.
34. *Чебодаев П. И.* История Хакасии. — Абакан, 1992, — с.31
35. *Бичурин Н. Я.* Китайские известия о народах Центральной и Средней Азии в древнейшие времена. М., 1955. С.230.
36. *Бутанаев В.* Газета Советская Хакасия — 31 марта 1984 года.
37. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Алматы, 1998. Т. I, с. 53.
38. *Гумилев Л.Н.* Династийная проблема. Изв. Всесоюзн. Географическое Общество — 1959. — № 1
39. *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. — Л., 1926, Т. II. с. 100.
40. *Паркер Э.Х.* Тысяча лет из истории Татар. перев с англ. В.С. Мирзаянова. Казань, 2003. с 17.
41. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Алматы, 1998. Т. I, с. 57.
42. *Паркер Э.Х.* Тысяча лет из истории Татар. перев с англ. В.С. Мирзаянова. Казань, 2003. с 24-25.
43. *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. — Л., 1926, с. 100.
44. *Бичурин Н.Я.* Собрания сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Алматы, 1998. Т. I, с. 59.
45. *Рейн Крюге.* «КИТАЙ. Полная История Поднебесной» перев. с англ. Дмитрия Воронина, Юрия Гольдберга М. 2006 г. с. 145-149.
46. *Бичурин Н.Я.* Собрания сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Алматы, 1998. Т. II, с. 157.
47. *Бичурин Н.Я.* Собрания сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Алматы, 1998. Т. I, с. 75.
48. *Гумилев Л.Н.* Хунну. Срединная Азия в древние времена. — М., 1993, с. 115.
49. *Таскин В.С.* Материалы по истории кочевых народов в Китае III—I вв. Сюнну / Пер. с китайского по китайским источникам. — М., 1989, с.23.
50. *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. — Л., 1926. Т. II, с. 118.
51. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Алматы, 1998. Т. I, с. 90.
52. *Таскин В.С.* Материалы по истории кочевых народов в Китае III—V вв. / Пер. с китайского по китайским источникам. — М., 1989, с. 230.

53. *Рейн Крюге*. «КИТАЙ. Полная История Поднебесной» перев. с англ. Дмитрия Воронина, Юрия Гольдберга М. 2006 г. с. 145-149.
54. *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну по китайским источникам / Пер. с китайского. — М., 1973, с. 11.
55. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Алматы, 1998. Т. I, с. 106.
56. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Алматы, 1998. Т. I, с. 111.
57. *Таскин В.С.* Материалы по истории кочевых народов в Китае III—V вв. / Пер. с китайского. — М., 1989, с. 210.
58. *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. — Л., 1926. Т. II, с. 134.
59. *Таскин В.С.* Материалы по истории кочевых народов дунху / Пер. с китайского. — М., 1984, с. 310.
60. *Рейн Крюге*. «КИТАЙ. Полная История Поднебесной» перев. с англ. Дмитрия Воронина, Юрия Гольдберга М. 2006 г. с. 191-192.
61. *Гумилев Л.Н.* Черная легенда // Хазар. — Баку, 1989, № 1, с. 34.
62. *Таскин В.С.* Материалы по истории кочевых народов дунху / Пер. с китайского. — М., 1984, с. 16.
63. *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. — Л., 1926. Т. II, с. 140.
64. *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну / Пер. с китайского. — М., 1968, с. 122.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Глава I. Китай. Династия Ся	5
Глава II. Династия Шан	9
Глава III. Династия Чжоу	16
3.1. Социально-политическая организация и быт китайцев	18
3.2. Война с кочевниками	32
3.3. Конфуцианство	39
3.4. Китайские философские школы	49
Глава IV. Царство Цинь	56
Глава V. Династия Цинь	60
Глава VI. Династия Хань	65
Глава VII. Бичурин и кочевая историография	66
Глава VIII. Расселение древних татар	83
Глава IX. Восточная Хуннская империя	92
9.1. Социально-политическая организация и быт кочевников	103
9.2. Усиление Восточной Хуннской империи	137
9.3. Возобновление войны с Китаем	143
9.4. Завоевания и политика императора У-ди	149
9.5. Мышление хуннов	161
9.6. Междоусобица среди усуней	166
9.7. Империя Хань после окончания затяжной войны	171
9.8. Восстановление независимости хуннами	177
9.9. Восстание в Китае и гибель Ван Манна	181
9.10. Распад государства Хунну	183
Глава X. Западная Хуннская держава	186
10.1. Появление в Китае буддизма	191
Глава XI. Южная Хуннская держава	195
Список литературы	203

Безертинов Рафаэль Нурудинович

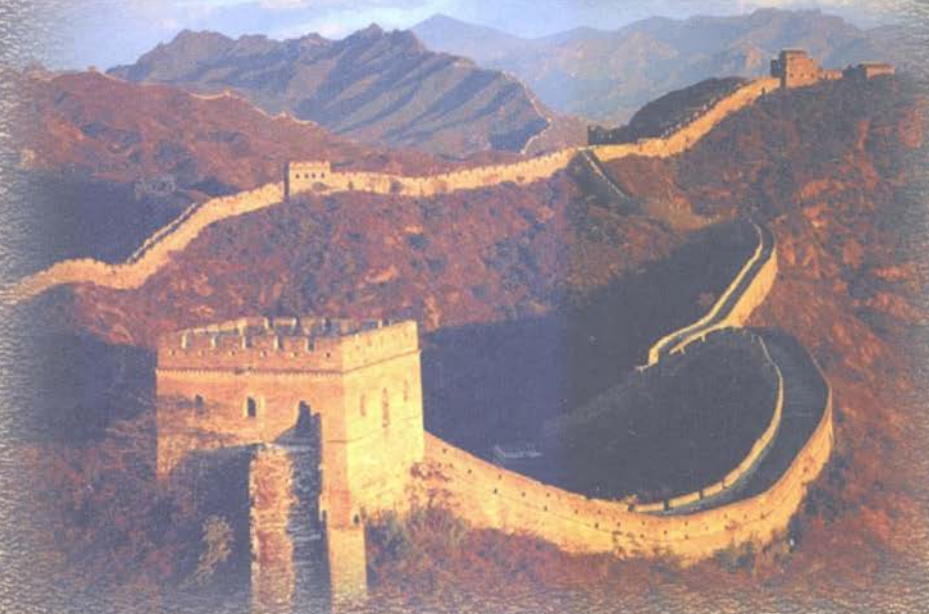
КИТАЙ И КОЧЕВОЙ МИР
(1500 лет до н.э. по 220 год н.э.)

Редактор *Л.З. Салахутдинова*
Художественное оформление обложки *А.А. Низамиев*
Технический редактор *Н.Ф. Гимадеева*
Корректор *Р.С. Салахиева*
Электронный набор *Р.Н. Безертинов*

Подписано в печать 25.03.2011. Формат 60×90¹/₁₆.
Гарнитура «Souvenir». Бумага офсетная. Усл. печ. л. 13,0.
Тираж 2000 экз. Заказ Р-450.

Издательство «Слово».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
Тел./факс: (843) 519-45-10.
E-mail: Slovopress-s@yandex.ru

Отпечатано в типографии филиала ОАО «Татмедиа» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

ХУННУ
КОЧЕВНИКИ

